

**ФЕВРАЛЬ
1999 2**

литературно-художественный
и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

В номере:

Вячеслав ПЕРВУШИН.
«Dakota» - российский
боевик о крутых
парнях.

Валерий ГОРДЕЕВ.
«Мы у Господа Бога
поблажки не просим».
История белого
офицера из Мелекесса.

Александра БЕЛОВА.
Новые стихи для детей.

Только в редакции журнала «Черемшан»!

Всем желающим оценить, подготовить и издать рукописи своих произведений предоставляем возможность:

- рецензирования Вашей рукописи членами Союза писателей России;
- редактуры произведения на профессиональном уровне;
- компьютерного набора, верстки и корректуры рукописи;
- художественного и технического оформления будущей книги;
- издания в фирменном стиле книг, брошюр, буклетов;
- литературной обработки, написания рекламных текстов, приветствий для юбиляров, листовок, докладов, эпитафий.

Предоставляем услуги:

- книжной лавки писателей;
- по составлению социолого-аналитических справок, прогнозов, моделированию выборных кампаний;
- по литературной обработке и подготовке дипломных и кандидатских научных статей;
- по оценке антикварных и букинистических предметов, рукописей, архивных материалов, фотографий, живописных работ, открыток и плакатов XIX и первой половины XX веков, организации аукционов.

Обращаться:
г.Димитровград,
ул.Юнг Северного флота, 107,
2-й этаж.
Телефон 3-11-50.

ЧЕРЕМОШАНИ

Февраль

1999

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

ПОДАД

"МЕЛЕКЕС"

В НОМЕРЕ:

- Записки хранителя. **В. Домбровский**. Еще раз о Пушкиных. 3
-
- Анна Филимонова**. Питерские стихи. 6
-
- Александр Никонов**. «Побег». Повесть
(журнальный вариант). 11
-
- Яков Рогачев**. «...к таинственному свету звезд приник».
Стихи. 38
-
- Вячеслав Первушин**. «Dakota». Рассказ первый. 42
-
- Сергей Слюняев**. «Мелекесская литература».
Опыт научно-вспомогательного указателя. 52
-
- Валерий Гордеев**. «Мы у Господа Бога поблажки не
просим...» История русского офицера из посада Мелекес. 69
-
- Детский уголок. **Александра Белова**. «Каждая снежинка,
как звезда!» 89
-
- Пародии. **Лидия Степанова**. «Эх, позлю народу!» 94

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

**На наш журнал
можно подписаться
только в его
редакции, с любого
месяца. Стоимость
одного номера -
5 рублей. На год -
50 рублей.**

Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.

В выпуске принимали участие:

Компьютерный дизайн: Т.Царева.

Техническое оформление: А.Ефремов.

**Редакция извещает о том,
что с согласия авторов их
произведения временно
публикуются на
безгонорарной основе.**

© «Черемшан» 1999

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг
Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.

Сдано в набор 10.03.99. Подписано в печать 7.04.99. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 6. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 2050

Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии,
433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

ЕЩЕ РАЗ О ПУШКИНЫХ...

Давно не секрет, что Симбирская губерния имеет самое непосредственное отношение к биографии и судьбе Александра Сергеевича Пушкина. Породненными можно считать гения русской поэзии и симбирянина Николая Языкова. На территории нашей области много мест, связанных с именем Пушкина, в т.ч., как сообщили мы в прошлом номере «Черемшана», и наш посад Мелекесс...

Ежегодно в первое июньское воскресенье в селе Языково проходят традиционные Пушкинско-Языковские дни, на которых встречаются люди разных профессий, национальностей, возраста и не только из земель симбирских, - со всей России, из других стран мира. И каждый раз на этих праздниках находится что-то новое из истории дружбы русских поэтов: деталь, предмет, слово, песня, воспоминание, экспонат, книга... Сегодня будет не лишним еще раз упомянуть о том, что еще в 1920 году в Ульяновске краеведы обнаружили в частных архивах рукописи А.С.Пушкина. А в 1931-м - восемь подлинных рукописей поэта были обнаружены в архиве симбирянки В.Назаревой. Хорошо известно, что и судьба повести «Капитанская дочка» тоже связана с пребыванием Александра Сергеевича в Симбирске. Здесь, в семье Языковых, он услышал историю семьи «Гриневых», помещиков из симбирского села Воецкого (ныне Майнского района).

В пушкинской «Истории Пугачевского бунта» многие строки, факты, фамилии также крепко связаны с нашим краем, особенно высказывания автора о Степане Разине...

Широко и всенародно, как «своему», отмечала Симбирская губерния в 1899 году 100-летие со дня рождения Пушкина. Наши предки были более щедры к великому поэту. Тогда, 26 мая, был всероссийский праздник в Симбирске, день был объявлен выходным и назван «Литературное утро». Кроме балов, литературных салонов, актерских представлений, гуляний, иллюминаций, была небывало щедрая и красочная народная ярмарка.

В 1937 году по всей области отмечали день Памяти - 100-летие со дня гибели Пушкина. Прошли сотни литературных встреч. Например, в колхозе «Первенство» Кременского сельсовета была даже организована «Пушкинская конференция»...

Но самое удивительное, что после смерти поэта наша губерния

даже «породнилась» с его семьей. Дети Александра Сергеевича - штаб-ротмистр лейб-гвардии конного полка Александр Пушкин и поручик того же полка Григорий Пушкин, фрейлина императорского Двора Мария Пушкина и жена полковника Дубельта - Наталья (урожденная Пушкина), - купили семейное поместье «Моревская дача» в Ардатовском уезде Симбирской губернии. Поместье составляло 711,5 десятин земли под полями, лугами и рощами. Управлял им полковник в отставке Осип Иванович Якубовский (дальний родственник нынешнего ведущего телеигры «Поле Чудес»). А Пушкины семьями отдыхали летом на этой своей своеобразной «даче», предпочитая здоровый климат Симбирской губернии заграничным курортам...

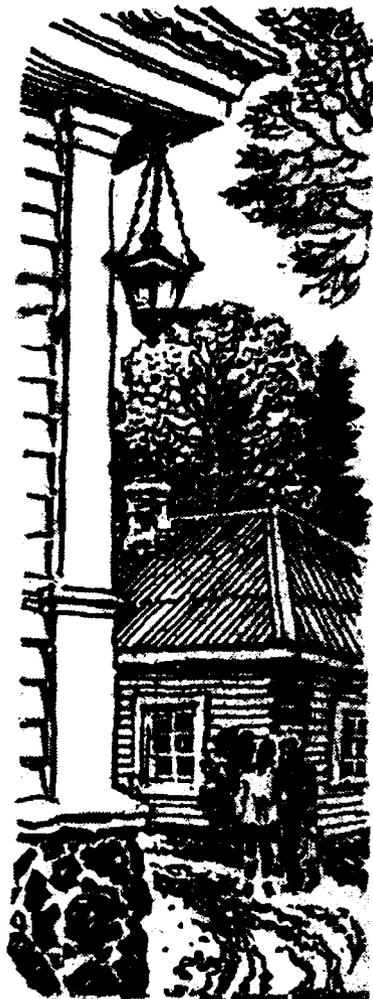
Семейная история Пушкиных очень богата и разветвлена. Потомки русского поэта сегодня разбросаны по всему миру. Второй муж Натальи Гончаровой был евреем, потому нет ничего необычного, что один из отпрысков пушкинского рода живет сегодня в Израиле. Ведь сам гений русского народа и русской поэзии недавно был признан выдающимся афро-американским поэтом, как потомок темнокожего Ганнибала - Alex Pushkin. Трое темнокожих журналистов - Уильям Эдвардс, Симеон Букер и Уильям Дэвис - учредили в США Комитет по празднованию 200-летия Пушкина в Африке и Америке. Они же пишут исследование «Александр Пушкин и афро-американский социум» - о влиянии славных генов Ганнибала на язык, характер и национальную идею США. Назначенный на начало июня 1999 года праздник закончится концертом в Карнеги-холле. Официальный язык праздника - английский...

В Америке живет 3-4 семьи потомков Пушкина. Один из их представителей - бакалавр изящных искусств - Кеннет Пушкин и сам пишет стихи. Его предки покинули Россию после 1917 года. Они сделались настоящими американцами. Но уже Кеннету пришлось пережить за свою известнейшую фамилию серьезные проблемы. Его одноклассники, «100-процентные американцы» часто били его за то, что он «грязный русский». В марте 1992 года К. Пушкин побывал в России - на Чукотке. А в 1993-м он, эксперт древней культуры эскимосов, побывал уже в Москве. Там и состоялось его знакомство с президентом Международного пушкинского общества - адмиралом ВМФ России в отставке Александром Сергеевичем Пушкиным. Поэтому сегодня Кеннет возглавляет американскую общественную ассоциацию «Пушкинское наследие». Готовит всеамериканский праздник в юбилейные дни, Пушкинские чтения в Стэнфордском университете, выставки, симпозиумы.

У американского Пушкина двое детей: Софья и Александр. Старший брат его - Денис Пушкин - преуспевающий бизнесмен. Живут они в городе Нью-Мехико...

Интересна судьба и внука того штаб-ротмистра лейб-гвардии конного полка, который с родственниками купил поместье в Симбирской губернии. Внук Александра Александровича Пушкина (в

последствии генерала) - Григорий Григорьевич был официально властями признан «советским потомком» поэта. Отец его был полковником артиллерии - Григорий Александрович Пушкин. Во вторую мировую войну ушел добровольцем на фронт, воевал в партизанском отряде. После войны Григорий Григорьевич по партийному призыву направляется на работу в МУР, имеет знак «Ветеран Московского уголовного розыска» за номером - 0007. После выхода на пенсию работал печатником в типографии «Правды», лектором при Союзе писателей.

Григорий Григорьевич рассказывал, что родственников Пушкиных жило в России человек 160 и столько же за границей: в Англии, Франции, Бельгии, Люксембурге, Марокко, США, Китае, Израиле. Например, во Франции - Луи Пушкин - китаец, женат он на троюродной племяннице племянника Григория Григорьевича. В Англии - это сама королева Елизавета II, которая состоит в родстве с пушкинскими отпрысками праправнучками поэта - герцогинями Александрой Аберкоронской и Натальей Вестминстерской - крестной матерью внука королевы - принца Уильяма. Шафером на свадьбе Елизаветы II был праправнук Пушкина - маркиз Дейвид Майкл Маунтбеттен...

Сегодня Григория Григорьевича уже нет в живых, но в Бельгии еще живет прямой носитель их фамилии - праправнук поэта Александр Александрович Пушкин, - родовая ветвь которого идет от Николая Александровича - внука самого Александра Сергеевича.

Так «разветвились» в мире потомки великого поэта, свято чтящие его память, высокое предназначение их рода, озарившего Россию вещим поэтическим словом великого языка русского.

В. Домбровский.

Анна Филимонова

Питерские СТИХИ

*Когда твоё брэнное тело
Становится явной помехой,
Живи все равно со смехом,
И дальше твори своё дело.*

*Когда ты измучен болезнью,
Не трать своё время даром.
Не будет душа твоя старой,
Коль ты сочиняешь песни!*

8.12.97.

*Есть в мире Нечто, что важнее всех слов,
Всех помыслов и дел плохих людей.
Так пусть же ангелокрылая Любовь
Не покидает храм души твоей!*

1.01.98.

*Порою кажется, что свет мне только снится.
Но вновь вступает он в борьбу с тоской.
И до земли хочу я поклониться
Непобедимой доброте людской!*

3.10.98.

*На рубеже тысячелетий
Мы пребываем в ожиданьи.
И первозданно свежий ветер
Касается людских сознаний.*

*Мы видим худших дней угрозу,
Их бесконечность. Но как прежде
Она пронизывает воздух, -
Почти незримая надежда.*

3.10.98.

*Чье сердце ярко вспыхнуло в огне,
Тот знает участь самых лучших.
Неоценимы миру их дары.
И, словно параллельные миры,
Людей различных лица, души
Несовместимо собраны во мне.*

9.10.98.

*Серые лица, пустые глаза.
Их отражая, серы небеса.
Их понимая, плачут они,
Им посылая серые дни.*

*Серые стены, холодный закат.
Черные тучи на крышах лежат.
Воздух вдыхаешь, как вязкий раствор.
Серые дни - судьбы приговор.*

*Серые дни - лишь плесень, налет.
Силы найдутся сбросить их гнет.
Что там за ними - не стоит гадать.
Солнечный день. Он придет.
Будем ждать.*

2.11.98.

Проповедь (притча)

Наверно ступая
ногою босой,
Слепой пилигрим
каменистой тропой,
Наверх уводящей,
витою петлей,
Шагал,
опираясь на руку того,
Кто вызвался быть
проводящим его.

Из города в город он вел старика,
Где тот проповедовал. Издалека
Стекался послушать пророка народ,
Добром отвечая на слово его.
Все знали: скиталец любого поймет,
Не требуя ни от кого ничего.

Ведя старика, проводник молодой
Мечтал отдохнуть под зеленой листвою.
Палящее солнце и горы вокруг...
Устал проводник от скитальческих мук.

Старик же размеренно дальше шагал,
От долгого странствия не уставал.
Не зря пред собой ничего, кроме тьмы,
В лохмотьях, босой, без дорожной сумы,
Был рад он любому осколку камней,
Впивавшихся в кожу разбитых ступней.

Уж близится вечер, алеет закат,
Желанный вдали не виднеется град,
Давно заблудился юнец-поводырь: «Мы пришли.
И город, отец, наконец, мы нашли.
Уж близится ночь, но на площади люд,
И все вашей речи в безмолвии ждут».

Старик улыбнулся и стал говорить.
И этого мига юнцу не забыть.
Незрячий взор странника свет излучал
И солнца закатного не отражал.

Пророк говорил о прекрасной Любви,
Что гасит желчь гнева и злобы в крови.
Пророк говорил о великом Добре,
Что тьму разгоняет, подобно заре.
О том, что все сущее - есть Красота,
И души о ней не покинет мечта.

Старик говорил, и был прост его слог,
И мысли текли, как хрустальный поток.
И Солнца закатного огненный диск
Над зеркалом озера словно завис,
Забыв, что тьма ночи не так далека,
Он будто внимал лишь речам старика.

Вот старец умолк. И озерная гладь
Волной беспокойной нарушилась вдруг.
Послышался гул. Это камни вокруг
Уж более были не в силах молчать.

Пророк удивился: «Еще никогда
Не слышал подобного отклика я
На речи мои. Сей ответ навсегда
Запомнится мне как божественный миг.
Спасибо вам, люди. Спасибо, друзья.
Да будет ваш город красив и велик!»

*К волхву подошел молодой пилигрим
И, белый, как мел, преклонился пред ним.
И шепотом молвил: «Спасибо, Отец!
Сия ваша проповедь, вольный мудрец,
Есть лучший из перлов, услышанных мной,
И ветер ее уж увлек за собой.
Он по миру мудрость сию разнесет
Для тех, кто в надежде слова эти ждет».*

*И юноша-странник с тех пор навсегда
Всю жизнь обречен был сгорать от стыда.
Март 1998 г.*

Александр НИКОНОВ

ПОБЕГ

Повесть
(журнальный вариант)

Окончание.

Начало в предыдущих номерах.

6

Михаил проснулся, когда солнце перевалило далеко за полдень. Косые его лучи прошивали желтые занавески. Одно окно было распахнуто, и потому в избе пахло степным настоем полыни, сурепки, типчака и пыли. На улице гоготали гуси, шелестела жесткой листвой посаженная под окнами сирень.

Егоров с Балабиным еще спали на прохладном полу. Солнечное пятно подбиралось по-кошачьи к их изголовью. Чтобы оно их не разбудило, Михаил повесил на окно шаль, на которой спал, и услышал доносившийся из задней половины избы притаенный разговор. Слов он не разобрал и потому подошел к двери, прислушался. Разговаривали женщины. Он, не таясь, вошел. За столом сидели Катерина с Марьей. Марья оглянулась на скрип половиц и бросилась к брату.

- Братушка, Мишанька! Живой, слава богу, живой! Вот и свиделись. Уж и не чаяли тебя видеть живым, а ты вот... Братушка!

Они обнялись. Михаил гладил ее по седым волосам и молчал, а она, как и положено бабе, плакала и причитала:

- Ох, наговорили на тебя твои вороги, упрятали ясна сокола в звериную клеточку, осиротили детушек малых, изгнали из-под кровушка родного! Ох, да кровинушка твоя последняя, младенюшка Полинушка, спит в земельной колыбельке непробудным сном!

Михаил оторвал от себя сестру и, в упор глядя в ее запрокинутые глаза, затормошил за плечи:

- Что ты плетешь, Маня?! В какой еще колыбели?! Ну, говори, что с Полиной?

Но Марья будто онемела и даже не моргнула на крики Михаила. В озерах ее широко раскрытых глаз плескались слезы. Но Михаил кричал и кричал. На руке его повисла Катерина.

- Мишенька, милый, успокойся! Она-то чем виновата? Не хотели мы тебе говорить о Полюшке, боялись, что не совладаешь с собой. Да ты сядь-ка, сядь! И ты, Маша.

Она усадила обоих на табуретки и побежала на погребницу за квасом. Когда вернулась с большим ковшом назад, брат с сестрой сидели молча. Катерина протянула ковш Михаилу, но он не обратил на нее внимания, как сидел, опершись руками о колени, опустив безвольную голову, так и остался недвижим. Мария попила квасу и тихо заговорила:

- Полюшка-то заболела после того, как Грешков двери снял. В избе, как в холодильнике было. А может, от расстройства желудка. Ведь у Нюры от всех переживаний молоко пропало, вот Полину и кормили чем ни попадя. И к фельдшерице ее носили, и к бабкам - ничего не помогло. Так и угасла свечечкой. Лежит в гробике, как живая, ну будто уснула и проснуться никак не может. Нюру-то еле отходили, две недели с постели не поднималась. Совсем высохла. Она так-то как лучинка была, а тут еще такое горюще! Но отошла, слава богу.

Михаил, наконец, шелохнулся, повел головой, будто отгонял от себя кошмарный сон, разомкнул капканом сжатые челюсти.

- Та-а-ак. На фронт-то берут мужиков?

Женщины переглянулись. Марья с готовностью ответила:

- Как не брать, берут. У нас в Александровке двадцать восемь человек по первому разу ушли.

- Митьку еще не забрали?

- Нет еще, год его не подпал.

- Вырос, наверно.

- У молодых где годочек, там и росточек. С тебя, поди, вымахал, - Мария внимательно посмотрела на Михаила. - Выпитый батя, только в волосах материны курчавинки заплелись.

Странно, но сейчас в душе Михаила не было никакой горечи, только пустота медным колоколом гудела внутри. Он чувствовал, что этот гул готов вырваться наружу. Но для этого чего-то не хватало, а чего - он и сам не знал. Для этого что-то нужно было: или напиться и забыть все, или прижать к себе жену и детей, или пойти с Семке Грешкову и поглядеть ему в глаза. Но ничего из этого он сделать сейчас не мог. Им овладело непреодолимое желание сбросить с себя грязную одежду, если была бы возможность, то вместе со шкурой, и тереть себя, тереть, пока не отойдет, не отмякнет душа. После долгого молчания Михаил прохрипел:

- Баньку бы сейчас.

Катерина обрадовано вскочила с места, поняв, что Михаил отошел.

- Баньку! Это мы вмиг справим!

- Только не здесь, - остановил ее Михаил. - Дома.

Последнее слово он выдохнул легко и свободно, будто и на самом деле находился уже дома, будто пришел с покоса, и истомленное духотой и жарой тело запросило отдохновения.

7

В Александровку они пошли, когда сгустилась тьма. Как только прошли лесопосадку, внутри у Михаила что-то отпустило, и он облегченно и вольно вздохнул. Там, за спиной, осталась земля, которая напоила его крутой горечью, не давала всклень дышать, томила и тяготила. Как мало человеку надо. Стоило перейти лесопосадку, отделяющую два района - Николо-Черемшанский и Ставропольский, как остались позади все волнения и тревоги, будто разрубили его жизнь на две половины - прошлую и будущую.

Вот и деревня. Тихо. Темно. Лишь стрекошет под ногами застарелая трава-мурава да белеют лица.

- Пришли, - шепнула Марья.

Михаил пригляделся и узнал свой дом, в котором родился. В прихожей было темно, из передней комнаты сквозь ситцевые голубые занавески сочился свет керосиновой лампы. Там о чем-то тихонько говорили. Когда скрипнула входная дверь, все затихли однако навстречу никто не вышел. Сестра тихонько подтолкнула Михаила в спину.

- Иди, чего стоишь, ждут ведь.

Михаил, откинув занавеску, вошел в комнату и остановился у порога. За столом все встали и повернули головы к дверному проему. Первой опомнилась Нюра. Она кинулась Михаилу в ноги, крепко обхватила их руками и заплакала: тихо, сдержанно, завывая. Михаил разорвал обручи ее рук и легко приподнял с пола.

- Ну что ты, Нюрушка, что ты. Это мне бы в ноги-то...

Он прижал ее к груди и в один миг все забыл. Будто и не было страшных, чудовищных в своей несправедливости лет, не было ни разлуки, ни лагеря, ни побега, не было ничего, что разлучало его с семьей. Она, низенькая, хрупкая, уже не плакала, а будто отдыхала на его груди, счастливо и глупо улыбаясь. Михаил не видел ее лица, но чувствовал ее улыбку и тот покой в ее душе, который передавался и ему. Одной рукой он обхватил ее за плечи, а другой гладил по волнистым волосам. Они у нее были так черны, но по-прежнему пахли щелоком и мятой. «Из бани, видать», - догадался он и лишь сейчас почувствовал, что он дома. Тихонько отстранил от себя жену и подошел к сыновьям.

- Ну, здравствуйте, сынки.

Обнял троих разом, поцеловал младших в макушку и весело сказал:

- Вот я и дома.

- Ну все, все, хватит, наглядитесь еще друг на дружку, - загомонила сестра. - Давайте в баню, а потом поговорим.

Они терли и хлестали друг друга до одурения, плескали на каменку до тех пор, пока не зажгло уши. Выскакивали в предбанник, вытягивались на полу и долго лежали, наслаждаясь прохладой и свежим воздухом. Потом снова заскакивали в пар и залезали на полок. В белых подштанниках и рубашках, потому что всю одежду Марья замочила в чану для стирки, они проскочили огородом и юркнули в избу.

- С легким вас паром, - поприветствовала Нюра. Егоров широко и блаженно улыбнулся

- Спасибо, хозяйшка. Давно такого блаженства не испытывал. Знаете, будто заново на свет появился.

Михаил мимоходом приобнял жену, она вскинула ласковые глаза и сказала:

- Садитесь за стол, дорогие гости. Голодные, небось.

Порхнула за печь и принесла литровую бутылку. Смущенно сказала:

- Извините, ничего другого нет, самогонки вот у Плющеихи взяла.

Балабин потер руки:

- Ничего, нам годится все, что горит.

Все засмеялись и настроение за столом сразу поднялось...

8

Через два дня ранним утром в окно постучал Савелий Солонцов. Открыла ему Марья, заворчала:

- Что тебя, старого, по ночам-то носит?

Не обращая внимания на бабье недовольство, он спросил:

- Спят еще?

- К стаду не вставали. Чего приперся в такую рань?

- Михаила разбудил, дело до него есть.

Савелий сел на мокрый порог, снял вымокшие башмаки, подвернул штанины.

- Вон как уросит, должно быть, к долговому ведру. Самый раз к страде, - взглянул на Марью. - Ну, что уставилась-то, чать не Христос с неба спустился. Торжни Мишку, говорю, дело есть.

- Какие дела ни свет, ни заря, - с зевком укорила Марья, но все же пошла в избу. Михаил вышел в нательном белье, заспанный, взъерошенный, с синеватыми пролежнями на щеке и на руках.

- Эх, спишь ты, ровно гусар, - насмешливо встретил его дед Савелий. - Что выскочил, ровно Чапай? Иди, оденься.

Михаил молча повернулся и скоро пришел одетым. Понимая, что старик не пришел бы зря в такую рань, сел рядом и терпеливо ждал первого слова.

По пустынной улице по-пластунски полз туман, укутывая залужалую землю, заборы и окна домов. Еле шевелясь, он тек откуда-то с полей, со стороны речки и сползал в овраг за амбарами, вскатываясь и перевиваясь клубами и гривами. А выше стояла прозрачная свежесть и прохлада. Восходящее солнце освещало верхушки ветел и реку, голубило небо. На скворечнях хозяйничали скворцы и пели свою развеселую заутреню. Временами первозданную тишину нарушал жипистый, истеричный крик петухов.

Савелий достал из глубокого кармана табакерку и газету, сложенную в дольку. Оторвал себе и Михаилу, насыпал по щепотке самосада. Когда закурили, начал разговор:

- Николашка письмо прислал. Откуда-то, видать, с под Ленинграду.

- Такое в письмах не пишут, дядя Савелий.

- Оно так, не пишут, но мы тоже немного кумекаем. Пишет, ты тоже, батя, в энтих местах бывал. А я воевал под Питером в восемнадцатом. Обороняются, видать, изо всех сил, пишет, рвется гад к городу.

Михаил молчал и мучился - это было заметно по скрадываемому вздоху и мятущимся глазам.

- О тебе вспомнил, мол, если б Мишка был со мной, легче б было...

- Письть будешь, дядя Савелий, поклон ему передай. Ну, всего не пиши, а намекни, что жив, мол, и здоров Мишанька.

- Напишу уж, - Савелий замылся, зачесался. - Ты Ваньку-то Воронова помнишь?

- Эт который? Пелагеи Вороновой, что ль?

- Он. Заходил вечер ко мне. Он в Ставрополе, в милиции.

- В милиции? О чем спрашивал?

- О Николашке спрашивал. Как, мол, он? А я говорю, воюет. А не приходили ли на его имя письма, не спрашивал ли его кто? Да кто, отвечаю, ему писать будет, от самого весточки не дождемся. Тут он и подает мне Николашкино письмо. Ну, прочитал я его, спасибо сказал, а сам думаю: э, неспроста в твои руки оно попало. Потом и о тебе каляк завел. О Миньке-то Конорове ничего не слышать? Ах ты, думаю, жук навозный, копаешься. Я, как положено, перекрестился и говорю: «Грех, Ваньша, убиенных все поминать». А он мне строго так: «Не убиенный, а расстрелянный по суду, как враг народа». Думаю, если расстрелянный, зачем тогда спрашиваешь? А он свое: семья, мол его

где, дети, как жена? Я говорю, что же о семье через столько лет вспоминать, до сих пор никому не нужны были, а тут на тебе, спонадобились. Это, говорит, не твое дело, дядя Савелий, тогда время такое было, а сейчас, может, помочь чем надо, так ты скажи, где они. Ведь они, я слышал, от тебя уезжали. От меня, отвечаю, от такого позора и на край света пешком убежишь. Собирались, мол, на Украину, а там, бог знает, куда их дорога привела. С тех пор ни слуху, ни духу. Потом спрашивает: не слышал, посторонние в Ташелке не появлялись? Как не появлялись, говорю, были на прошлой неделе. Он аж вздернулся, бедный, - Савелий с хохотом повысил голос. - Ну-ну, кто же такие? Разве, мол, знаешь кто такие, да и издаля видел. Трое или четверо мужиков, говорю, у колодца останавливались, а потом в сторону Ставрополя пошли. И знаешь, Мишанька, без греха это сказал. Накануне тебя как раз цыганы у нас были. Смотрю, Ваньша подхватился и к двери. Думаю, дай посмотрю, что он дальше делать будет. Вышел в сенцы и в окошко наблюдаю. Зашел он к Кучерявому, вышли на улицу, о чем-то разговаривают, машут руками. Игнашка белый стоит, как липова доска. Потом подались кудай-то вместе. Вот такие дела, Мишанька, видать, ищут вас.

Пока Савелий вел рассказ, Михаил думал: «Вот и сюда Молочков добрался. Ясно дело, где нас искать - дома. Ну, у Федьки дома нет, у Егора, по его словам, семья тоже неизвестно где, остается один адрес, мой. И дернул меня черт соблазнить их сюда. Теперь жди, когда они явятся. Когда? Может быть, сегодня или завтра. В Ташелке наверху кто-то знает, что Нюра к сестре моей поехала».

- Что же делать, дядя Савелий? - вслух спросил он.

- Что да што? - Савелий бросил окурок в мокрую траву и плюнул вслед. - Я уж прикидывал, думаю, на фронт вам подаваться надо, ясен яшень, смертушка-то, она тоже разборчива. Коли суждено умереть, так вас воинами в поминальники запишут, а останетесь живы - жизнь сама на место все поставит. Не может такого быть, чтоб ничего не изменилось.

- У нас тоже мысль такая, дядя Савелий. Но, сам знаешь, документов никаких нет. А без них мы не люди, не граждане. И на воинском учете не состоим, в военкомате сразу спросят, откуда, кто такие.

Савелий почесал густую белую шевелюру, ответил:

- Я вот что думаю. - Он стал загибать пальцы. - Во-первых, здесь пока вас искать не станут, потому что район другой, а, судя по всему, разыскивают вас только ставропольские. Второе - александровские на вас вряд ли донесут, потому что знают, что тебя обвинили облыжно. Потом - со здешним председателем сельсовета можно договориться, он мужик вроде ничего, ясен яшень. Вот он и поможет вам, и справки, какие надо справит. Ему ведь тоже работников отпускать неохота, а вас он за милую душу отправит.

- Хорошо, если так. А вдруг сообщит в милицию?

- Ну на хрена ему, Мишанька, с ними связываться, одни неприятности, укрывательство могут приписать, а он мужик осторожный.

Михаил вздохнул, хотел было рассказать про Балабина, но потом раздумал.

- Вот и ладно.

Часть четвертая

1

В задней никого не было. Кричать было неудобно, Михаил прошел по гибким половицам и остановился у двери в горницу. В углу на коленях стояла старуха и

кпала поклоны. Сверху, освещенный слабым огнем лампы, на нее глядел скорбно-укоризненный лик Божьей матери. Старуха шептала что-то слышимое лишь ей самой да иконе. Она почувствовала, что кто-то вошел, боковым зрением посмотрела на Михаила, скороговоркой закончила молитву и, оперевшись обеими руками об пол, встала. Подслеповато всматриваясь в лицо вошедшего, спросила:

- Кого бог принес?

Михаил кашлянул, но на вопрос не ответил.

- Здравствуйте, мамаша.

Она перекрестила его и закивала головой.

- Спаси вас бог.

- Нам бы хозяина, Василия Демидыча.

Старуха замахала руками и неожиданно пошла в наступление:

- Какой же он хозяин? Хозяин, царство ему небесное, уж четыре годочка, как с богом беседует. А этот нехристь, которого ты хозяином называешь, - другим хозяйством заведует - советским. Богу - богово, кесарю - кесарево.

Старуха подошла к иконе, посплюявила пальцы и потушила лампадку, потом подкрутила фитиль притушенной керосиновой лампы, которая стояла на маленькой полочке, прибитой к стене. Не приглашая ни пройти, ни присесть, она стала убирать со стола посуду и ставить ее в шкаф.

В задней избе стукнула дверь. Старуха тихонько ойкнула и мигом скрылась за печкой, задвинув побликшую ситцевую занавеску.

Гости посторонились. В дверь пролез мужчина лет тридцати-тридцати пяти, весь широкий, от головы до ног, и с необъятной, добродушной улыбкой. От него пахло вином, сухой пылью и табаком. Гости проговорили свои приветствия, Василий Демидович лишь улыбнулся им в ответ, как старым знакомым, придвинул скамейку к двери и предложил:

- Да вы садитесь, мужики. - Сел и сам, облокотившись на спинку стула. - Ну, не заговорила тут вас наш божий одуванчик? - и засмеялся. - У нее на все беды один ответ: бога забыли. Засуха - люди богу не поклонились, неурожай - то же самое, ребенок помер - значит, некрещеный, война пришла - потому что бога забыли, отступают наши - лбы не крестят. Так что ли, мамаша? - крикнул он за занавеску.

- А чо, не так что ли? - проворчала старуха.

Хозяин достал из кармана широких штанов свернутые газеты, развернул одну из них.

- Ага, вот. Советские войска вели тяжелые оборонительные бои по всему фронту. Вот такие дела, мужики, - вздохнул он. Потом повернулся к Конорову. - А я тебя узнал. Звать забыл. Михаилом, говоришь? Так вот, я тебя узнал, Михаил. Помнишь, году эдак в двадцать девятом или тридцатом стычка на лугах была? - Он засмеялся и стал объяснять, обращаясь к Егорову и Балабину. - Колхозы тогда только образовывались. В Ташелке первыми сгуртовались, а у нас мужики все раздумывали. Как раз сенокос на носу был. Приехал к нам колхоз организовывать рабочих из города, Лапошин, кажется, его фамилия. Он уж и так, и эдак уламывал мужиков в колхоз идти - ни в какую! Тогда он возьми и бухни на собрании: «Сидите, сидите, пока вы тут свои куриные мозги жуετε, ташелские все лучшие лужки по приречью захватят. Вот тогда поглядим, чего зимой жевать будете».

Ну, мужики вскочили: как так, како их право? А такое, отвечает Лапошин, колхоз - это общество, а общество - это сила, как решат, так и будет. А вы кто? Единоличники. Стало быть, вы каждый сам по себе, а они - кулак. Что тут началось!

Все кричат: меня запиши, меня запиши! А на другой день мужики косы в руки и к речке, видят, а там ташелские самый клеверок собирают. Ну и давай цапаться. Оттуда мальчонка прибежал, кричит: мужиков наших убивают! Лапошин как раз у соседей наших, Маловых, жил, забегает он ко мне: Васька, мужиков наших бьют! Ну, прибежали мы туда. Что такое? Все тихо, все спокойно, и наши, и ташелские в одном клину косят. Спрашиваем, что случилось? Мнутса, посмеиваются: а ничего, мол. Тут Михаил нам все и рассказал. Ну-ка, просвети сам, - обратился к Конорову Василии.

Михаил чему-то улыбнулся, взмахнул рукой, мол, чего там - было, а потом досказал:

- Ну, косим мы, знаем, что наша делянка как раз по овражку проходит. А тут смотрим, александровские идут. Идут и идут, работаем себе. Александровские, вроде, мирно: что-то раненько вышли, не решили ли под темнок и нашего сенца прихватить? Мы говорим, господь с вами, мужики, и в мыслях такого не было. Они свое: знаем, мол, мы вас, чугунков...

Слово за слово, сцепились двое, потом и другие. А я не знаю, что делать: самому в драку встревать негоже - за главного назначили. Гляжу, дело до серьезного доходит, ах, думаю, мать твою так, замахнулся косой да как крикну: «Берегись, посеку!» Видно, морда у меня тогда страшная была, да и силенкой бог не обидел, все стрельнули в разные стороны, как пескари. Ну, очухались немного, я им и говорю: «Вы что же, мужики, совсем охренели! Так и будем теперь за каждый клочок земли драться? Что бы спору больше не было, давайте косить вместе». «Это как?» - спрашивают. Да так, мол, вместе скосим, а потом поделим. Александровские кривятся: ишь, хитрецы, у вас дворов больше, вам больше и достанется. У нас, говорю, теперь два двора: наш колхоз да ваш, вот и поделим поровну. Впрочем, посмеялись мы тогда над своей дуростью и за работу. А потом и они прибежали, - Михаил показал рукой на Василия.

Посмеялись еще, на этот раз все вместе. Василий принялся расспрашивать про житье-бытье, а Михаил все думал, как начать свой разговор. Он понимал, что с Василием, как и с сыном, нужна только правда. Но он боялся ее сказать. Дмитрий - сын - родная душа, и то, что он, может быть не досказал, то сын дочувствовал. А тут чужой человек. Сможет ли он их понять? Пугала чем-то и старуха, не столько своей набожностью, сколько поселившейся в ней жестокостью и озлобленностью. Он знал, что она все слышит и потому боялся начинать разговор. Выручил сам хозяин:

- Пойдемте-ка, мужики, в сенцы, на воздух, здесь все провоняло ладаном, а я терпеть его не могу.

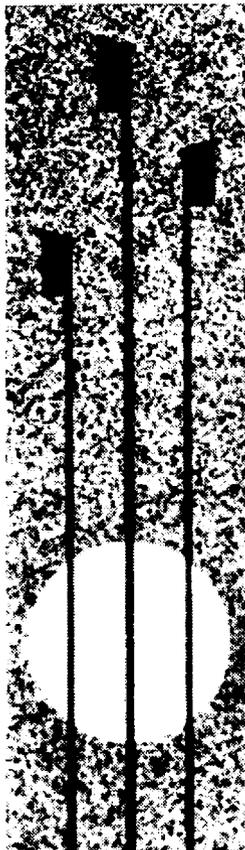
Василий поставил лампу на узкий подоконник и все сели за сколоченный из дубовых досок стол. Михаил выразительно посмотрел на Балабина и тот достал из-под рубахи бутылку водки. Василий с брезгливой миной отвернулся от нее, потом вздохнул и встал.

- Щас закуси принесу.

Вернулся с чашкой квашеной капусты и ломтем хлеба. Поставил все на стол и хлопнул ладонями.

- Ну, не на погляд же вы ко мне пришли. Говори напрямую, Михаил, а то по деревне разные слухи о вас ходят, кто говорит, что вы в бегах, кто говорит - освободили.

Михаил был благодарен Василию за прямоту, она не оставляла путей для сомнений и отступления.

- Скажу прямо - бежали мы.

Василий присвистнул:

- Вот оно как. - Разлил водку в стаканы. - Тогда давай выпьем, а то, по всему виду, разговор серьезный будет.

Они выпили, посолили во рту капусткой, занюхали хлебом. Василий смотрел на них изучающе, недоверчиво, но спокойно. После долгого молчания спросил:

- А ко мне-то зачем? Я не поп, чтобы грехи отпустить, и не энкедеvist, чтоб с повинной принимать.

Егоров вдруг взорвался:

- А ты думаешь, мы попа искали? Нам помощь твоя нужна, отправь нас на фронт. Документов у нас, как понимаешь, нет, затем и пришли.

- На фронт? - удивился Василий. - Эва, вы какие! Добровольцами, стало быть. Неужто ради этого и бежали? Да-а-а. Я бы и рад, мужики, вам помочь, но уж больно закавык много. Во-первых, вы в нашем военкомате на учете не состоите. Как же я вас рекомендовать буду? Вот, мол, ко мне тут мужички пришли без документов, возьмите их Христа ради на фронт. Так что ли? К тому же я не знаю, кто вы такие. Ну, про Михаила я слышал, а вот про вас... - Василий повернулся к притихшим друзьям Конорова. - То-то и оно.

Встрял Михаил:

- Я за них поруку дам, если и совру, куда не денусь - моя семья тут.

- А причем тут семья?! - закричал Василий. - Ты что, думаешь, я в заложниках их держать буду? Нет, мужики, я вам не помощник. Я вас не видал, я вас не знаю и знать не хочу. И вы ко мне не приходили, вот такая обстановочка. А за угощение спасибо.

Холодно попрощались и ушли. Чтобы не будить домашних, легли на сеновале. Балабин вполголоса ругал предсвета:

- Падла перхотная. Я вас не видел, я вас не знаю! Жалко, что я его перышком не пощекотал. Заложит, сука, тикать надо, товарищи советские начальнички, пока не пылит дорога, не дрожат листья. Вы как хотите, а я посплю и завтра сматываюсь в солнечные края. Все, хватит, похлебал деревенских щей.

- Какие края, дура! - рыкнул на Балабина Михаил. - Ты слышал, что сейчас творится в солнечных краях?

Отозвался и Егоров:

- Да, подсек нас мужичок, как ту елочку - под самый корешок.

2

Не спал в ту ночь Василий. В какое-то мгновение он забылся, но его толкнула в бок вернувшаяся из райцентра жена.

- Ослобони место-то, хряк. Разлегся тут.

- Что так поздно? - равнодушно спросил Василий.

- А тебе все надо знать! У товарки сидели, делили соль, мыло, спички. Это тебе ничего не надо, кроме водки да бабьего места. А семью кто кормить будет? Фу, опять нализался. И не стыдно народу в глаза смотреть! Ведь власть ты у нас, как бы на вершине стоишь: все видят, все знают. Чо ты вытворяешь-то, а? Пить начал. Другие люди горе принимают, а ты за водку взялся.

- Да нишкни ты, свара. Учить задумала - сама по базарам все ноги пообивала, вот и все твое горе.

Жена замолчала, а потом снова начала бубнить под нос. Василий слушал ее жалобы на нелегкую жизнь и молчал. Слова жены его не трогали, они как бы проходили сквозь него, не задевая за живое.

И вспомнилось ему давнее из прошлой их жизни с первой женой - Тасей...

Через несколько месяцев после знакомства поженились они, как тогда было принято - без регистрации и пышной свадьбы, и получили отдельную квартиру с кухней и туалетом в старом особняке недалеко от ее родного дома.

Так прошло три года. Тася работала заведующей сектором учащейся молодежи, Василий - мастером на небольшом швейном предприятии. Жили они непринужденно и спокойно, как могут жить только счастливые пары. Но, как это часто бывает, у счастливых людей для полного счастья всегда чего-то не хватает. У Василия с Тасей не было детей, и это обстоятельство иногда омрачало их общее бытие.

3

Тот день Василий запомнил хорошо. Поздним вечером они шли по обезлюдевшей улице, делясь впечатлениями впитанными за день.

- Знаешь, Веснушка, у нас сегодня Воркутов, конструктор, не пришел на работу.

Тася внимательно посмотрела в его глаза и спросила:

- Враг?

- Да, говорят, вчера вечером забрали.

Тася долго молчала потом вдруг заволновалась.

- Вася, как ты думаешь, откуда они появились, эти враги народа? Ведь не было, не было, и вдруг появились. Не замечали их раньше, или сейчас появились новые условия для их размножения?

В этом шутивно-серьезном вопросе была и горечь, и любопытство, так ему знакомое. Василий с опаской огляделся и предупредил:

- Не так громко, Тасенька. Я и сам ничего не понимаю, но во всем происходящем чувствуется рука одного человека: одни методы, стандартные обвинения. Думаю, что этот человек обладает неограниченной властью.

- Ты думаешь, это?..

Но Василий перебил ее:

- Ни о ком конкретно я не думаю, Тасенька. Просто так не может быть, чтобы все вдруг прозрели, увидели врагов и начали их ловить. Значит, кто-то хочет, чтобы так было.

- А ты считаешь, что врагов у нас нет?

- Есть, конечно, есть, Тася, но чтобы так много...

- Но почему всего этого не видит... он?

Тася подчеркнула последнее слово, и Василий понял, кого она имела в виду.

- Не всегда человек, руководящий страной, обладает реальной властью. Его

власть - это власть и многих других, может быть, и не во всем честных и порядочных людей. Очевидно, и среди них могут быть враги трудового народа, которые гораздо опаснее одного, даже самого всемогущего человека.

- Глулости, - отрезала Тася. - В нашей стране этого не может быть.

- Но ведь происходит, - чуть не крикнул Василий.

- Посторонитесь-ка, молодые люди, запылю, - раздался пропитой бас, и в свете фонаря они увидели метельщика, который убирал тротуар. На метельщике через плечо, как берданка, висел веник, у пояса болталось жестяное плоское ведро, а в руках он держал метлу. Лицо его, сплошь заросшее курчавыми волосами, ничего не выражало, лишь на полных губах плясала кривая усмешка. Навыкате, с синими отеками, глаза, смотрели внимательно и хладнокровно. Василий почувствовал, как при этом взгляде Тася вздрогнула и потом неуверенно спросила:

- Тит?

Метельщик удовлетворенно улыбнулся.

- Узнали, барышня. А я уж который раз вас тут примечаю. Гляжу, вроде, и они, и не они. На матушку свою похожи. Только вот, извините, мастью, выдать, в батюшку выдались.

Тася неожиданно для Василия с робостью и даже страхом ответила:

- Я их плохо помню.

Тит степенно сложил свою амуницию у ног, присел на краешек скамейки и закурил.

- Как же их не помнить-то, барышня, - родители.

- Сколько лет прошло, - вздохнула Тася.

- Годов много утекло... А это кто же с вами, барышня? Вы познакомьте, все же вы в этом городе мне одна близкая душа. Если помните, я вас в садочке льялkal. Уж на что вы озорнушка были - мои мужиковы руки и то помились от боли.

Тит словно забыл, о чем спросил вначале, и говорил, говорил.

- А батюшка-то ваш письмо мне присылал, спрашивал о вас, о доме, о ценах, звонят ли в церквах. Я все прописал, как есть. Про вас, барышня, написал, что вы пропали-с, да. Матушка ваша померши, да.

Тася вдруг по-детски заморгала и заплакала. Василий приобнял жену за плечи, пытается ее успокоить. Тася скоро затихла, быстро взяла себя в руки и бодрым голосом спросила:

- Ну, а ты как, Тит?

- А что я, барышня? Я как вон та бумажка, которую бросили: куда ветер подул, туда ее и несет. Сперва в швейцарах у нэпмана в ресторане был. Место доходное, но уж больно беспокойное. Потом без работы остался. Сейчас вот метельщиком осьмой год. Какая наша жизнь - день да ночь, сутки прочь. Живу все в той же клопушке. Одно плохо: платют мало, на еду и то не всегда хватает. А тут еще к винцу приновился, оно, барышня, больше меня ест.

Только сейчас Василий заметил, что Тит курит окурки. Ему стало неприятно рядом с ним и он напомнил:

- Тася, пора домой.

- А мы так и не познакомились, - вспомнил вдруг Тит.

Василий назвал себя, не без брезгливости подержал широкую, жесткую ладонь Тита.

- И правда пора, завтра рано на службу, - будто извинилась перед Титом Тася.

- Ты, Тит, приходи к нам в гости, мы будем тебе рады...

Наступила осень. Темная зелень скверов, аллей и парков сменилась пестрым разноцветьем, будто всю столицу заполнили цыганки в цветастых шалях. Оттого, что деревья сбросили листву, темнее стало на улицах. Студенческий ветерок гнал по сухому асфальту парусики листьев, скрежещущие по мостовой, словно жестяные. Василий шел, поднимая невысокий воротник демисезонного пальто и сжимая его у подбородка руками. Сегодня он задержался на работе, и оттого особенно призывными и теплыми показались ему окна их квартиры. Подойдя к двери, Василий хотел отомкнуть замок своим ключом, но дверь неожиданно распахнулась сама и ударилась ручкой о стену. Его взору предстала такая картина: все в квартире было разбросано и сдвинуто, открытый шкаф был пуст, одежда валялась кучей на полу, онемевший будильник звякнул под ногой. Василий поднял его и поставил на голый стол. Он не понимал, что здесь произошло, переходя из одного помещения в другое, звал Тасю, но в квартире ее не было. Наконец, сел на стул, постарался успокоиться и разобраться во всем случившемся. Первой трезвой мыслью, что сверкнула в его голове, была: «Бандиты, воры!», и Василий помчался в ближайшее отделение милиции.

Там внимательно выслушали его сбивчивый рассказ и обещали принять необходимые меры. Наступило утро, но в квартиру так никто и не пришел. Василий почти не спал, с большой головой снова помчался в милицию. Но там лишь развели руками и сказали, что сейчас есть более серьезные дела, чем квартирные кражи. Еще три раза он забегал домой, но Тася так и не появлялась. После целодневной беготни он почувствовал, что проголодался и зашел в общепитовскую столовую. И тут, за столом его посетила другая мысль: «А вдруг ее забрали... туда?» Даже про себя он боялся произнести слово «НКВД» и потому огляделся - не услышал ли кто его мысли. Но в столовой сидели обыкновенные люди: служащие, студенты, деревенские рабфаковцы, прифранченные сутенеры, которым содержанки подливали в стаканы дешевое вино.

Тут он понял, что необходимо найти Тита. Василию показалось подозрительным его исчезновение, беспокойство Таси после встречи со своим прежним домоуправителем. Раньше Василий об этом не задумывался, но сейчас все вдруг предстало в другом свете: и то, что Тит не появлялся в их квартире, неведение и пассивность сотрудников милиции, и погром в квартире (теперь он не сомневался, что это был обыск).

Василий пришел на ту же улицу, к той же скамейке, где они повстречали Тита, и стал ждать, надеясь, что тот появится здесь снова. Так прошло полчаса, потом еще полчаса, но Тита не было. Из своей памяти Василий пытался выудить хоть единственный намек на то место, где мог жить Тит, и выудил. Он вспомнил слова Тита «так и живу в той клопушке». В той, в той. В какой той? В доме, где когда-то жила Тася? Да, искать его надо там. Василий вспомнил, что Тася, проходя как-то мимо краснокаменного дома, с грустью и одновременно со смехом сказала: «Отсюда я убежала в новую жизнь».

Василий нашел дом, долго расспрашивал жителей про Тита, но когда его просили назвать фамилию, он глупо улыбался и просил прощения. Наконец, ему кто-то указал на дверь в полуподвале. Тяжелая, окованная ржавым железом дверь открылась со страшным скрипом. Василий ожидал увидеть полутьму, но комната с зарешеченными окнами на уровне тротуара, когда-то бывшая, видимо, кладовой, была ярко освещена двумя электрическими лампочками. С тахты у непобеленной печи поднялся Тит и, узнав Василия, пошел навстречу.

-Здавствовать желаю, Василий Демидыч. Какими судьбами загнало вас в мою конурушку? Да вы проходите, извиняйте, что неухожено.

Василий сел на грубо сколоченный табурет и незаметно присматривался к Титу, пока тот ставил на таганок чайник и разжигал щепки. На лице Тита не было и тени вины, лишь смущение да виноватость за свое неприбранное жилище сквозили в его взгляде. Он свернул на тахте тряпье, смахнул со стола крошки, намочил тряпку и положил себе на лоб.

- Вы извиняйте, приболел я малость. Рассказывайте, как вы, барышня наша как?

И Василий все рассказал. Тит горестно закачался на стуле, держа рукой мокрую тряпку.

- Вот беда-то, вот беда-то! Что ж вы-то? Искать ее надо. Да за что же ее? Уж не я ли, старый осел, виноват? - и Тит застонал.

- Да ты-то, Тит, при чем?

- А при том! Помнишь, приходил я к вам насчет долгу? Ну, что в карты проиграл. Так вот, тем вечером пришел ко мне мужчина, молодой, ладно одетый, еще платочек розовый из кармана торчал, должок с меня получить. Помнишь, говорит, старый хрыч, какой сегодня день? А ну, гони деньги! Я все углы окрестил, нету, говорю, у меня таких денег, подожди, Христа ради, еще недельку, жалованье получу. Ну, трахнул он меня раза три об стенку. Вот голова-то с тех пор и болит. Уж я в ноги ему, гляжу, вроде отступился, а потом спрашивает: «Это к кому ты, сивый обгрызок, в воскресенье наладился?» Мне что, к знакомым, отвечаю, хожу. Какие, мол у тебя могут быть знакомые, когда сам говорил, что у тебя никого нет? Да снова - тресь меня. А я, убей бог, не помню, что им тогда по пьянке рассказывал. Ну, все и выложил. Поверите, он аж рассмеялся, когда все узнал. Ишь, говорит, у нас еще дворянки сохранились. Ладно, говорит, за твой веселый рассказ я тебе все прощаю, сивый мерин, а впредь тебе наука. - Тит заплакал, свободной рукой размазывая по щекам слезы. - И впрямь наука. Разве ж можно было о таком рассказывать. Уж не он ли, нехристь, сгубил нашу рыженькую. Простите, Христа ради, Василий Демидыч.

Тит повалился на колени и затрясся от рыданий...

Василий с полмесяца обивал пороги различных инстанций НКВД, но повсюду был один ответ: «О Таисии Владимировне Дворянсковой данных не имеем».

С неделю после этого Василий ходил словно потерянный. Однажды его вызвал директор фабрики.

- Мне тяжело об этом говорить тебе, Василий Демидыч, но ты должен подать заявление об увольнении.

- Но почему?! - крикнул Василий.

Опустив глаза, директор молча подал ему письмо. Василий долго читал его, потому что тряслись руки, и каждое слово письма приходилось осмысливать не один раз. В письме говорилось буквально следующее:

«При содействии преданных делу коммунизма и партии Ленина-Сталина людей был выявлен ярый враг советского строя, пособник предателей и врагов некая Таисия Владимировна Дворянскова, которая многие годы под вымышленной фамилией скрывала свое дворянское происхождение. При следствии выявлено, что гр. Дворянскова на самом деле родная дочь бывшего офицера царской армии, белоэмигранта Владимира Георгиевича Пушкинцова и Натальи Константиновны Пушкинковой, до замужества бывшей Калачовой. Следствием установлено, что гр. Дворянскова (Пушинская) занималась антисоветской деятельностью, в чем и призналась. Доводим до сведения, что на вашем предприятии работает муж (по гражданскому браку) гр. Дворянсковой

(Пушинской) гр. Хохлов Василий Демидович. Предлагаем вышеупомянутого гражданина уволить с предприятия и выслать за пределы Москвы».

Прочитав письмо, Василий крикнул:

- Но это же все неправда. Скажите, куда мне сходить, я все расскажу о ней, всю правду. Они должны поверить. Он не могла признаться в том, чего не делала. Вы понимаете?

Директор сочувственно вздохнул, устало провел ладонью по лицу.

- Василий Демидыч, ты неглупый человек и должен все прекрасно понимать, что сие от меня не зависит. Я сожалею, ты хороший работник, но против этого, - он положил ладонь на письмо, - ничего сделать не могу. Мой тебе совет: уезжай, и немедленно, не травми свою душу. По секрету скажу, что в их руках сейчас находятся куда более влиятельные люди, чем мы с вами и... В общем, желаю тебе счастливого пути.

На следующий день Василий уже садился в поезд на Казанском вокзале, который увез его на родину, но в другую жизнь.

5

Жена, наконец, утомилась, заснула, а Василий все ворочался и вздыхал. Он переживал заново то время. Но если в том прошлом все события казались ему необратимыми, то сейчас, с гребня прожитых лет, Василий мог оглядеть их и осмыслить. И получалось так, что он не все сделал для того, чтобы спасти Тасю. Правда, после этого он несколько раз ездил в Москву, осторожно собирал сведения о ней у знакомых, друзей, ее сослуживцев, но никто из них ничего не знал о Тасе. Писал заявления и прошения в высшие инстанции, чтобы хоть этим вынудить их на ответ, но ему отвечали молчанием.

С новой женщиной Василий сошелся скорее от отчаяния, от нелепой мысли, что с ней он забудет весь этот кошмар, забудет Тасю, забудет все, что мучило его эти годы. Но получилось наоборот: с любимой он лишь острее почувствовал свою любовь к Тасе, еще острее и больше стали воспоминания и сомнения. И тогда он запил.

В эти минуты бессонья Василий чувствовал, что так больше продолжаться не может, что нужно что-то менять, иначе он погубит себя. Все настойчивее мучили сомнения: а прав ли он, что отказал в помощи трем беглецам? Ну, хорошо, допустим, он даст им от ворот поворот. Что тогда? Их поймают и, как минимум, вернут назад в лагерь, но, учитывая побег, могут и расстрелять. Предположим, они уйдут. Что остается им делать? Затаиться, спрятаться и паразитствовать. Кому от этого польза? Да никому. А ведь они рвутся на фронт, а не куда-нибудь. С какой целью они стремятся туда? Ведь враги. А враги ли? Значит, и Тася - враг? Нет, нет, нужно что-то предпринимать. Завтра же, нет сегодня, уже сегодня он поговорит с Семеном Васильевичем, с председателем райисполкома. Он поймет, обязательно поймет.

С этой мыслью Василий и уснул. Спал он два часа, но встал необыкновенно свежим и бодрым. Тихо и быстро собрался.

Улица заплывала парным туманом, будто возвращалась с выпасов большущая небесная корова и пролила из переполненного вымени молоко. Туман теплой душной шубой укутывал спешащего Хохлова, завихрялся сзади курчавыми лохмами и вновь заставлял.

На сонном мерине Василий заехал сначала в сельсовет. Зажег семипиновую керосиновую лампу, достал из стола лист бумаги и долго писал заявление в

исполком и комиссару райвоенкомата. Заявление получилось длинным, но, прочитав его вновь, Василий переписывать не стал. Потом достал бланки, заполнил их и, скрепив печатью, сунул вместе с заявлением в карман.

Семен Васильевич прочитал заявление и закричал:

- Ты эту блажь брось, Василий Демидыч! На фронт ему захотелось видите ли, он патриот, а остальные мокрые курицы! И не думай, не пущу, я тебя за такую броню упрячу, что никакой снаряд не прошибет, и не надейся! Это в самую уборочную! Да ты ошалел! Ты уйдешь, другой уйдет, а мне с кем работать прикажешь, армию кормить, победу ковать, а? И так половину мужиков фронт сгреб, а тут еще ты...

Красный, потный, опустился в кресло и демонстративно отвернулся от Хохлова. Потом, остыв, виновато поглядел на Василия.

- Ты прости, Василий Демидыч, накричал я. Но и ты пойми меня. С чего ты вдруг?

- Кабы вдруг. Не смогу я тут, сгорю, как хворостинка в пале. Все немилко, все не так. Знаете, Семен Васильевич, мой отец был крестьянин. Он перед высевом всегда семена прокаливал, говорил, что после этого их никакая хворь не возьмет. И правда, у других то ржа пристанет, то еще какая напасть, а у него колоски как литые стояли, один к одному. Вот и мне такая прокалка нужна, иначе...

- Бежишь?! - закричал тот. - От трудностей бежишь, от себя бежишь?!

- Ну, если пойти на фронт вы называете бегством, тогда бегу. Только не от себя, а к себе, Семен Васильевич, так помогите же.

Семен придвинул к себе заявление и не глядя подмахнул.

- Черт с тобой, иди, куда хочешь.

Василий встал, спрятал в карман заявление.

- Спасибо, Семен Васильевич, и... прощайте.

Семен Васильевич вскочил с кресла, проворно обежал стол и тронул Василия за рукав.

- Да подожди, нельзя же так. И я тоже, черт старый. Ты извини, Вася, обидно мне, вот и душил меня злоба. Я свое отвоевал, теперь, видать, ваша очередь, - он приобнял Василия за плечи. - Ты кого за себя хотел бы оставить?

- Я уже прикидывал. Мужика сейчас лучше не ставить - пропьяется, сбьедует, а то и на фронт возьмут. Судя по всему, война затяжная будет, года на три, не меньше. Поэтому предлагаю жену свою, Софью.

- Софью?

- А что ты думаешь, она баба боевая, строгая, ни себе, ни другим спуску не даст, сейчас такие и нужны.

- А ты не любил ее, Василий.

- Сердцу не прикажешь, Семен Васильевич, да и нет его у меня, видно, оставил в другом месте. А, что теперь говорить...

- Ничего о Тасе не узнал?

Василий покрутил головой.

- Ну, ладно. Защищай там нас, старых пердунов. А мы тут постараемся. Эх, жалко Демида, друга моего боевого, рядом нет, а то бы мы с ним. - Семен Васильевич сделал движение рукой, имитирующее удар саблей. Потом придвинул Василия к себе, обнял.

- Ну, прощай, сынок. Ты не думай, я прощаюсь не с тобой, а со всеми. Чует мое сердце, не дожить мне до сладкого дня победы. А ты возвращайся, обязательно возвращайся, после войны будет столько дел! Ну, иди! - крикнул он и отвернулся.

Сговорились уходить на следующее утро. Балабин предложил добираться до фронта, как он выразился, - дикарями.

Спать легли рано. Балабин с Егоровым устроились опять на сеновале, а Михаил с Нюрой в сенях. После объятий с женой он, закрыв глаза и откинув руки назад, лежал неподвижно. Нюра, прижавшись к его горячему телу, ласкала мужа и тихонько, как бы про себя, говорила:

- Господи, пришли, как тати, и уходите, как тати. Проводить бы вас по-людски, как всех, все б сердце было спокойнее. Вон и младшие тебя признавать стали, Шурка, так тот, как котенок, вокруг тебя увивается. Да и Натолька чуть что спрашивает: правда, что батяня насовсем у нас останется? Ох, да не увижу я тебя больше на этом свете...

Звякнула щеколда, и чей-то знакомый голос спросил:

- Здравствуй, Нюра. Твой дома еще?

- Дома, дома, проходи, Демидыч.

- Я уж полы пачкать не буду, позови его сюда, разговор есть.

Михаил оделся и вышел. Узнав Василия, протянул руку.

- Здорово.

- Здорово.

Сели на приступок, по вечному мужицкому ритуалу закурили. Михаил искоса смотрел на гостя - с чем пришел. Василий заговорил первый.

- Чего ж не спрашиваешь, чего я к тебе зашел? - Василий приобнял Михаила за плечи. - Эх вы, где уж больно смелы, а тут заробели. В общем, со мной пойдете.

- Как с тобой? - опешил Михаил.

- А так. Выправил я вам справки, завтра список призывников в военкомат повезу. Нужны ваши заявления, так, мол, и так, изъявляем добровольное желание пойти на фронт, бить ненавистного фашиста... Ну и так далее. Отправка послезавтра в четырнадцать ноль-ноль из Никольского. Понял?

Михаил встал с приступка, внимательно посмотрел на Василия, спросил:

- Кого же нам благодарить?

- Ну вот, - всплеснул руками Хохлов. - Откажешь - недовольны, добро дело хочешь людям сделать - опять не так.

Михаил виновато заморгал.

- Да нет, больно уж неожиданно, аж не верится.

- И не верь, до завтра не верь, а то сглазишь...

Часть пятая

1

Батальон, который входил в состав пехотного полка, расположился в одной из подмосковных деревень. Деревушка эта на отшибе, вдали от центральных дорог и станции, и потому красноармейцы долго спорили, какое стратегическое значение имело это богом и фашистами забытое селение с пятью десятками домов, двумя церквушками и глубоченным оврагом, разрезающим деревню на два поселка: один из которых назывался Дыбки, а второй - Заовражьем. Одни говорили, конечно, в шутку, что фашисты сюда не лезут потому, что бояться утонуть в этом чертовом овраге, после недавних

дождей заплывшем илом и ставшим недоступным даже козам, которые скользили по его крутым склонам. Другие предполагали, что их оставили здесь для выполнения особо важного задания командования армией: когда фашисты обойдут с двух сторон, батальон ударит им в тыл и разобьет крупную группировку противника. Третьи глубокомысленно заявляли, что если их здесь поставили, значит эта деревня что-нибудь да значит, иначе не гнали бы их сюда. Да и враг напоминал, что о ней на забыл, и, видно, не зря к ней прицеливался: два раза сюда долетали артиллерийские снаряды, а в последние дни коршуном кружил над головой самолет-разведчик.

Егоров, Коноров, Балабин и Хохлов наравне со всеми ходили в охранение на ту сторону оврага, рыли окопы, запасали дрова, потому что ночами сильно похолодало. Ничто не нарушало размеренной и тихой запасной армейской жизни, если не считать того, что два дня назад на территории размещения батальона задержали неизвестного местным жителям мужчину, белобрысого и хрупкого. Было подозрение, что это вражеский лазутчик, и его отправили в штаб полка.

А в первые октябрьские дни среди солдат пронесся слух, что в ближайшее время немцы будут наступать на их участке. В это мало верилось. Если не считать одной избы, разбитой шальным немецким снарядом, в деревне текла будничная мирная жизнь, омраченная разве что наплывом нахальных солдат, которые без спросу хозяев лазили по погребам, зажимали молодых девчат и грозили сжечь толстенными самокрутками деревянные избы. Курить на улице ночью запрещалось, чтобы не демаскировать позиции. Жители Дыбков, как и прежде, вставали с петухами, шли на работу, к правлению колхоза, выгоняли коров на предзимники у небольшого леса, вывозили в поле навоз, чинили сани, засыпали размытые дождями завалинки, вставляли вторые окна. Словом, это были обычные предзимние хлопоты. Свободные от службы красноармейцы тоже хватались за любое дело, чтобы как-то скоротать время, особенно там, где были молодые женщины и девки.

Весть о наступлении немцев подняла панику среди мирно настроенных жителей. Они вдруг загомонились, засобирались, грузили на телеги скарб, зимние продовольственные припасы и стали уходить, как здесь говорили, в отступ. Заволновались красноармейцы - еще не все подразделения были укомплектованы оружием. Комбат целыми днями «висел» на телефоне, требуя оружие и боеприпасы, но из штаба полка ему объясняли, что оружие застряло где-то в пути, и что ничего опасного, по их сведениям, пока нет. Командиры рот бегали по взводам, распределяли оружие среди солдат, поэтому кому достались гранаты, кому штык от винтовки, кому пулемет, а кому и саперная лопата.

Патронов хватило лишь по четыре обоймы. Нашим героям повезло: им достались винтовки.

Кроме того, в последний момент привезли два грузовика бутылок с зажигательной смесью. Привезли их в обыкновенных ящиках из-под вина, и кто-то в первый момент, услышав звяканье бутылок с грузовиков, крикнул:

- Братцы, кажется нам привезли положенные фронтовые!

Все кинулись к машинам, но грозный окрик командира остановил их на самых подступах в объекту штурма. При виде бутылок командиры сразу скисли: они поняли, для чего им прислали такие гостинцы - следовало ожидать или бронетранспортеры, или танки.

2

Сегодня красноармейцы впервые увидели немцев. Едва поднялось солнце, с поста наблюдения сообщили, что у Заовражьего леса замечено движение воинской группы, принадлежность ее установить не удалось. И лишь когда из-за оконечности леса на полном ходу выскочило несколько мотоциклов, стало ясно, что это противник. Заметив цепь нашей обороны, немцы круто развернулись и встали. А потом все увидели, как несколько человек слезли с мотоциклов и нагло, будто на учениях, стали рассматривать в бинокли наши позиции. Кто-то матернулся:

- Вот, бляди, выставились, как в тире. Сейчас я их шугану.

Второй ответил:

- Чего зря палить, ведь не достанет.

По цепи передали команду командира роты:

- Не стрелять! Не обнаруживать себя!

- Как же, - ехидно заметил первый голос. - Не обнаруживать! Они нас уже не первый день здесь пасут, как телят в загоне.

Командиры тоже разглядывали немцев, тихонько переговариваясь между собой:

- Видать, разведка.

- Не похоже. Скорей всего передовой отряд. Видишь, как выставились, знать, чуют за собой силу.

- Два офицера. Ишь, какие бравые!

- Надо сообщить батальонному, судя по всему, скоро заварится.

- Может, пугнуть раза два из миномета, а?

- Никаких пуганий, беречь боеприпасы до боя. Предупреди всех, если кто выстрелит...

Комроты не успел договорить, как из траншеи раздался выстрел. Командир вздрогнул, изругался, шевеля одними губами, и, поворачивая голову то на один, то на другой фланг, закричал, уже не сдерживая себя:

- Кто стрелял, мат-ть твою? Кто стрелял, спрашиваю!?! Командиры взводов, разобратесь и приведите ко мне этого говнюка!

Через несколько минут из левого крыла траншеи вывернулся политрук в сопровождении красноармейцев. За политруком, спотыкаясь, шел белобрысый паренек без пилотки. Был он бледен и, казалось, безучастен ко всему, по лицу его блуждала глупая улыбка, правую руку он прижимал к шинели, по ворсу которой шариками скатывалась кровь.

Политрук громко доложил:

- Самострел, товарищ старший лейтенант.

- Ясно. Фамилия? - грозно спросил командир бойца.

Тот долго молчал, потом улыбку на лице сменила гримаса, губы задрожали. Боец, глядя на свою руку, попросил:

- Мне бы в санчасть.

- Что-о-о? - закричал командир роты. - В санчасть? Отвечать по существу!

Звание, фамилия?

- Красноармеец Федотов.

- Вы что же, Федотов, не понимали последствий своего поступка? - встрял политрук.

- Отвечать! - не сдержался снова командир.

- Понимал... Боялся я...

У командира было право лично расстрелять струсившего красноармейца, но он понимал, что перед самым боем это делать не следует. Бойцы должны не бояться командира, а верить в него. Его настроение почувствовал и политрук. Федотова увели.

Фашисты тоже, видимо, наблюдали эту сцену, потому что как только увели Федотова, они сели на мотоциклы и умчались.

Все понимали, что скоро будет бой, и каждый к нему готовился по-своему.

3

Егоров о чем-то размышлял. Балабин то и дело высовывался из окопа, нарушая все инструкции и наставления, и спрашивал, впрочем, не требуя ответа:

- Скоро они, что ли? Вот дал бог врагов, всю трясулку вытянут, гады. Как ты думаешь, Егоров, танки будут? Если танки, то хана, готовь, бабуся, свечку. Паренька-то, видно, к стенке поставят. Вот дурак, так дурак! Ну, захотелось тебе в госпитале поваляться - высунул руку и жди. Сегодня, видать, помощники голодной смерти не торопятся нас кормить.

Балабин перекаладывал бутылки с зажигательной смесью то под ноги, то на бруствер, под правую руку, то передвигал их на левую сторону, то совал в карманы.

Трепался он не для Егорова, а для того, чтобы заглушить в себе сосущий страх перед неизбежным боем. Но мысль его вилась хмелем по другой веревочке: он перебирал варианты побега к врагу, которого сейчас поносил на чем свет стоит. Но самым страшным было то, что он ненавидел этого врага, потому что это был действительно враг, топтавший его Родину, говорящий на чужом языке, потому что ему не нравилось нахальство мотоциклистов, их черные мундиры, пилотки, потому что они ходили по его земле, как дома. А из глубины всплывала обида на «товарищей советских начальников».

Балабин вспомнил этап и отца, который после длительных раздумий часто повторял: «Будет им ужо». Неизвестно, к кому относились эти слова, но Федор всегда думал, что они предназначены тем, кто выселил их из родного гнезда, кто издевался над ними в пересыльной тюрьме, кто конвоировал их к месту поселения. И потому сердце Балабина озлоблялось: слепо, неповинующе, мстительно. Точно так же оно восставало и против невидимого еще врага, который будет в него стрелять и, возможно, убьет его. И это раздвоение пугало Федора больше, чем смерть. Он почему-то не боялся пули и думал, что все будет решаться в рукопашной. Поэтому Балабин нащупал за голенищем кирзачей, которые ему достались от старшины за хороший треп, нож, добытый у зазевавшегося возчика из интендантского взвода, и успокоился. Подумал: «Хорошо бы пистолетик для такого случая». Потом повернулся к Егорову:

- Слушай-ка, Егоров, одолжи пистолетик. У тебя, помнится, была такая игрушка.

Егоров, не поворачивая головы, усмехнулся:

- То-то я смотрю, ты на карманы мои тарачишься. Ссыкун ты, Федька! Да я его еще там, за городом, в речку выбросил. А зачем тебе?

Балабин к замечанию о трусости отнесся спокойно, отвернулся и цыкнул сплюной в стенку траншеи.

- Жаль, сейчас бы пригодился.

- Перед тобой, Балабин, откроются скоро широкие перспективы: вот начнется бой, возьмешь фрица-офицеришку за горло, и пистолетик твой.

- Будь спок, если попадется - не вывернется!

Егоров привстал и посмотрел в сторону противника.

- Что-то немцы зашевелились.

Балабин тоже вгляделся. У правой кромки леса фашисты устанавливали пушку. Причем, чувствовалось, что делали они это намеренно, не таясь, будто знали, что на них обращены взгляды наших бойцов.

- Эх, жажнуть бы сейчас по ним, - заскрипел зубами Коноров. - Как на стрельбище, сволочи. Неужто наши командиры им это спустят?

- Они только этого и ждут, - ответил Василий, катая между пухлыми губами травинку. - Рассчитывают, что мы по ним пулять начнем; они и засекут все огневые точки.

Точно подслушав его, по цепи пронеслась команда:

- Не стрелять! Беречь патроны! Не стрелять! Беречь патроны!

Немцы выпустили несколько снарядов, которые ухнули где-то в стороне, и замолчали.

- Скоро начнут. Гляди, чего там пылится? - спросил Балабин.

Егоров весь затрясся. Не голосом, а скорее выдыхом произнес:

- Танки.

- Што? - переспросил Балабин.

- Танки, говорю! - закричал Егоров.

Балабин сполз по стенке вниз и смолк. Затихла и вся цепь. Лишь слышно было цвирканье каких-то степных птах, клацанье затворов, приближающийся гул моторов и скрежетание железа.

- Чего это они? - растерянно спросил Балабин.

Егоров взглянул в его побледневшие глаза, именно побледневшие. Лицо Федора налилось кровью, а глаза будто покрылись полупрозрачной пленкой и из темно-карих стали белесыми. Это состояние было знакомо Егорову еще по службе на границе. Чтобы как-то отвлечь Балабина, заметил:

- Бутылки убери с бруствера, а то цахнет пулька, и нет нас обоих.

- А? Чего? - растерялся Балабин, а сам уже убирал бутылки и гранаты в нишу, где лежал его вещмешок.

- Прицельным! Одиночным! Огонь!

Недружно затрещали пулеметы. В рядах наступавших что-то произошло. Пехота быстро перестроилась и стала собираться группами за железными глыбами. Танки остановились и замерли. Лишь стволы их пушек зарыскали по сторонам, вверх-вниз, словно вслепую разыскивали поживу. Егоров нажал Балабину на плечо.

- Голову-то спрячь, сейчас стрелять начнут.

И в тот же миг рывкнули пушки. Над позицией выросли «кусты» взрывов. Их «ветви» вскинувшись в небо и, будто враз завянув, упали на землю, превращаясь в огонь, пыль, гарь, копать. Затем раздался второй залп, третий, четвертый. Из окопов послышались стоны, крики, матерщина, нервные команды. Накрыло нишу, где сидели Егоров с Балабиным. Над головами прошел мгновенный смерч и засыпал их землей. Егоров почувствовал удушье в горле, напрягаясь, страхнул с себя плотный, тяжелый слой земли и, хватнув воздуха, тут же поперхнулся. Прокашавшись, протер глаза и увидел Балабина, который выковыривал землю из ушей, носа, из-за ворота и беспрестанно чихал.

- Живой? - крикнул Егоров. - Балабин ответил чихом. - Значит живой.

Егоров выглянул из траншеи и обомлел - немцы были всего метрах в трехстах от них. Зацелкали из окопов отдельные выстрелы, зацвенькали над головой пули,

на бруствере взвихрились фонтанчики пыли, где-то на флангах отозвались наши пулеметы. Егоров видел, как падали и оставались лежать тела наступающих. Но и по траншее засновали санитары, волоча то одного, то другого бойца. Все стреляли, а Егоров медлил. Если бы его сейчас спросили, почему он не стреляет, он и сам не смог бы ответить. По траншее, махая револьвером и страшно вращая обезумевшими глазами, пробежал командир роты в сопровождении автоматчика.

- Беречь патроны! Целиться наверняка! Бей гадов, ребята! Ни шагу назад! Ни ша-а-гу!

Балабин, услышав над ухом выстрел, поднял голову. Стрелял Егоров. Он тщательно выискивал цель, долго водя стволом, потом замирал и нажимал на курок. Начал стрелять и Балабин. Выбрав из общей цепи немца покрупнее, выстрелил и промазал. Это был здоровенный мужчина, солидный и, очевидно, немолодой. Он шел ровным, размеренным шагом, будто отмерял метры на своем огороде, - в глазах - не страх, а сосредоточенность. Федору казалось, что взгляд его был нацелен прямо на него. Изредка в руках немца вздрагивал автомат. До первой цепи наступающих оставалось метров двести. Некоторые из них побежали, чтобы быстрее достичь линии нашей обороны. Но их первыми настигали пули.

4

Балабин с ненавистью смотрел на своего «крестника». Тот был будто заколдованный и с каждым шагом приближался к Федору. Прицелился, плавно, как на стрельбище, нажал курок и снова промазал. Ему даже показалось, что немец презрительно улыбнулся. Балабин грязно выругался и опять спил мушку с прицелом. На этот раз торопиться не стал, выжидая, когда немец сам подойдет под прицельную линию, и выстрелил. Тот будто споткнулся, потерял равновесие и, взмахнув раками, упал навзничь. Но сзади уже напирали другие, и Балабин стрелял и стрелял.

Задвигались танки. Один из них изменил направление и пошел прямо на них. По броне его, высекая искры, зачиркали пули. Кто-то страшным голосом крикнул: - Тикай, братцы! Сокнет!

Но голос его утонул в гуле взрывов и выстрелов: или убили, или пресекли паникера командиры.

Танк был уже метрах в пятидесяти от Балабина. Трясущимися руками он нащупал в нише бутылку с зажигательной смесью, чиркнул запал о коробок и бросил навстречу машине. Бутылка, не долетев, закатилась под гусеницы, под ними пыхнуло слабое пламя и тут же погасло. Но в башню попали еще две бутылки. Они брызнули осколками, башня потемнела от термитной жидкости, но не загорелась. Танк шел и шел. И лишь когда до траншеи оставалось метров тридцать, танк вспыхнул и занялся огнем. Страшно было смотреть, как горела броня. На правом фланге загорелась еще две машины.

Немцы дрогнули. Они сначала зарыскали вбок, потом попятились и побежали. Вслед им раздались дружные, густые выстрелы. Немцы падали: кто убитым, а кто, используя неровности поля боя, заползал в укрытие, спасаясь от огня. Три танка, оставшиеся без поддержки автоматчиков, огрызаясь огнем, поползли назад, затем круто развернулись и на полном ходу устремились в лес.

Егоров устало опустился на дно траншеи, вытер рукавом вспотевшее, черное лицо и вздохнул:

- Кажется, отбили. - После долгого молчания засмеялся. - Вот те и хваленые фрицы! Оказывается, и их можно бить, а Балабин?

Но Балабин угрюмо молчал.

- Ты что, в штаны наложишь? То ли еще будет. Это, я так думаю, была лишь разведка боем. Если еще раз пойдет, вот тогда держись. Да ты оглох что ли?

Егоров дернул Балабина за рукав. Тот поднял голову, поморгал, затем хмуро ответил:

- Кажись, двоих я ухлопал.

Балабин и в самом деле никак не мог отойти после боя. Все живое в нем будто застыло и превратилось в одну мертвую бесчувственную глыбу. Пустота в душе угнетала его как никогда раньше, будто сломался стержень, на котором она держалась. Злость на врага постепенно опадала, как прорвавшаяся опухоль, которая саднила и не давала покоя. Сейчас Федор не понимал себя, он не мог объяснить, откуда взялась эта нечеловеческая ненависть к фашистам, к которым он только недавно хотел бежать, отчего он, так ненавидевший советскую власть и всех этих людей, защищал их, словно защищал родную мать. «Это конец», - почему-то подумал Балабин. Лишь сейчас до него дошло, что он стрелял по немцам и двоих из них убил. Но они этого не могут знать - противилось что-то в Балабине - пули-то не меченые, поди, определи, что это он их застрелил, скажет, что стрелял в воздух, и все. Но самое страшное было то, что Балабин уже не верил в успех немцев, в их победу, пусть в этой маленькой, но все же войне, которая разразилась у маленькой дереvушки.

В траншеях опять наступило оживление. Хохлов выглянул из траншеи.

- Кажется, немцы опять к атаке готовятся. Завозились, мать твою в грязь.

Боец из пулеметного расчета, в охранении которого состоял Хохлов, повернулся к ним и показал в сторону противника.

- Похоже, кто-то из наших ползет. Чего это он?

Егоров быстро вскочил и увидел, как, лавируя между трупами убитых, выбирая места пониже, ползла шинель. Иногда она замирала, а потом снова двигалась в сторону противника.

- Ах ты, гад! - крикнул Егоров и бросился туда, где оставил Балабина. Винтовка Балабина стояла у стенки, тут же валялся его вещмешок. Егоров замешкался, не зная, что предпринять, а потом заорал:

- Фе-едька-а-а, на-за-а-ад! Слы-ишишь, Бала-абин, возвращайся.

Егоров не сомневался, что Балабин слышит его. Шинель завихляла еще чаще, она была уже метрах в двухстах впереди. Еще немного и она скроется за невысоким земляным холмом. Егоров понимал это, он со злостью передернул затвор и закричал еще раз:

- Федька, стой, гад, назад! Застрелю, сволочь! Слышишь, застрелю-ю-ю!

Немцы уже шли в наступление и с каждым шагом приближались к беглецу. Видимо, увидел это и Балабин. Он осторожно встал, поднял руки и пошел им навстречу.

Егоров страшно выматерился и, не целясь, выстрелил. Пуля прошла мимо, видно, совсем рядом, потому что Балабин оглянулся и почти побежал. Холмик был рядом, но nonetheless-то не воспользовался этим укрытием. Из этих мгновений хватило, чтобы Егоров сделал еще один выстрел. Балабин, как пьяный, пошатнулся, с поднятыми руками повернулся в сторону Егорова и медленно опустился в желтую траву.

К Егорову подбежал командир взвода, спросил:

- Что случилось? Почему стрелял?

Егоров облизнул засохшие губы и не по-уставному, сидя на корточках, ответил:

- К немцам побежал, гад... Я его и...

Комвзвода присвистнул.

- Вон что. Правильно сделали, красноармеец Егоров, будете представлены к награде.

Егоров замотал головой, то ли хотел отказаться от награды, то ли сожалел о своем поступке, но взводный уже бежал на правый фланг, где ожил пулемет.

Балабин лежал на ничейной, но родной земле, никому не нужный, ни своим, ни фашистам. Труп его был незаметен среди высоко поднявшейся засохшей травы. Он лежал на ничейной, но родной земле, не сумевший, как перекасти-поле, прицепиться к ней корнями, снесенный бурей в бескрайние просторы. И не было сейчас над ним никого, как он мечтал: ни детей, ни жены, ни родины. Лишь пули посмертными соловьями щелкали над его застывшим телом. Упал Балабин головой в сторону своих с далеко протянутыми руками, будто в последний момент хотел вернуться, но не успел. Так и застала его смерть: прямого, несмирившегося, заблудшего. А на лице его застыла кривая, недоверчивая к людям усмешка.

5

На днях убили командира роты, в которой воевали Егоров с Хохловым. Погиб он нелепо, по-мирски для того тяжелого времени. Много раз водил он бойцов в атаку, два раза выводил из окружения, в общем слыл среди своих бесстрашным и толковым командиром. А тут увидел на станции племенных лошадей и подошел к ним полюбоваться. Недаром в народе говорят: лошадь холь, корми, как сына, а берегись, как ворога. Видно, чем-то он не понравился белому «арабу», тот возьми да и звездани ему по лбу.

Ноябрь быстро замостил льдом раскисшие осенние дороги, речушки и озера, снежной пухчаткой укрыл леса, поля, выбритые острым ветром курганы и крыши домов. Морозы крепчали с каждым днем. Может быть, поэтому фашисты в последние дни не тревожили.

Бойцы, расквартированные по опустевшим домам небольшого пристанционного поселка, отдыхали после затяжных и тяжелых октябрьских боев.

Из дома в дом ходил вернувшийся из госпиталя в свою часть Коноров и допытывался:

- Егорова не видали?

- Какого Егорова? Одного знал, убили четыре дня назад.

- Чего городишь, земляк, он мне письма в госпиталь писал, значит, живой должен быть.

- Должен быть, должен быть. Все мы должны быть живыми, ан, не получается. Еще утром один тут петухом на станцию к двемка бегал. Налетели штурмовики и давай молотить. Вот и откукарекался.

- Я тебя про Егорова спрашиваю.

- Нет у нас больше Егоровых, поищи в третьей роте.

- Он же во второй был.

- Ну и что, что во второй. У нас тоже третья была, а стала вторая. Выбивает нашего брата помаленьку, вот и сводят в одну. От нашей роты с сентября всего тридцать два человека осталось, да в первой человек сорок, вот и свели в одну.

- А первой что, уже нет?

- Как не быть, сибирцев вчера прислали.

Егорова Михаил нашел как раз в сибирской роте, в станционной пристройке с заколоченными окнами. Внутри гудела буржуйка, похожая на огромный самовар, а вокруг нее, ногами к огню, лежали солдаты. Коноров сразу узнал Егорова по мосластым большим ногам. Долго расталкивал его, но Егоров спал мертвецким сном после недавнего возвращения из боевого охранения. Михаил даже обиделся:

- Да что ж ты, чертушка этакий, и друга не хочешь приветить? А ну, вставай, дрыхло!

Кто-то рядом повернул голову:

- Чего орешь, оглашенный, не видишь, люди только с окопов вылезли. А ты орешь. Ходят тут разные, три часа в сутки и то поспать не дадут.

Коноров снова затормошил Егорова и тряс его до тех пор, пока тот не поднял голову. Сквозь полуприкрытые веки посмотрел на Конорова и улыбнулся усталой гримасой.

- А, нашел-таки. Ну, здравствуй.

Товарищи обнялись, сидя прямо на полу. Пока Егоров одевался, Коноров заметил на его груди блеснувшую в зареве печки медаль.

- Ого, Егорка, да ты уже медаль успел отхватить! За что?

Егоров отмахнулся от вопроса и встал.

- Давай выйдем, проветримся, а то голова от угара болит.

- Я так замерзся, пока тебя искал, а ты снова меня на мороз тащишь, - пошутил Коноров, но пошел следом.

- Ну, как у тебя, зажило? - Егоров тронул друга за плечо.

- Да нормально, зажило, как на собаке. Только, когда застужу, ноет, а так ничего, жить-воевать можно. Думал, хоть на недельку домой отпустят - хрен, давай, говорят, возвращайся в часть, теперь ты меченый, а таких пуля не берет. - Михаил засмеялся, но увидев серьезное, озабоченное лицо товарища, завернул разговор на другое. - Видно, что-то наши замышляют. Столько войск кругом - куда ни иди, за валенок зацепишься. А техники, техники-то кругом! Откуда столько взялось. Ну, как ты?

Егоров пожал плечами.

- Да как, обыкновенно, воюю.

- Что значит - воюю, а Хохлов как, Балабин?

- Извини, не мог я тебе в письме написать, муторно было. Василий в конце октября погиб под миной. В голову ему осколки пришлись.

- Жалко мужика.

- Жалко. Помог он нам здорово. И комроты нашего жалко, и Балабина.

- Балабина? А с ним-то что случилось? Неужели...

Егоров распахнул шинель.

- Видел медальку-то? Это за Балабина. Кокнул я его. Понял?

- Извини, не знал. Значит, сорвался все-таки Рыж, а я думал...

Молчание было тягостным. Сели на сложенные шпалы, закурили.

- Что-то тихо сегодня, - заметил Егоров. - Ты не слышал, в наступление скоро пойдём?

- Откуда мне знать, Егорка, ты же здесь ближе к начальству.

Михаил хотел спросить, не узнал ли он что о судьбе своих, но так и не решился - к чему тревожить. Рассматривал друга и замечал, что тот сильно сдал: шрамами чернели морщины на лбу и у рта, лицо осунулось, вытянулось, глаза будто утонули

в глазницах и трудно было в них что-либо увидеть. Чтобы как-то отвлечь друга от невеселых мыслей, наигранно весело сказал:

- А тебе привет от моих. Живут ничего, правда голодно. Наказывали, чтобы я обязательно тебя нашел. Вот и нашел. - Егоров благодарно улыбнулся. - Мне еще командиру надо представиться. Кстати, кто у нас сейчас комроты?

- Не знаю, говорили, что со стороны пришлют.

- Это плохо. Из своих бы лучше, хоть нашего комвзвода - стоящий парень.

6

Эту ночь они спали вместе, тесно прижавшись к друг другу. Спали спокойно и легко, как могут спать люди, уставшие от забот и переживаний.

В щели между досок сочился голубой снежный свет, снаружи доносилось лошадиное ржание, хлопотанье настывших за ночь моторов и далекая канонада. Начиналось еще одно утро войны.

Открылась дверь, и в пристрое зазвенел голос ординарца:

- Егоров тут?

- Ну здесь. Чего кричишь?

- Фу, еле нашел! Давай к командиру, велел срочно.

- Чего ему надо? - недовольно спросил Егоров. Со всех углов на ординарца закричали:

- Дверь закрой! Расхлебянил, как в гостинице.

Но ординарец, видно, был веселый малый, он лишь засмеялся:

- И вам вставать пора, скоро с новым командиром роты знакомиться будете.

- Стой, Лепешкин. Что за мужик? Из кадровых или так? Молодой? Фронтвик или необстрелянный еще?

- Ну, забомбили вопросами, - заулыбался Лепешкин. - Так и контузию получить недолго. Вот будет построение, все узнаете. Егоров, ну ты как, собрался?

- Да иду, иду.

- И я с тобой, Егорка, надо представиться, на довольствие встать, а то на одних твоих харчах мы долго не протянем, - отозвался Коноров.

- Так зачем вызывали-то? - напомнил Егоров.

- Не знаю, велел срочно и все.

В полутьме избы за широким столом, заваленным картами, документами и другими бумагами, они разглядели широкоплечего старшего лейтенанта, который крутил в руках остро отточенный карандаш. Лицо его было в тени от жестяного колпака, надетого на керосиновую лампу. Егоров и Коноров представились, но командир продолжал крутить в руках карандаш и ни словом не отозвался. Наконец, протянул простуженным голосом:

- Та-а-ак. Ждал одного, а явились двое. Вон куда вы забрались, соколики. Егоров, а где Рыж? - внезапно спросил он.

Егоров вздрогнул, он понял, кто перед ним. Кличку Балабина знали немногие, в том числе и этот человек. Коноров еще не понимал, что происходит, и удивленно смотрел то на товарища, то на нового командира. На вопрос нужно было отвечать и Егоров сказал:

- Балабин убит при попытке к бегству, товарищ... старший лейтенант.

- Не товарищ я тебе, не товарищ, заключенный Егоров, а гражданин начальник, - спокойно поправил командир.

Теперь Коноров понял, что перед ними не кто иной, как Молочков. Его поразила не сама встреча с Молочковым - гора в горой и то сходится, - а то, что Молочков становился как бы их злым духом. Михаил не сомневался, что трибунала не избежать и потому внутренне готовился к самому худшему.

Молочков встал из-за стола, и они увидели его лицо, на котором запечатлелась торжествующая усмешка. «Все, арестует», - подумал Егоров, но не сжался под тяжелым взглядом Молочкова и прямо смотрел в его глаза.

- А я вас искал, ох, как искал, но, честное военное, на думал вас здесь встретить. Ну, что делать будем?

- Оружие сдать? - спросил Егоров.

Молочков молчал. Егоров не стал дожидаться команды, снял я плеча винтовку и прислонил ее к стене, потом высыпал на стол патроны.

- А ты почему без оружия, Коноров? Как попал в нашу роту?

- Из госпиталя я. Вот, вернулся назад.

- Разберемся, - довольно произнес Молочков. - Лепешкин! - крикнул он в дверь. - Отведи арестованных в кутузку. Есть у нас такая?

- Найдем, товарищ старший лейтенант, - бодро ответил ординарец. - Пошли.

Лепешкин повел их к рубленой конюшне, на ходу спрашивал:

- За что вас, братки?

- За надом, - зло ответил Коноров.

- Не с бабой ли сбаловали?

- С дедой, - опять со злостью отозвался Коноров. - Заткни хлеборезку, и без тебя тошно.

- Ишь, зубастый какой.

Коноров остановился и с предупреждением посмотрел на сопровождающего. Егоров тронул его за плечо.

- Не заводись, Миша, пошли отдыхать. Там есть на чем полежать, браток? - обратился он к Лепешкину.

- Найдется.

- А порубать дадут?

- Дождались молочка с лепешкой, - подковырнул Коноров.

- Придумаем что-нибудь.

В конюшне было тепло и светло от больших ворохов соломы. Пахло старым навозом, еще не выветрившимся потом скотины, плесенью и ржаной пряностью. Друзья закопались в солому и молчали, обремененные нерадостными мыслями. Да и о чем было говорить, все ясно: попали, как кур в ощип.

7

Через полчаса к Молочкову пришел политрук, плотный, низкорослый мужчина лет сорока. Хрустнув ремнями на могучих плечах, добродушно улыбнулся и первым протянул руку:

- Вятерников, Петр Фомич. Извини, командир, что не встретил, вызывали к начальству.

- Молочков, - коротко представился в свою очередь Молочков. - Значит, вместе воевать будем?

- Конечно, вместе. Ну, как тебенашиорлы? Сибиряки, волгари!

- Посмотрим, как поведут себя на передовой, - уклонился от ответа Молочков.

- Это правильно, бой - лучший рекомендатель для бойца. С личным составом еще не познакомился?

- Так, с некоторыми.

- Это ты не тех двоих имеешь ввиду, что в конюшне сидят?

- Ого, четко ваша служба работает.

- Да нет, ты не подумай, командир, что мне кто-то доложил, случайно узнал.

Меня на лошадке из штаба подвезли, ну, ездовой и попросил меня, мол не найдется сенца для лошадок, а то, мол, заморились кони. Пошли в конюшню, а они там сидят. За что, если не секрет?

До принятия своего решения Молочкову не хотелось посвящать в это дело политрука и он соврал:

- Спирту где-то, черти, раздобыли, вот и отправил протрезвиться.

- А-а-а. А то, думаю, чего это наш командир рассвоевольничался. Правильно, потакать в этом деле нельзя. Пьяный солдат, что гнилая солома в омете. А так они мужики, вроде, неплохие: Коноров только что из госпиталя вернулся, Егорову я думаю предложить вступить в партию.

- В партию? - удивился Молочков.

- Да. А что, воюет хорошо, медалью его наградили - перебежчика одного застрелил. Земляк его, кажется, фамилия забная. Ну, я пойду, собрание надо пригласить. Жду и тебя, повестка очень важная.

Когда Вятерников вышел, Молочков подумал, что политрук, видимо, хороший мужик и значит ему, Молочкову, сильно повезло. И по всему видать, добрый, таким и надо быть на войне. Как-то отец говорил, что в войне всегда побеждают добрые. Это неправда, будто на войне правит жестокость. Жестокость не поднимает духа, не подчиняет, а разлагает, она отбирает у человека последние капли здравого смысла, лишает его воли и стойкости. Не это ли качество всегда помогало русскому человеку не сломиться, выжить, победить? Наверное, отец был прав, когда настаивал на: офицеру важно не как отдать приказ, а какой вложить в него смысл. И вновь мысль Молочкова вернулась к тем двоим, которые его, собственно, и привели на фронт. Все случилось так, как он и ожидал: когда Молочков упустил беглецов, заместитель начальника колонии написал докладную в управление, и его с понижением звания отправили на фронт. Чудак, он хотел его наказать, потому что всегда мерил чужую шубу на свои плечи. Ах, товарищ майор, как вы ошиблись: он гнался за Егоровым и Коноровым для того, чтобы опять вернуть их в лагерь, а они оказались на фронте, ты тоже гнался за ними и тоже оказался на фронте. Да, вот такой парадокс.

Размышляя, Молочков принимал решение - такова была его привычка. И, приняв его, понимал, что впереди жестокая борьба с самым главным врагом - фашизмом. Его уже не волновало, кто эти люди - друзья или враги - самое главное, что они оказались сейчас там, где должен находиться в тяжелое для страны время каждый честный человек. Это было очень важно. Приняв решение, Молочков как бы смаковал, оглядывая его со всех сторон, а потом крикнул:

- Лепешкин, приведи их сюда!

Разбудил их громкий лязг запоров. В синем вечернем свете дня возникла фигура военного и голосом Лепешкина спросила:

- Ну, как вы тут? Чаек помог? Айда к командиру.

Они вышли наружу, подождали, пока ординарец закроет конюшню.

Поеживаясь, Коновров спросил:

- Ты не с Волги, Лепешкин?

- Как же, коренной. А как догадался?

- Там все айдакают. Из каких мест?

- Самарский.

- Врешь!

- Отчего же вру?

Коновров рассмеялся:

- Да оттого, что я тоже самарский.

- Да ты что! Из какого района?

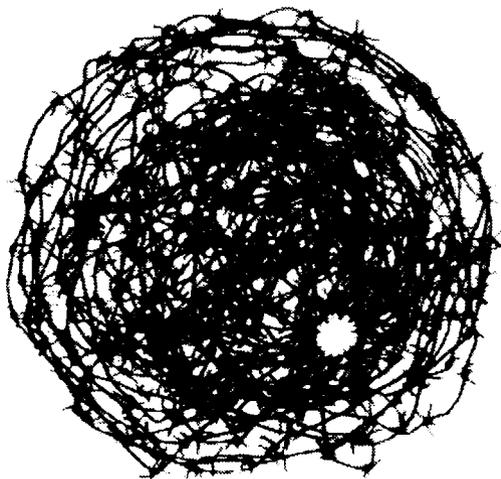
- Из Ставропольского.

- Вот те на, а я из Кинельского.

- Выходит, земляки?

- Выходит так.

Так, балагурия и посмеиваясь, шли они навстречу своей судьбе, не зная, что ждет их впереди...

...К ТАИНСТВЕННОМУ СВЕТУ ЗВЕЗД ПРИНИК

Яков РОГАЧЕВ

Вот уже 4 года нет с нами Якова Капитоновича... Человека неуспокоенного, краеведа пытливого, журналиста дотошного, поэта лиричного.

Он родился в наших краях в 1926 году и вместе со своим поколением прошел долгий тернистый путь. С его именем связана история становления многих нынешних средств массовой информации нашей области, воспитаны многие журналистские кадры для них. Статьи, очерки, стихи, песни, рассказы, пьесы Рогачева публиковали, пожалуй, все газеты Поволжья.

Особой чертой его характера была - памятьливость. Он не забывал ни одного из своих коллег, товарищей. Искренне радовался каждой их публикации, собирал архив их газет и книг своих знакомцев, организовывал встречи с ними. Писал сотни рецензий.

Рогачев был неутомимым оптимистом. Воином. Писателем. Другом. Ранние его стихи вышли в свет еще в 1944 году в журнале «Волга». Потом были публикации в разных изданиях, альманахах, журналах России на русском и чувашском языках, которыми он владел в совершенстве. Его книги «Путь большевика», «Гигант степи», «Кто старше?» вышли в свет в Ульяновске и Чувашии. От этой автономной республики он был принят в СП России. Я.Рогачев был одним из руководителей литобъединения «Черемшан».

ВЕСЕННЕЕ

Из каждой светлой лужицы

- Сияет нам весна.
- С веселым ветром кружится,
- Ручьем поет она.
-
- А в небе половодие -
- Разлив голубизны...
- Я слушаю мелодию
- Веселья и весны.
-

- На крыше голубь беленький
- Воркует тихо мне
- О милом сердцу времени -
- О солнечной весне.

Из каждой светлой лужицы

- Сияет синева.
- И, будто с хмеля, кружится
- От счастья голова.

СВАДЬБА

- Семь баянов заиграли на селе.
- Гармонисты, как один, навеселе.
- А девчата, - что девчата! - весь народ
- В лад баянам песни звонкие поет.
- Как весной, все кругом так расцвело. -
- Свадьбу новую справляет все село.
- Стан невесты - словно волжская лоза,
- Две смородины-бусиночки - глаза.
- А жених наш - бравый парень, ей под стать,
- На груди сверкает орден и медаль.
- Отличился на войне, на небольшой...

*Породнил нас с волжскою водой.
Гармонисты, эх, играйте веселей,-
Свадьбу новую справляем на селе.
В лад баянам пусть сегодня подпоет
Замечательный, веселый наш народ.*

ВЕЧЕРОМ В САДУ

*Как на плечи ляжет ветер,
кажется все мне, -
Будто нежно обнимаешь
ты меня во сне.*

*Выйдет месяц, улыбнется
звездочке в лицо -
А мне чудится, что ты
вышла на крыльцо.*

*А когда волос коснется
ветерок шальной,
Слышу: это ты мне шепчешь
ласково: «Родной...»*

ВСПОМИНАЕМ МОЛОДОСТЬ...

*Вспоминаем молодость
Мы свою заречную,
Улицы весенние
Не дают уснуть...
И сирень пахучую,
И теплынь вечернюю
Полной грудью хочется
Нам опять вдохнуть.*

*Мы идем по берегу,
С нами нет усталости.
Нам, счастливым, весело
В этот светлый час...
Мы с тобой, любимая,
Не дойдем до старости,
Потому что молодость
Не покинет нас!*

В РОДНОМ СЕЛЕ

*Наконец-то, друг мой,
Побывал я
Там, где редко, но бываешь ты.
Тридцать лет -
Не много и не мало! -
Я не видел родины черты.
Как, скажи, село помолодело!
Как красиво!
Но чего-то в нем
Не хватает...
А, наверно, девок,
Тех, что ходят в бабушках давно.
Говорят,
Нисколько не старею,
Хоть и видят седину мою.
Но и я ответить им умею:
- Потому, мол,
Что я вас люблю!
Кадры фильма -
Годы молодые.
Промелькнули...
Стоит ли тужить?
Внуки,
Как колосья золотые,
Ну а нам для них -
Землею быть!*

ЗВЕЗДА

Едва полей коснулся вечер,
Шатер небесный
Звездами расцвечен.
Они блестят -
Одна другой светлей,
Как бы гирлянды
Праздничных огней.
Вот ленты рек
И горные граниты
Уж кажутся -
Из серебра отлиты.
Украшены
Волшебным звездным светом
Ветрами убаюканные ветви,
Цветы и травы.
И лесной родник
К таинственному свету звезд
Приник.

ПУСТЬ СВЕТИТ ВСЮ ЖИЗНЬ!..

Из больничного скверика
Мне внук мой машет рукой.
Как-то ему не верится -
Дед не веселый такой.

Ему, гражданину трех лет,
Просто пока невдомек,
Что есть и закат, и рассвет,
Что дедушка занемог.

В постель уложил его вновь
Груз тяжких прошедших дней,
Груз бед и невзгод -
Осенних ночей черней...

Что нам довелось пережить -
Пусть не увидит мой внук,
Над ним пусть светит всю жизнь
Солнечный яркий круг.

Вячеслав ПЕРВУШИН

Родился в 1963г. в Димитровграде. Писать начал в седьмом классе. Закончил журфак Казанского университета. Работал в ряде редакций областных газет, редактором молодежных программ Ульяновской ТРК «Волга».

На сегодняшний день занимается литературой, музыкой, пением. Произведения Первушина публиковались в газетах, альманахах и журналах городов Якутска, Риги, Киева, словом, везде, куда судьба забрасывала этого талантливого человека. В Ульяновской области Первушина публиковали альманахах «Симбирскъ», журнал «Мономах». Вячеслав обладатель Гран-при международного музыкального фестиваля «Телешанс» 1994 года.

Сегодня он напряженно работает в жанре «Черный фэнтези». Среди любимых авторов Первушин называет Стивена Кинга, Эдгара По, Раймонда Чандлера, Михаила Булгакова и Василия Шукшина.

Живет и работает в родном городе, где хорошо известен своим землякам по публикациям в местной прессе. «ДАКОТА» - написана специально для журнала «Черемшан».

В.Первушин - член ДПО.

ДАКОТА

Рассказ первый

А.К.Гарипову - моему первому Учителю и Наставнику в литературе.

Калининград. УВД. 04.09.98 г. 9 ч. 30 м.

- Ну. И какие у нас дела, господа хорошие? Поминки что ли, маму вашу еб!

- И тебе, Сергеич, доброго утра, - откликнулся один из оперативников, вяло закуривая «Беломор» и убирая со стола ноги.

- Свою, товарищ майор - дешевле обойдется.

- Не понял, Кондаков, - притормозил майор.

- Свою маму еб, - объяснил Леша. - Народ уверяет, что это дешевле.

- Ага. Я тебе, паразит, потом расскажу, что еще дешевле. А пока выкладывайте, что интересного раскопали на этого «Дакоту». Кто он, вообще, такой? Только не топнитесь и друг друга не перебивайте.

- Да есть кое-что, Сергеич, - дымя «Беломором», уныло проговорил Астахов - молодой, нагловатый, но в общем и целом неплохой парень в чине капитана.

- Кое-что - это у тебя между ног... Ну и вонища! Ты бы, Астахов, не выебывался, а курил, как все нормальные русские люди «Эп Эм» или «Лаки Страйк», а? Ну, что там у тебя «кое-что»?

- Да стукачило один мне тут на днях наколку дал. Сообщил, в частности, что кликуха эта у него, вроде бы по причине того, что добратсья до него так

же легко, как до штата Дакота раком доползти. Вроде бы, даже авторитеты об него свои фарфоровые бивни пообломали, а скушать не смогли. Вот такой он, вроде бы, крутой, как пик Коммунизма, и неуловимый, как понос в унитазае.

- Даже так?

- Ага.

- Еще?

- Много чего еще. Он столько успел нахуе...

- Э-э! Погоди чуток. Может, нам все-таки как-нибудь полегче выражовывать-ся? Не робовато?

- Автору виднее, товарищ майор. К тому же, какой придурок ему поверит, если мы - герои, будем пятистопным ямбом шпарить? Это все-таки детектив, а не эссе. Все должно быть как в жизни.

- А ты уверен?

- В чем?

- Что это детектив?

- А начало? Мы - менты. Сидим, рассусоливаем, как бы нам некоего сукина сына вычислить, вместо того, чтобы вычислять... По-моему - классика...

- Похоже... Ну, Бог с ним, с автором, он нам побокв Герои-то все-таки, действительно, мы, а не он... Сидит, тычет пальцами в маш...ку с умным видом и думает, что из машинки новость что вылезет... Тоже мне - Пулицеровский лауреат*. Давай дальше по сюжету, .. тьфу, по делу. И это... давай все же помягче, мужики, а то ба... в смысле - женщины, ведь тоже иногда читают. По своей знаю. Чуть что, хватъ «Унесенных ветром», и половой вопрос ейдо одного места.

- Добро. Значит так. По всем прикидкам получается, что Волка - он убрал.

- Неслабо. А что волчата?

- А что волчата? Ищут его, понятное дело. Познакомиться очень желают.

- Ну, это понятно. Но меня, Астахов, сейчас это не волнует. Меня интересует, кто он, что он, откуда он и зачем. Чего он хочет. Доступно излагаю?

- Доступно, Сергеич, доступно, - встрял старлей Кондаков, приходящийся жене брата начальника отдела майора Зотова двоюродным племянником.

- У меня тоже есть кой-чего, - Кондаков полистал затертую до дыр записную книжку. - Ага, вот... Глеб «Дакота». Около тридцати лет. Рост выше среднего. Блондин. Образование, судя по всему, высшее...

- По чему судя? - спросил Зотов, присаживаясь на стол и закуривая, как «все нормальные русские люди» «Эл Эм».

- По всему, - невозмутимо продолжал Кондаков Леша. - Службу проходил, вероятно, в спецчастях - личное дело изо всех наших (я имею в виду областных) архивов изъято и уничтожено. Приказом УФСБ за номером... 14-396.

- Весело.

- Ну.

- А кто тебе все это нашептал, Леш?

- Да квасил я тут наднях с дружкой из нашего ФСБ и поинтересовался между делом. Что мог - он вспомнил. После литра.

- Ага. Что еще наплел твой кефирный приятель?

- Не много. Работал «Дакота» вроде бы на подразделение «Вега»*. По контракту. Так что «Дакота» - это не кликуха, а его личный позывной.

- Е... биться сердце перестало, - протянул озадаченный Астахов и раздраженно вдавил окурок в мраморную пепельницу. - Гб создает уродов, МВД берет их под опеку!

- Очень поэтично, капитан, - сплюнул на пол майор. - Что там еще, Кондаков?

- Имеет красный пояс « ШОТОКАН»*, стреляет... понятное дело как.
- Н- да... вздохнул Гриша Смолянов. - Такого голыми руками и впятером не возьмешь.
- Такого сукина сына и со «Стечкиным» не возьмешь, - поморщился Зотов. - Кор- роче говоря, дела наши, господа сыскари - говно на лопате.
- А Москву попросить помочь? ФСБ то же, или ГРУ?
- Ты, Гриша, ей Богу, как девочка с целочкой, в полной непонятке. Для Москвы нет уже давно никакого « Дакоты». И не было, к слову говоря. Потеряли они его, въезжаешь? Обосрались с ног до головы твои эфэсбэшники! Ни хрена мы ничего не найдем ничего ни в каких архивах на этого « Дакоту»! Сами будем всю эту поебень расхлебывать!.. Я думаю так: если мы высчитаем почему и главное зачем этот «спец» пожаловал в наши края, то рано или поздно выйдем на него. Нам бы для начала зацепиться хоть за что-нибудь.
- Есть один пунктик, - почесал карандашом за ухом Кондаков.
- Что за пунктик?
- Бабы.
- В смысле?
- В смысле - женщины.
- Ну.
- Что «ну»? Деловые, симпатичные бабы - женщины за сорок. Может быть старше. Желательно одинокие... Но для него и муж, собственно говоря, не проблема, сами понимаете.
- Это тебе тоже знакомец - трезвенник из ФСБ выболтал?
- Ага.
- А поконкретнее? -
- А что « поконкретнее»? Была вроде бы у него любовь с женой какого-то крупнозвездного товарища из Генштаба...
- Час от часу...
- Ну. Что там у них вышло - неизвестно, только доставили товарища вместе с двумя телохранителями в Склифосовского такими отрихтованными, что от них мамы родные поотрекались.
- Етит...
- Ну.
- Чего « ну»?! Что потом?
- А ничего потом. Ни «Дакоты», ни жены товарища. По слухам, она к сестре на Украину свалила.
- А, черт! Все у тебя «вроде бы», «по слухам», «кажись»!
- Да нет, Сергеич, моему приятелю можно верить.
- Твой приятель после второй литры поклонится, что видел, как в « Измайлово» Папа Римский Деву Марию трахал!.. Приятель... Короче - вычисляем «жену товарища». Остороженько.
- Не думаю, что он такой дурак. Профи все-таки.
- А ты не думай, ты мне бабенку эту найди... Профи-то он, профи, конечно, а в ласке женской всё нуждается... Хотя, у нас далеко не Украина, и вряд ли он здесь разыскивает бывшую жену бывшего товарища из генштаба.

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК ГЛЕБА «Д»

05.09.98 2 ч. 28 м. Калининград, ул.Карбышева.

Вчера я чуть-чуть не влип. А скорее всего все-таки влип. «Чуть-чуть» - это надежда, а «скорее всего» - это интуиция. Вопрос: почему? Надоело занимать-

ся это книзмом и захотелось расслабиться? Скажем - да. Почему позволил щадить с себя рубашку? Обабдел от маленьких, ласковых ладошек? От мягких, шелковых губ, от ее проворного язычка?... Наверное... Что происходит со мной? Я отдал ей всего себя, я потерял контроль. Это так. В перерыве между «кто теперь сверху», она увидела татуировку и спросила - что это. Нет. Она не просто спросила. Она озадаченно спросила. С испугом? Да. Она вся напряглась, как кошечка перед прыжком. Мой ответ, что в армии дурью маялись, похоже ее не устроил. Уж слишком не по-любительски нанесено это клеймо, слишком технологично. Конвейер. Конвейер для избранных. II [A]. Rh [+]. RQ. Z. « Как у эзсовца », - сказала она. Шестнадцатилетняя проститутка знает о таких вещах?.. Лучше бы она этого не знала... В какой книжке она могла прочитать это? В каких это книжках пишут, что все солдаты и офицеры дивизии « СС » « Эдельвейс » имели татуировки на внутренней стороне левого предплечья? С каких пор шестнадцатилетние девчонки интересуются такими подробностями? Вопрос: кто она? Ответ: она... она ласковая, нежная, немного наивная девочка-женщина... женщина-девочка... А, черт! Я же тоскую по ней! Какой тут к дьяволу психоанализ! Я пишу эти строки - хорошо обученный, порядком свихнувшийся хитер * со всеми признаками мании преследования, а... думаю о ней. Вспоминаю ее ручки, ее волосы, пахнущие свежескошенной травой... Вспоминаю... Свежескошенная трава. И на траве лежит Сашка Ракитов. С нераскрывшимся парашютом. Сповно отдохнуть прилег. Только тело колыхается под ветерком, как студень... Трава... Она заснула на моей груди, рассыпав белокурые, волнистые волосы. Ее тело было почти безупречным. Красивая, упругая попка, маленькие ножки... Чуть выше правой ягодицы родинка. Мне хорошо было видно ее в тихом свете ночника, как... точку лазерного прицела... Я пытался уснуть, но снова и снова открывал глаза и не мог оторваться от идеальной линии не заплывшего еще жирком бедра... Девочка-женщина... Идеальные линии, как у « Беретты » девятого калибра... О, Господи, у меня сейчас замок на джинсах разойдется. Такую эрекцию я испытывал тысячу лет назад, классе в шестом, когда случайно подсмотрел, как приехавшая к нам погостить моя родная тридцатилетняя тетка с упоением мастурбирует в ванной, орудуя душевым шлангом с открученным распылителем... Она была « разведенка ». Для меня это слово тогда звучало, как поднебесная музыка... По-моему, именно тогда я понял, что в жизни главное. Моя любимая тетушка, всегда в голубеньком прозрачном пеньюаре, специально не закрывала дверь в ванную. Я знал это, а она знала, что я знаю об этом. У нас была, как бы негласная двусторонняя договоренность. Две недели. По два-три раза в день. Эта приоткрытая дверь ванной комнаты и стала для меня первой дверью в неведомое, как позже песни « DOORS »*.

Я стоял в дверях, уже не боясь, что она меня увидит - мне хотелось, чтобы она меня увидела, маленькому мальчику, не знающему что делать с болезненно-несгибаемой штучкой в тесных штанах и я знал, что она наблюдает за мной сквозь бахрому влажных ресниц. Это здорово ее возбуждало (так она потом мне сказала). А мне было больно. Но это была сладкая боль. Я готов был терпеть ее сколько угодно... Она не дала мне дотерпеться до полного обалдевания. За день до отъезда тетя - « разведенка » затащила меня к себе в постель, когда родители были в отъезде на дачу и наигралась мной до полного адреналинового истощения. И своего и моего. Она была очень... очень сладкой... Это... это, как патрон в обойму... Один... Два. Три. Четыре... Когда обойма заполнена - она становится похожа на удовлетворенную, счастливую женщину... Патроны

заполняют пустоту обоймы, обойма заполняет пустоту пистолета, пистолет убивает. Он может убить кого-то, а может разнести череп тебе самому. Смотря как расположить руку в пространстве... Своя рука - Владыка. Мы заполняем пустоту вещей - вещи делают пустыми нас... Женщины нас опустошают. И мы не против. Мы никогда не против. Мы даже боремся за право быть опустошенными... Теперь я понимаю. Да, теперь я понимаю, почему великий Цезарь перед битвой заставлял легионеров совокупляться с гетерами... Воины становились опустошенными. И убивали... эффективно.

Оружие не имеет души?..

Человек, убивающий оружием не имеет души?..

Женщина не имеет души?

Save Over Soul!"

...О, нет, моя шестнадцатилетняя женщина имеет душу. Прекрасную душу, чистую... Жаль, что она не из

моего мира. Жаль... А может быть просто я не принадлежу этому миру? А мир этот хорош. Мир без кодов и паролей, без придуманных имен, судеб, родителей. Мир, где для того, чтобы переехать из города в город, не нужно менять цвет волос, цвет глаз, стиль одежды, манеру разговора, акцент...

Кто поделил эту планету на два мира? Мир могущественных невидимок и мир **ОСТАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ**? Кто выкинул меня из мира **ОСТАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ**, дав взамен умение внушать, умение менять лица, умение убивать, жить в таких условиях, в которых **ОСТАЛЬНЫЕ** не прожили бы и дня?

Россия, которой я поклялся служить до конца своих дней, как монах Господу Богу? Чуть собачья! Я нужен этой трехнутой стране! Так же нужен, как и она мне.

Кто поможет ей подняться с колен? Кто сумеет ненавязчиво, но раз и навсегда объяснить Америке, что не в её говённых интересах совать свое клинтоновско-оллбрайтское рыло в дела наших православных братьев-сербов?! Невменяемый президент? Это просто смешно. Премьер?.. Не утомляйте меня... Узнать бы, кто отдал приказ распустить наш батальон, выяснить бы каким образом погибли лучшие наши ребята, без особого труда умевшие захватить в одиночку любой военный самолёт от «F-111» до «B-52»? Погибли не на военных базах НАТО, не в Сальвадоре, не в Иране, а в России. Я сумел узнать только о пятирёх. Три самоубийства и два инсульта... И я верю в это? Вадик Чернов, в одиночку проползший на брюхе пустыни Ирана и горы Турции и без проблем просочившийся сквозь наши погранзаставы умер от инсульта в своей квартирке в Твери? Вадик, который заставил в восемьдесят седьмом весь Бейрут стоять на ушах?

Какая сука решила ликвидировать их? Какая падла подставила меня самого?..

Что, граждане генералы, объявили нам войну на уничтожение? Якши, будет вам война! Что, толстожопые, испугались батальона спецов, которые вдруг ста-

ли иметь своё особое мнение по поводу внутренней и внешней политики?.. И правильно испугались. Главное - вовремя. А что будете делать с тысячами парней, прошедших Афганистан, Эфиопию, Анголу, Чечню?.. Интересно, как умру я? Инсульт? Инфаркт? Самоубийство? Отказали тормоза в машине?

Где ты, моя шестнадцатилетняя? Спишь с медвежонком в обнимку? Что снится тебе? Надеюсь, не тень, изрыгающая автоматную очередь в твои синие глаза. Храни тебя Господь.

Калининград. Портовые доки. 05.09.98 г. 12ч. 40м.

Склад № 18 был самым малопосещаемым к самым неприглядным строениям калининградского морского порта. Может быть, потому, что располагался на отшибе - построен ни к селу ни к городу, может быть, потому, что был давным-давно заброшен. Идвери его глядели на Балтийское море уродливыми бельмами заключенных крест на крест глаз.

Симпатичная белокурая девушка в обтягивающих всё джинсиках и толстом бежевом свитере, небрежно помахивая сумочкой, украдкой огляделась по сторонам и проскользнула в еле приметный лаз, загромождённый ржавыми металлоконструкциями неизвестного предназначения.

Внутри склада было мрачно. Он был завален пустой деревянной, железной и пластиковой тарой, ржавыми трубами, мешками с химическими удобрениями, превратившимся в бесформенные глыбы, и ещё чёрт знает чем. А над всем этим убийственный запах гниения.

Огромная, лоснящаяся крыса, высунувшись из поваленной бочки с надписью «Осторожно! Ядохимикаты!», с подозрительным любопытством смотрела на девушку, которая осторожно, как чистоплотная, ухоженная кошечка, пробиралась вглубь склада № 18, стираясь ненароком не угодить аккуратной ножкой в грязь и лужи.

- Стоять, - из-за покорёженного контейнера «МОРФЛОТ СССР. КАЛИНИНГРАД» бесшумно выскользнул здоровенный, угрюмый парень в распахнутый кожанке и плотоядно ухмыльнулся. - Ну, что...

Калининград, ул. Карбышева. 05.09.98г. 12 ч. 43 м.

... Испугалась, лапуля?

Глеб напрягся и отставил в сторону чашку кофе. Ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь в глазах на секунду показались и исчезли без следа серые крылья печали. Стоявший на столе, обычный в виду радиоприёмник «Вега» продолжал переговариваться голосами женщины-девушки, с которой он провёл прошлую ночь и какого-то парня с очень ограниченным словарным запасом и непрошибаемым латышским акцентом.

- Пригодился трофейчик, - грустно проговорил «Дакота», вспоминая проведённую с девушкой ночь и свои мучения - «поверить или нет». Ему хотелось верить ей, до головной боли хотелось. Он готов был простить ей явное враньё «мне никогда ни с кем не было так...» и даже тот прокол с «татуировка, как у эсэсовца». Но цепкая интуиция профессионала тихо нашёптывала: «Ты, что, совсем очумел? Забыл первое правило? «Никогда никому не верить». Забыл? Сколько парней за яйца подвесили из-за такой забывчивости! Эта тёлка - подставка. Это же дешёвая шлюшонка! А ты сопли распустил по всей комнате! Что, микрофончик жалко? А себя нет?.. Что ты, в конце концов, теряешь? Если она чистая, - вернётся к тебе и заберёшь ты преспокойно своего «жука», а если нет - работаешь на опережение, будешь готов к встрече...

Короче говоря, интуиция «завалила» и сомнения и эмоциональный бред, и «Да-кота» сейчас об этом нисколько не жалел, правда микрофон-передатчик всё-таки было жалко.

- ...И ты узнала кто он. Увидела татуировку и все сразу поняла?

- Ну да.

- Да таких «партачек» любой слабоумный себе сейчас понарисовать может! Подумаешь, «группа крови на рукаве». Ни хрена это ни о чём не говорит!

- Но он показывал фотографию своего друга.

- И что? Этот друг тебе всё и рассказал?

- Пошёл ты, идиот!

- Что-о? Я же тебя, сучонку вербованную, в этом говне сейчас закопаю!

- Кончай базар! (это был третий голос - решительный и властный. Мужик, видимо был не из хилых). Продолжай. Что было на фотографии? А ты помолчи, примат...

- Джунгли.

- ...Афган что ли?

- Джунгли. Как в Африке. Вьетнаме, ну не знаю, в Бразилии. Настоящие джунгли. Их кто-то сфотографировал возле вертолётки, я такие только в кино видела, и они были в очень странной военной форме, в чёрных очках, с косынками... Ну, просто наёмники или наркокурьеры. Вертолёт такой маленький - двухместный. А друг держал в руке здоровый автомат с коротким широким магазином и во-от с такой загогулиной под дулом.

- Вот бяцство! Это же «М-16»! Резо, это ведь «М-16»*.

Глеб насторожился. «Тупой латыш и кавказец, говорящий без акцента, похоже, интербригада».

- Не ори. Я понял. Что ещё?

- Он во сне разговаривал.

- О чём?

- Не знаю. Он... он на иностранном языке разговаривал. Я не поняла на каком. Не английский - это точно, не немецкий и не... нет, я не знаю.

- Ничего удивительного, Оля, - Глеб горько ухмыльнулся, поднимаясь с дивана. - Португальский, слава Богу, в наших школах ещё не изучают. Из радиоприёмника послышались звуки, которые спутать нельзя было ни с чем: кто-то, Резо или латыш, набирали номер по сотовому.

- Буран, слушай внимательно. Карбышева 12-56. Клиента убрать... Живым не возьмём... Да, очень серьёзный, так что не дергайся, а проработайте там с ребятами всё до мелочей. Чтoб чики-чики было... Нет, операция не откладывается. Третий причал, два двадцать. Расклад не меняется. Главное, уберите клиента... Да. Девчонка выманит его. Отбой.

- Оля, слушай меня внимательно. Позвонишь ему и назначишь встречу в парке, часов в десять. Что хочешь ему плети. Про любовь, про секс, про «жить не могу без тебя» - тебя учить не надо, но сделай так, что б он пришёл. Обязательно. Поняла?

- Я... я не знаю. Он очень осторожный, и... опасный.

- Что он опасный, козёл, мы в курсе. Он двоих наших в кабаке завалил и одного на инвалидность отправил. Ты сама знаешь, зачем лишние слова говоришь?

Ну, а что б он не такой осторожный был и подозрительный, у тебя для этого всё что надо между ног есть... Вот тебе ещё на расходы и иди отдыхай, киска. Хорошо запомнила - в десять в парке. Прошу тебя очень постарайся, я хорошо заплачу - диплом себе купишь.

- Да.

- Вот и умница. Посиди здесь минут десять, пока мы уйдём. Покури, подумай, что этому Рэмбо врать будешь... Оружия и документов ты у него, конечно, не видела?

- Нет, а что?

- Всё нормально. До вечера...

Глеб выключил радио и с минуту поразмышляв, достал из глубины поддвиганья чёрную, тяжёлую спортивную сумку. Он решил подготовиться к встрече.

Калнинград. УВД. 05.09.98г. 17ч. 06м

- Дежурный по городу - старший уполномоченный УВД, старший лей...

- Лёш, заткнись на минутку. И слушай не перебивая. На тебе висит двойное убийство в стрип-клубе «Бриз», так?

- Да.

- Мы через своего осведомителя, кажется, высветили этого орла. Глеб, около тридцати лет, на груди и на левом бедре шрамы, предположительно от огнестрельного. Рост 185-190...

- Ё...

- Есть предположение, что проходил службу в секретном спецподразделении внешней разведки. Если Москва подтвердит, то это и есть тот самый «Дакота» - бывший командир диверсионной группы «Паллада», находящийся в розыске с 1996 года. Со своей группой и индивидуально работал в Мозамбике, Бейруте, Иране, Уганде, в Сальвадоре.

Хватит?

- За что в розыске?

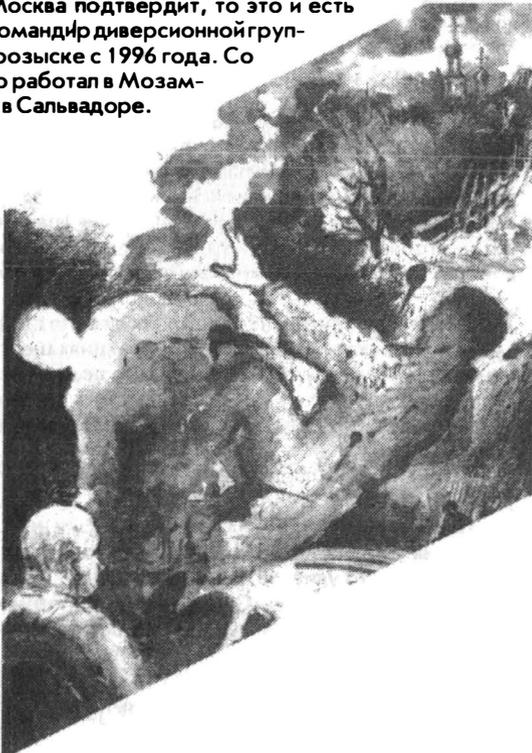
- Информации нет.

- Что мне делать?

- Я у тебя в долгу, сам знаешь. Запоминай адресок и делай что хочешь. Только быстро. В десять вечера будет уже поздно. Понял? Карбышева, 12-56. Отбой... Да... Живым взять его не удастся. Усек?

Кондаков положил трубку и ошалело уставился на висевший на стене плакат «Образцы служебного оружия полиции западных стран».

«Так, Лёха, у тебя появился шанс. И такого шанса больше не будет. Спокойно, спокойно. Федералы берут его в десять, у меня, стало быть... четыре часа. Так, так, так. «Индивидуально работал в Мозамбике, Бейруте... В розыске с 1996 года...» Ну, Кондаков,

думай. Или киснешь в операх до пенсии, или... Зотов, по-моему, ты засиделся на своём месте. Пора молодым дорогу, как поётся.

Ещё немного о чём-то поразмышляв, старлей Кондаков снял телефонную трубку:

- Семенов, СОБР* ко мне быстро... Да, в полном боевом. Заменяешь меня на сегодня? Времени нет объяснять. В рапорте читаешь. Ага. С меня «Абсолют». Замётано. Зотов в районе? Нет, ничего. Сами справимся. Одного хмыря взять надо без шума.

Глеб стоял перед зеркалом в ванной и внимательно изучал себя. Блондин «около тридцати лет» испарился. Иссиня-жгучий брюнет, со слезящимися карими глазами (отвык от контактных линз) лет сорока пяти-пятидесяти, слегка горбившись, выполнял странные упражнения. Нескольким раз он осторожно присел, поочередно вытягивая перед собой правую и левую руки. Затем лейтенант спецгруппы «Паллада», не покачнувшись, достал правым коленом до подбородка, аккуратно опустил ногу и тоже самое проделал левой ногой. С левой вышло хуже давало себя знать ранение, да и «ТТ», закрепленный на бедре под широкими чёрными брюками, слегка мешал. Но в общем и целом был порядок. Бронезилет не мешал и не был виден под кожанкой, стальные, рифлёные налокотники и наколенники сидели плотно, а «Грач»* за поясом не грозил оторвать стволом яйца вместе с бандажом. Глеб открыл горячую воду и плеснул себе на лицо. Никаких потёков не было - грим держался.

- Ну, что, Оленька, хочешь познакомиться со мной ещё ближе? И своих дружок мне представить? - тихо сказал он своему отражению и улыбнулся, открыв четыре фальшивые золотые коронки. - Я не против, - и брюнет повесил на левое плечо чёрную сумку с надписью «NIKE», в которой в тесном соседстве пребывали две дымовые шашки, три итальянские гранаты со слезоточивым газом, двадцатиметровый эластичный трос с маленькой «кошкой» и складной, компактный арбалет с оптическим прицелом «Асахи-Пентакс» и набором кованых стрел. Глеб посмотрел на часы и пошел к входной двери. На часах было 17.22.

На секунду лейтенант задержался возле дивана, на котором еще совсем недавно его трахала во все выдах и позициях шестнадцатилетняя кучка с обалденно упругими грудями и тщательно подстриженными волосиками на лобке и вздохнул.

Это был вздох человека, окончательно разуверившегося во всем человеческом.

Заминировать дверь было делом двух минут, и уже стоя на площадке, он услышал, как к подъезду подъехали три автомашины.

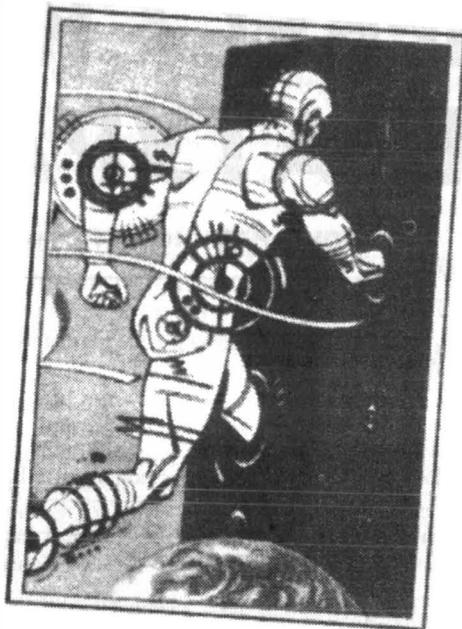
«Это еще что за херня», - пронеслось у него в голове, когда тело уже находилось на чердаке пятиэтажки-хрущевки. Внизу, возле подъезда он увидел то, чего вообще-то увидеть никак не ожидал.

Отряд СОБР или ОМОНа оцеплял по периметру всю территорию ближайших четырёх домов, и выглядели ребята круто - в чёрных масках, двенадцатикилограммовых бронезилетах «Орех-2» и с АКМС в здоровенных ручищах. Командовал этим маскарадом, судя по всему, старший лейтенант, то ли очень испуганный, то ли очень озабоченный. Видимо, он знал, кого ему предстоит брать.

- Мне очень неприятно, парни, но в этой игре нет ни своих, ни чужих, - про-

бормotal Глеб. - Каждый за себя. «Каким-то образом менты перехватили либо мой передатчик, либо сами давно пасли этого Резо».

- Так что, извиняйте, ребята, - и «Дакота» достал из кармана куртки гранату, начиненную гремучей смесью «слезогонки» и «паралитика».

ПРИМЕЧАНИЯ:

* Пулитцеровская премия. Одна из самых престижных премий в США в области литературы.

** «Вега». По официальной версии: антитеррористическое подразделение, созданное в восьмидесятых годах, после скандального самороспуска группы «Альфа».

*** «Шотокан» (в другой транскрипции: «Сибтокан»). Одна из наиболее жестких школ каратэ-до. Красный пояс в данной школе вручается «за особо выдающиеся достижения».

**** Обигрывается ответ Джима Моррисона - лидера легендарной рок-группы «Дорз» («Двери») на вопрос журналиста: «Почему такое странное название?» Джим: «Мы - двери между ведомым и неведомым».

***** Спасите наши души (англ.).

***** Американская автоматическая винтовка, находится на вооружении армии США.

***** «Грэх» - российский пистолет последнего поколения. По функциональным и боевым качествам превосходит все существующие аналоги.

***** Хиттер - проф. убийца (отличный от killer - наемный убийца).

Сергей СЛЮНЯЕВ

МЕЛЕКЕССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Окончание.

Начало в предыдущих номерах.

**Опыт научно-вспомогательного
указателя**

ПЕРЕВОДЫ

АЙМУРЗАЕВ Джолмурза (Жолмурза)

Первопроходцы: Глава из поэмы /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. 1978. - 28 июля. - С.4.

Председатель: Поэма; Мои славные друзья: Поэма /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Аймурзаев Д. Жизнь: Стихотворения и поэмы. - Нукус: Каракалпакстан, 1980. - С.242-262.

АНИССИ Вася

Молитва; Добрый человек: [Стихотворения] /Пер. с чув. Е.Ларина //Ульян. комсомолец. - 1987. - 4 июля. - С.7.

ВИЙОН Франсуа

Лэ (Малое завещание); Баллада о толстой Марго; Баллада о женщинах Парижа /Пер. А.П.; Краткое предисл.; Статья «Я всюду принят и везде гоним» А.П., с.6; Примечания А.П., с.7; В оформлении использованы произведения Яна ван Эйка, Питера Брейгеля, Иеронима Босха и Ж.Пейра //Димитровград-панорама. - 1996. - 10 авг. - С.6-7.

ЖЕЛДЕРБАЕВА Санимгуль

Девушкам Каракалпакии: [Стихотворение] /Пер. с казах. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1978. - 5 дек. - С.4.

ИЗБАСКАНОВ Жиенбай

Земле родной: [Стихотворение] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Звезда Востока. - 1980. - N 8. - С. 119.

Уходит сентябрь; Об Амударье-красавице: [Стихотворения] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1980. - 6 сент. - С.4.

КАБУЛОВ Толыбай

Тульские леса: [Стихотворение] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов.Каракалпакия. - 1977. - 10 дек. - С.4.

Что мне дорого; Мать-земля; Два тополя: [Стихотворения] /Пер. с каракалп. Е.Ларина //Ульян. комсомолец. - 1987. - 4 июля. - С.7.

КАИПБЕРГЕНОВ, Т.

Ветви одного дерева: К Дням литературы и искусства Каракалпакской АССР в Татарии /Пер. с каракалп. [В.Гордеева]; Фото Р.Саидова [На фото в том числе В.Гордеев] //Вечерняя Казань. - 1981. - 16 июня. - С.3.

Духовные ценности - общее достояние: [Каракалпакская литература] /Фото; Пер. [В.Гордеева] //Сов. Татария. - 1981. - 18 июня. - С.3.

Чувство семьи единой: [О каракалпакской литературе] /Фото; Пер. с каракалп. [В.Гордеева] //Сов. Каракалпакия. - 1981. - июнь (спец. вып.). - С.6.

КУСЕКЕЕВ, Каллибек

Ты - моя поэзия: [Стихотворение] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1977. - 7 дек. - С.4.

МАТМУРАТОВ, Тулепберген

Миниатюры; О красоте; «Мне горы совет подарили однажды...»; Я доволен людьми!: [Стихотворения] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1977. - 23 сент. - С.4.

Мощно и гордо; Не верю я; Горячие звезды: [Стихотворения] /Предисл. В.Гордеева; Пер. с каракалп. [В.Гордеева] //Сов. Каракалпакия. - 1977. - 16 нояб. - С.4.

Не верю я: [Стихотворение] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Татария. - 1980. 19 авг. - С.3.

Священное имя: [Стихотворение] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1978. - 24 окт. - С.4.

Школа мужества: [О времени и о себе. К юбилею Ленинского комсомола] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1978. - 24 окт. - С.4.

«Я в этом мире...»; «Мне горы совет подарили однажды...»: [Стихотворения] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Звезда Востока. - 1978. - N 7. - С.64.

МАТЪЯКУБОВА, Гулистан

Отец: Отрывок из поэмы /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1985. - 2 февр. - С.3.

СЕЙТЕКОВ, Аяпберген

«Мой первенец...»; «Я помню...»; Роднику; «Как облачко в небе...»: [Стихотворение] /Фото; Коротко об авт.; Пер. [с каракалп.] В.Гордеева // Молодость: Лит.-худож. альманах (Ташкент). - 1983. - Вып. 11. - С.25-26.

СЕЙТНАЗАРОВ Галым

Башкирии: [Стихотворение] /Пер. [В. Гордеева] //Сов. Каракалпакия. - 1977. - 10 июня. - С.3.

Осень: [Стихотворение] /Пер. [В.Гордеева] //Сов. Каракалпакия. - 1981. - июнь (спец. вып.). - С.3.

Рыбак: [Стихотворение] /Пер. с каракалп. [В.Гордеева] //Сов. Татария. - 1981. - 18 июня. - С.3.

СЕЙТНИЯЗОВ, Матен

Бурильщики: [Стихотворение] /Пер. [В.Гордеева] //Дагестанская правда. - 1983. - 23 авг. - С.3.

УББИНИЯЗОВ, Кожан

Ленину; Моя столица: [Стихотворения] /Пер. с каракалп. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1980. - 26 янв. - С.4.

ХОЖАНАЗАРОВ, Улмаамбет

Республика моя: [Стихотворение] /Пер. с каракалп. [В.Гордеева] //Сов. Башкирия. - 1977. - 12 июня. - С.3.

ХОРОСНИЦКАЯ Мария

Ульяновск; На Волге: [Стихотворения] /Пер. с укр. Е.Ларина //Ульян. комсомолец. - 1987. - 4 июля. - С.6.

ХУСАИН Махмуд

См. также в кн.: Гордеев В. Черный Собор: избр. - Димитровград, 1997.

ШАМУРАТОВ, Атамурат

Я - солдат; Баллада о матери: [Стихотворения] /Пер. с узб. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1977. - 23 февр. - С.3.

ШУКУРОВ, Зейнулла

Арал: [Стихотворения] «Арал! Ты матерью меня оберегаешь...»; «Я похож на тебя, мое море степное...»; «Радость жизни займи мне, суровое море...» /Пер с казах. В.Гордеева //Сов. Каракалпакия. - 1978. - 5 дек. - С.3.

ЯВТЫСЫЙ, Прокопий

Портрет: [Стихотворение] /Пер. с немецкого В.Гордеева //Барвинок. - 1987. - N1. - С.3.

РЕДАКТУРА, РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА

АБДИРАХМАНОВ Оразбай. Не подписывай, браток!: Сатира и юмор /Пер. с каракалп. Ю.Леонтичева; Рецензенты В.Гордеев, Е.Емельянов; Редактор В.Гордеев. - Нукус: «Каракалпакстан», 1984. - 94 с.

ГРИДНЕВ Владимир Васильевич. Родники: Стихотворения /Рецензенты В.Гордеев, З.Насруллаева. - Нукус: «Каракалпакстан», 1983. - 39 с.

ЕМЕЛЬЯНОВ Евгений Петрович. Хорошие люди: Роман. Книги первая и вторая /Портр. авт. и оформление художника А.С.Зубова; Рецензенты В.Гордеев, М.Сабуров, К.Худайбергенов. - Нукус: «Каракалпакстан», 1983. - 272 с., илл.

КАРАСЕВ Юрий Иванович. Рядом - друзья: Лит.-критич. заметки и статьи /Редактор В.Гордеев. - Нукус: «Каракалпакстан», 1985. - 192 с.

КИТАЕВА Галина Петровна. Память: Стихи /Рецензенты Г.Левин, З.Палванова, В.Гордеев. - Нукус: «Каракалпакстан», 1986. - 26 с.

КОЖЕВНИКОВ Максим Ефимович. Суводь: Повесть в рассказах /Редактор В.Гордеев. - Нукус: «Каракалпакстан», 1983. - 234 с.

МАТМУРАТОВ Тулепберген. Говорит сердце: Стихи /Пер. с каракалп. З.Палвановой; Рецензенты В.Гордеев, Ю.Леонтичев. - Нукус: «Каракалпакстан», 1984. - 72 с.

МОЛУТОВ К. Нукус: Путеводитель /Фото А.Ванштейна, А.Герасимова, В.Клепко; Художник Г.Жирнов; Литературная обработка В.Гордеева. - Ташкент: Изд-во ЦК Компартии Узбекистана, 1984. - 60 с., фото.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

[Б.а.] [О встрече в детской областной библиотеке, посвященной 60-летию писателя Льва Фомина. В том числе упоминается В.Гордеев] / [На снимке А.Чеховская, К.Дудкин, В.Гордеев и другие] //Ульян. правда. - 1987. - 19 авг. - С.3.

[Б.а.] [О клубе любителей поэзии «Эхо», на заседаниях которого также читают свои произведения местные авторы] /Фото В.Волчкова [Ульяновские литераторы В.Малинин, Е.Мельников, Ж.Миндубаев на заседании клуба] //Знамя коммунизма. - 1979. - 5 апр. - С.4.

[Б.а.] Боль и радость Александры Беловой: [О выходе в свет книги А.Беловой «Боль и радость моя» (Димитровград)] //Димитровград-панорама. - 1996. - 24 сент. - С.8.

[Б.а.] Будьте знакомы!: [Об А.Никонове] /Фото //Знамя труда. - 1974. - 26 янв. - С.4.

[Б.а.] В гостях у мелекесцев татарский поэт Махмуд Хусаин //Знамя труда. - 1975. - 11 марта. - С.4.

[Б.а.] Валерий Гордеев: [Краткое предисл. к стихам] //Каракалпакская песня. - Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1984. - С.184. - На кумыкском яз.

[Б.а.] Вася Анисси: [Коротко о чувашской поэтессе] //Ульян. комсомолец. - 1987. - 4 июля. - С.7.

[Б.а.] Встреча с поэтом: [В гостях у димитровградцев Марк Лисянский] / Фото В.Волчкова //Знамя труда. - 1974. - 14 сент. - С.4.

[Б.а.] Встреча с поэтом: [В гостях у мелекесцев Р.Рождественский] //Знамя коммунизма. - 1966. - 20 нояб. - С.4.

[Б.а.] Ученики школы N 4] Встреча с поэтом: [О встрече с Е.Лариным в школе N 4] //Знамя коммунизма. - 1984. - 14 апр. - С.4.

[Б.а.] Гость димитровградцев - поэт Махмуд Хусаин //Знамя коммунизма. - 1975. - 22 марта. - С. 4.

[Б.а.] Дм.Минаев: «А клячи прежние остались...»: [Сатира Д.Минаева] // День победы. - 1995. - 8 февр. - С.2.

[Б.а.] Владимир Чакин: [Об авторе газеты] /Дружеский шарж [С.Высотина] //Вестник НИИАР. - 1991. - 23-29 дек. - Разворот.

[Б.а.] Братья Высотины: [Об авторах газеты] /Дружеский шарж [С.Высотина] //Вестник НИИАР. - 1991. - 23-29 дек. - Разворот.

[Б.а.] Еще один подарок от «ДП»: [Подписная кампания. Редакция предлагает всем, оформившим подписку с 20 по 25 июня, бесплатно книжку стихов местного (потом петербургского) поэта Николая Бондаренко] /Обл. кн. //Димитровград-панорама. - 1996. - 20 июня. - С.1. - А также: 22 июня. - С.2.

[Б.а.] Знакомьтесь: Александр Никонов: [Предисл. к рассказу «Часы»] / Фото //Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3.

[Б.а.] Идти в ногу со временем: [Отчетно-выборное собрание литературного объединения «Черемшан»] //Знамя коммунизма. - 1977. - 19 февр. - С.3.

[Б.а.] Имели место быть...: [О вечере поэта А.Гротуса в театре-студии «Подиум»] //Димитровград-панорама. - 1994. - С.2.

[Б.а.] К нашим читателям: [Предисл. к тематич. вып. газеты «Знамя труда» «Спутник», посв. творчеству членов литобъединения «Черемшан»] //Спутник. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С. 2.

[Б.а.] Литературные вечера: [Внештатные корреспонденты Л.Осипова и С.Латыпов рассказывают о литературных вечерах, посвященных 40-летию Победы, в которых принимали участие члены литъобъединения «Черемшан»] //Знамя коммунизма. - 1984. - 14 дек. - С.4.

[Б.а.] Литературные премии: [Информация об учреждении в области литературных премий] //Димитровград-панорама. - 1996. - 16 мая. - С.2.

[Б.а.] Мария Хоросницкая: [Об украинской поэтессе и ее дружбе с Е.Лариным] //Ульян. комсомолец. - 1987. - 4 июля. - С.6.

[Б.а.] На молодежном «огоньке»: [Члены литобъединения «Черемшан» на «огоньке», посвященном творчеству Р.Рождественского, на заводе «Химмаш»] // Знамя коммунизма. - 1975. - 23 янв. - С.4.

[Б.а.] Наедине с природой: [О рассказах С.Кузьмина] //Знамя коммунизма. - 1975. - 13 дек. - С.4.

[Б.а.] [Немного о литературном объединении «Черемшан»] /На снимке: на заседании объединения (ведет А.Гарипов) //Знамя коммунизма. - 1979. - 6 янв. - С.4.

[Б.а.] Новая книжка Я.Рогачева: [О книге рассказов для детей «Кто старше», вышедшей в Чувашии] //Димитровград-диалог. - 1993. - 21 июля. - С.1.

[Б.а.] О наших авторах: [В том числе об А.Никонове] /Фото, 3 с. обл. // Карамзинский сад: Лит.-худож. альманах. Вып. 1. - Ульяновск: Обл. писательская организация, 1991. - С. 172.

[Б.а.] [О новой подборке произведений членов литобъединения «Черемшан»] //Автостроитель. - 1983. - 1 июля. - С.3.

[Б.а.] От редакции: [История поэмы Е.Ларина «Бог»] /Фото; Коротко о Е.Ларине //Ульян. комсомолец. - 1987. - 3 окт. - С.6.

[Б.а.] [О поэтической почте] //Димитровград-диалог. - 1994. - 26 янв. - С.3.

[Б.а.] [О рубрике «Литературная гостиная», в том числе упоминаются С.Кузьмин и Д.Лескин] //Ульян. комсомолец. - 1987. - 19 сент. - С.7.

[Б.а.] Обрадуйте своих детей: [О том, что в 1996 году в газете будет публиковаться четвертая часть повести Джо Шина «Закрытие айна»] /Рис. Джо Шина //Димитровград-панорама. - 1995. - 11 нояб. - С.1.

[Б.а.] Первой чувашской поэтессе: [Об открытии мемориальной доски, посвященной Анисии Васильевне Княгининой] //Знамя коммунизма. - 1982. - 6 мая. - С.1.

[Б.а.] Писателем не удивишь!: [О приезде в Димитровград члена НТС писателя Владимира Рыбакова] //Димитровград-панорама. - 1993. - 16 марта. - С.1.

[Б.а.] Поиграем в Средиземье: Толкинисты, ау! //Димитровград-панорама. - 1995. - 4 февр. - С.4.

[Б.а.] Помните! Здесь жил писатель: К 100-летию А.Неверова [Места в нашей области, связанные с Неверовым] /Рис. //Ульян. комсомолец. - 1986. - 20 дек. - С.5.

[Б.а.] «Последний паром» - первая ласточка: [Информация о выходе в Димитровграде книги стихов ульяновского автора Людмилы Ртищевой «Последний паром»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 23 июля. - С.2.

[Б.а.] «Сказать для всех, не в кулуарах»: [Резонанс на статью В.Гордеева и А.Чеховской] //Ульян. комсомолец. - 1987. - 1 янв. - С.10.

[Б.а.] Слово - «Черемшану»: [О литобъединении] /Фото В.Волчкова //Ульян. правда. - 1973. - 25 нояб. - С.3.

- [Б.а.] Толыбай Кабулов: [О каракалпакском поэте и его дружбе с Е.Лариным] /Фото //Ульян. комсомолец. - 1987. - 4 июля. - С.7.
- Алиева Н. А мне присилось, миром правит любовь: [О поэзии Виктора Цоя. День памяти Цоя] /Фото //Димитровград-панорама. - 1996. - 15 авг. - С.1.
- Алиева Н. «Я, конечно, вернусь..»: [Памяти Владимира Высоцкого] /Портр. //Димитровград-панорама. - 1996. - 25 июля. - С.7.
- А.П. Был ли Пушкин в Мелекесе? //День победы. - 1995. - 24 мая. - С.4.
- Асланов И. Махмуд Хусаин: [О татарском поэте] //Ульян.комсомолец. - 1987. - 4 июля. - С.6.
- Ахметов С., Худайбергенов К. Гордеев Валерий Леонидович: [Биобиблиография] /Фото //Ахметов С., Худайбергенов К. Писатели советской Каракалпакии: [Справочник]. - Нукус: «Каракалпакстан», 1983. - С.43.
- Белова А. Когда я встречаю кого-то из вас: [25 лет ДААЗа. О своих стихах, посвященных заводу и его людям] /Фото // Автостроитель. - 1992. - 4 сент. - С. 2.
- Болотова В. Был грустный, но красивый вечер: [О творческом вечере Л.Степановой] /Фото //Димитровград-панорама. - 1995. - 30 дек. - С.6.
- Болотова В. Занимаются юные филологи: [О занятиях в школе юных филологов] //Знамя коммунизма. - 1966. - 20 нояб. - С.4.
- Болотова В. Интересная встреча: [В гостях у мелекесцев редактор изд-ва «Мол.гв.» Александр Ливанов, писатели-фантасты Евгений Муслинов и Владимир Фирсов, поэт Иван Харабаров] //Знамя коммунизма. - 1966. - 30 окт. - С.4.
- Болотова В. «Радужное окошко»: [Презентация книги А.Беловой] // Димитровград-панорама. - 1995. - 4 мая. - С.1.
- Борисова Т. Исторический заяц: [А.Пушкин и... заяц, благодаря которому поэт вернулся в Симбирск. А также отрывок из «оды»] /Рис. //К доске! - 1992. - 9 янв. - С.3.
- Будылев А. Пушкин в Мелекесе? //Знамя коммунизма. - 1975. - 27 дек. - С.4.
- Бурдин А. Прикосновение к поэзии: Обзор стихов начинающих авторов [В том числе о стихах А.Герасимова из с.Казаково Мелекесского района] //Ульян. комсомолец. - 1987. - 28 февр. - С.11.
- Бурдин А. Пусть будет мир!: Обзор поэтической почты [В том числе и о стихах димитровградца А.Фадеева] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 3 мая. - С.3.
- Бурдин А. Читая письма: [Обзор поэтич.почты. В том числе о стихах А.Фадеева] //Ульян, комсомолец. - 1988. - 2 апр. - С.12.
- Валентинов С. Детектив от Веры Львовой: [Саратовская писательница в Димитровграде] /Фото //Димитровград-панорама. - 1996. - 6 мая. - С.6.
- Валентинов С. Новая книга Евгения Ларина: [О книге «Дороже золота»] // Димитровград-диалог. - 1992. - 27 нояб. - С.1.
- VIII съезд писателей Каракалпакии: Справочник. Между съездами. Отчет об организационно-творческой работе правления Союза писателей Каракалпакской АССР за период между VII и VIII съездами. - Нукус, 1980. - 45 с. - [Упомянется В.Гордеев и его книга «Маршальский жезл», С. 19, 41].

Галимов Ф. Писатель из народа: А.С.Неверову - 90 лет //Знамя коммунизма. - 1977. - 6 янв. - С.3.

Гарипов А. Верны горьковским традициям: [О литобъединении «Черемшан», его членах, публикациях их произведений в различных поэтических сборниках] //Знамя коммунизма. - 1984. - 16 авг. - С.3.

Гарипов А. Горный орел: К 100-летию со дня рождения Гамзата Цадаса // Знамя коммунизма. - 1977. - 20 авг. - С.3.

Гарипов А. «Десять дней, которые потрясли мир»: 90 лет со дня рождения Джона Рида /Портр. //Знамя коммунизма. - 1977. - 22 окт. - С.3.

Гарипов А. Праздник волжской поэзии: [О сб. стихов «День волжской поэзии», в который вошли и стихи «черемшанцев»] //Знамя коммунизма. - 1983. - 13 дек. - С.3.

Гарипов А. Приглашаются любители поэзии: [Объявление о вечере поэзии, подготовленном объединением «Черемшан»] //Знамя коммунизма. - 1979. - 16 янв. - С.4.

Гарипов А. Сашины стихи: [О стихах капитана Советской Армии Александра Шарина, погибшего в 1945 году. К 30-летию со дня освобождения Варшавы] /Знамя коммунизма. - 1975. - 18 янв. - С.3.

Гарипов А. Чтобы расцвело творчество молодых: [О литобъединении «Черемшан» и постановлении Союза писателей СССР] //Знамя коммунизма. - 1979. - 27 нояб. - С.4.

Гарипов А. Чтобы ярче жил литературный «Черемшан»: [Литературное объединение вчера, сегодня, завтра] //Знамя коммунизма. - 1977. - 25 окт. - С.4.

Глазков А. Славя человека: Обзор печати [В том числе об очерках А.Никонова] //Ульян. правда. - 1975. - 12 янв. - С.2.

Гордеев В. [О писательнице из Сенгиля Маргарите Родионовой, члене Союза писателей СССР] /Фото //Ульян. комсомолец. - 1987. - 1 авг. - С.7.

Гордеев В. «Ведь слову нужен позарез и точный смысл, и точный вес»: [К 60-летию Е.Ларина] /Фото //Ульян. комсомолец. - 1986. - 25 окт. - С.9.

Гордеев В. «Героям не будет забвенья...»: [Рец. на книгу о Н.Баумане «Жизнь, отданная борьбе»] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 15 янв. - С.3.

Гордеев В. Журек тарлары: [Рецензия на сборник стихов З.Палвановой «Приход весны» (Нукус, 1980)] //Амударья. - 1981. - N 3. - С.127-128. - На каракалп.яз.

Гордеев В. Забвению не подлежит: [Об А.Неверове] /Портр. //Россия молодая. - 1990. - N 12. - С.60-61.

Гордеев В. Именем человека...: [Рец. на роман Евгения Емельянова «Василика» (Нукус, 1982)] //Амударья. - 1983. - N 12. - С.108. - На каракалп.яз.

Гордеев В. «Лебединым скорбным кликом он несется над страной...»: [Новелла о Д.Лескине. Из цикла «Личности в истории Мелекесса»] //Димитровград-панорама. - 1994. - 22 нояб. - С.5.

Гордеев В. Литературное объединение «Черемшан» // Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.6-7.

Гордеев В. Литературный Димитровград - это реальность наших дней: [История Союза писателей. О литературном семинаре в Димитровграде] / Фото // Черемшан. - 1998. - Октябрь. - С.3-17.

Гордеев В. Наш автор «Джунаидхана»: Раннее творчество Бориса Чепрунова / Эдебият ве сунгат (Культура и литература) (Ашхабад). - 1988. - 22 июля. - С.7. - На туркм. яз.

[Гордеев В.] Наши авторы: [Коротко об А.Беловой, Е.Ларине, Э.Терентьевой, Л.Артамонове, Ф.Касимове, Е.Новоселовой (Мельниковой), А.Филимоновой, Д.Смольникове, Н.Алиевой] // Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.94-96.

[Гордеев В.] Наши авторы: [Коротко об...] // Черемшан. - 1998. - Октябрь. - С.

Гордеев В. Неприкаянный: Газетный вариант повести о судьбе русского поэта [Геннадия Зимняка] / Фото // Димитровград-панорама. - 1995. - 7 янв. - С.6. - 12 янв. - С.6. - 17 янв. - С.6. - 21 янв. - С.5.

Гордеев В. Нет подаяния не ищущему его: [Культура и бездуховность. В том числе о литературных традициях в Мелекесе, о литераторах, опыте литературной работы] // Димитровград-диалог. - 1993. - 21 июля. - С.2.

Гордеев В. «Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный...»: Из стенографич. материалов Союза писателей РСФСР. Отчет о заседании Всероссийской комиссии по проведению 150-летия со дня кончины Н.М.Языкова / Рис. // Ульян. комсомолец. - 1987. - 6 июня. - С.6-7.

Гордеев В. Память о земляке: [О Днях памяти И.Яковлева в Цильнинском районе] // Ульян. комсомолец. - 1987. - 30 мая. - С.11.

Гордеев В. Перед совестью нам отвечать: Размышления после Пушкинского праздника в Языково // Ульян. комсомолец. - 1986. - 14 июня. - С.12.

Гордеев В. Подвиги не уходят в отставку: Военно-патриотич. тема в повестях Юрия Леонтичева // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР (Нукус). - 1979. - N 2. - С.70-74.

Гордеев В. «Поэт в России - больше, чем...»: [О Н.Языкове] // Знамя коммунизма. - 1996. - 17 февр. - С.5.

Гордеев В. Поэт из Донбасса: [О поэте Владимире Калининском] / Портр. // Сов. Каракалпакия. - 1983. - 22 июля. - С.4.

Гордеев В. Правила памяти: Послесл. к Льву Шейнину [О «Записках следователя»] // 25 канал. - 1993. - N 7. - С.4.

[Гордеев В.] Разговор о литературной смене: [О юных дарованиях, поэтах Нике Турбиной и Мехрибан Кабуловой] // Сов. Каракалпакия. - 1983. - 6 июля. - С.4.

Гордеев В. Разговор о поэзии: [Встреча с димитровградскими поэтами в ДК «Строитель»] // Знамя коммунизма. - 1975. - 6 марта. - С.3.

[Гордеев В.] Разыжий смех Омирбека: [Рецензия на книгу «Шутник из Чимбая» (6-ка «Огонек»)] // Белорецкий рабочий (Белорецк, Башкирия). - 1977. - 15 июня. - С.3.

Гордеев В. Слово писателей родины Ильича [в том числе Е.Ларина] на родине Сулеймана Стальского и Гамзата Цадаса, звучащее на днях литературы в Дагестане // Ульян. комсомолец. - 1987. - 22 авг. - С.11.

Гордеев В. Стихов не замутнеют родники... Пушкинские дни в Языково // Ульян. комсомолец. - 1987. - 13 июня. - С.11.

Гордеев В. Счастливого плавания!: [О выходе первого номера журнала «Черемшан»] // Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.3-5.

Гордеев В. Что празднуем?: [О календаре памятных дат и массовых мероприятий на 1996 год в Димитровграде. В т.ч. о предстоящем 70-летию Е.Ларина] // Димитровград-панорама. - 1996. - 28 марта. - С.1.

Гордеев В. Чувство национальной гордости: [О Денисе Давыдове] / Портр. / Ульян. комсомолец. - 1987. - 20 июня. - С.10.

Гордеев В., Авдонин А. Первый пушкинист: [О П.Анненкове] // Ульян. комсомолец. - 1987. - 27 июня. - С.11.

Гордеев В., Чеховская А. Сказать для всех, не в кулуарах...: О работе с литературной сменой в областной писательской организации [В том числе об А.Гарипове, А.Никонове, А.Беловой] // Ульян. комсомолец. - 1986. - 2 авг. - С.6-7.

Гордеев В. Чтобы время о тебе пело...: [Третий городской конкурс военно-патриотических песен и стихов, посвященный 30-летию Победы, в том числе и среди чтецов своих стихов (были К.Суховеев, В.Коняев, Р.Сайгина, Б.Корженевский)] // Знамя коммунизма. - 1975. - 3 апр. - С.3.

Гордеев В. Эпоха Солженицына?: [Время, люди, судьбы] / Коллаж авт. // Димитровград-диалог. - 1994. - 22 июня. - С.1-2. - 29 июня. - С.2.

Гордеев В., Ларин Е. Димитровград - город писательский: В Димитровграде создается отделение Союза писателей России [Интервью] / Беседовал В.Павлов / Димитровград-панорама. - 1995. - 14 окт. - С.1.

Гранин Н. Герои повести - саперы: [О книге А.Гарипова «Ильмень-озеро»] / Знамя коммунизма. - 1983. - 28 июня. - С.3.

Дитяткина Н. Песня - в память о встрече: [О концерте композитора Л.Лядовой. А также о песне Лядовой на стихи М.Рейтмана «Мой дом - Димитровград»] / Ноты, текст песни // Знамя коммунизма. - 1979. - 8 февр. - С.4.

Дмитриев И. В литобъединении «Черемшан»: [Обсуждение рассказов С.Гордиенко] // Знамя коммунизма. - 1966. - 23 марта. - С.4.

Дмитриев И. На литературной пятнице: [Об очередном заседании литературного объединения «Черемшан». Обсуждение повести Е.Яковлева «Детство»] // Знамя коммунизма. - 1966. - 11 марта. - С.4.

Домбровский В. Вокруг света на «Палладе»: К 175-летию И.А.Гончарова / Рис. // Ульян. комсомолец. - 1987. - 13 июня. - С.10.

Домбровский В. Мы к Пушкину пойдем недалеко: [О празднике, посвященном Н.Языкову] / Фото // Димитровград-диалог. - 1994. - 3 июня. - С.1, 2.

Домбровский В. Соприкосновение: [Писатели России в Ульяновске] / Фото А.Рогова // Ульян. комсомолец. - 1986. - 31 мая. - С.4.

- Домбровский В. Творческий отчет: [О творческом отчете в литературном объединении «Черемшан»] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 17 мая. - С.2.
- Дудкин Д. Первопроходец: К 100-летию со дня рождения А.С.Неверова / Портр. //Ульян. комсомолец. - 1986. - 22 нояб. - С.9.
- Егорова В. Женщина и весна: [Праздник весны и поэзии в клубе «Эхо»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 23 марта. - С.2.
- Егорова В. «Кто светел, тот и свят...»: [Заседание в клубе любителей поэзии «Эхо». Поэзия на религиозные темы] //Димитровград-панорама. - 1996. - 4 июня. - С.7.
- Егорова В. «Счастье странного паломника»: [О благотворительном вечерен-концерте в клубе «Эхо», посвященном В.Набокову] //Димитровград-панорама. - 1996. - 5 марта. - С.2.
- Ермилов А. Сорок лет в поэтическом строю: [О чувашском поэте Стихване Шавле] /Фото //Звезда. - 1970. - 8 сент. - С.4.
- Жарский Ф. Книга об истоках советской поэзии и прозы: [О книге Л.Фарбера «Советская литература первых лет революции»] //Знамя коммунизма. - 1966. - 14 дек. - С.4.
- Жарский Ф. Школа юных филологов [при Мелекесском педагогическом институте] //Знамя коммунизма. - 1966. - 19 окт. - С.4.
- Зимняков Г. Среди журналов - новичок: [О новом журнале - «Волга»] // Знамя коммунизма. - 1966. - 16 февр. - С.4.
- Иванов В. С заботой о молодых писателях: [Об очередном собрании ульяновских писателей] //Знамя коммунизма. - 1977. - 8 янв. - С.2.
- Иванова В. Спасибо тебе, мама!: [Воспоминания дочери Васси Анисси] // Димитровград-панорама. - 1993. - 7 янв. - С.3.
- Каипбергенов Т. Художественная летопись эпохи: [Литература Каракалпакии. В том числе упоминается В.Гордеев] //Сов. Каракалпакия. - 1984. - 26 дек. - С.4.
- Касимов Ф. «Пришельцы» из глубины веков: (Маршрутами родной речи) / Фото; Рис. //Черемшан. - 1998. - Октябрь. - С.53-60.
- Кишенина В. Пробуждая социальную активность: К 50-летию В.Распутина / /Знамя труда. - 1987. - 25 марта. - С.3.
- Клименков В. С верой в человека: [О книгах А.Грина] //Знамя коммунизма. - 1966. - 19 янв. - С.4.
- Книголюб. А почитать дадите?: Какие книги разыгрываются в лотерее «ДП»? //Димитровград-панорама. - 1995. - 17 окт. - С.6.
- Кожаяев А. Ваше слово, товарищ писатель: [Под впечатлением статьи В.Гордеева и А.Чеховской «Сказать для всех, не в кулуарах...»] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 18 окт. - С.9.
- Кокнаев В. 30 сентября Евгению Степановичу Ларину исполнится 70 лет: [Обращение «Объединения избирателей» к общественности] //Димитровград-панорама. - 1996. - 21 сент. - С.2.

- Коломейцева Т. Через слово: [О литературном творчестве художника А.Шевченко] //Димитровград-панорама. - 1995. - 1 авг. - С.6.
- Косолапова О. «Весенние голоса»: [О музыкальном смотре-конкурсе «Весенние голоса» на ДААЗе. В том числе о стихах А.Беловой и Л.Степановой] // Автостроитель. - 1981. - 1 мая. - С.4.
- Крайнева В. А годы летят...: [О заседании клуба любителей поэзии «Эхо». Упоминается о том, что почтили память Н.Решенковой, В.Поляковой (Виктория Лагута), Г.Зимнякова.] //Димитровград-диалог. - 1995. - 1 февр. - С.4.
- Крайнева В. Клуб любителей поэзии «Эхо»: [Об очередном заседании, посвященном Крыму. В том числе о В.Поляковой и ее стихах] //Димитровград-диалог. - 1993. - 18 июня. - С.4.
- Крайнева В. «Поверьте искренности чувств...»: Клубу любителей поэзии «Эхо» - 20 лет. [В том числе о творчестве наших авторов] //Димитровград-диалог. - 1994. - 16 февр. - С.2.
- Крайнева В. «Россия - счастье... Россия - свет...»: [О заседании клуба любителей поэзии «Эхо», посвященном Г.Иванову] //Димитровград-панорама. - 1995. - 28 нояб. - С.6.
- Красильников Н. «Маршальский жезл»: [О сборнике стихов В.Гордеева] // Правда Востока. - 1980. - 6 авг. - С.4.
- Красильников Н. На подступах к поэтическим высотам: [О сборнике стихов В.Гордеева «Маршальский жезл»] //Ташаузская правда (Ташауз, Туркменистан). - 1980. - 29 июля. - С.4.
- Кривин Ф. Я еду в Самарканд: [О фестивале советской многонациональной литературы в Узбекистане. В том числе о встрече с В.Гордеевым, с.8] /Фото // Лит. обозрение. - 1983. - № 2. - С.3-14.
- Ларин Е. Лицом к лицу: Докум. повесть /Фото; Предисл. в пробном номере, с. 10 //Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.10-37; Октябрь. - С.72-94.
- Марков Н. В наших краях: [А.Неверов в Мелекесе] //Знамя коммунизма. - 1966. - 23 дек. - С.4.
- Маштаков Ю. Встречи с Артемом Веселым //Знамя коммунизма. - 1979. - 12 мая. - С.2. - 15 мая. - С.2. - 17 мая. - С.4.
- Мельникова С. Александр Исаевич Солженицын - наш современник: [О встрече с писателем в сентябре 1995 года в Самаре] /Портр. //Димитровград-панорама. - 1996. - 18 апр. - С.1.
- Надыктов А. Здоровое дыхание жизни: Заметки о современной латиноамериканской прозе //Димитровград-панорама. - 1995. - 16 мая. - С.5.
- Надыктов А. Его творчество было любимо народом: Василий Шукшин: писатель, актер, режиссер. К 65-летию писателя /Фото //Димитровград-панорама. - 1994. - 26 июля. - С.7.
- Надыктов А. Мерцающая звезда: [Памяти Николая Рубцова] /Портр. Стихи Н.Рубцова «Зеленые цветы»; Левитану; Тайна; Деревенские ночи //Димитровград-панорама. - 1996. - 4 янв. - С.6.

Надыктов А. Ощущение достоверности: [Проза о Великой Отечественной войне: В.Кондратьев, К.Воробьев] //Димитровград-панорама. - 1994. - 18 окт. - С.7.

Надыктов А. Это удача: [О романах В.Первушина «Гостиница на окраине» и «Вервольф»] //Димитровград-панорама. - 1995. - 8 авг. - С.6.

Надыктов А. Японская звезда: (Заметки о современной японской прозе) // Димитровград-панорама. - 1995. - 24 янв. - С.6.

Насурлаева З. Сопричастие: [О книге М.Кожевникова «Суводь». Отмечена добротная редакция В.Гордеева] //Сов. Каракалпакия. - 1983. - 1 июня. - С.4.

Наумов А. Деловая встреча: [О намечающемся выездном заседании Советов по детской и юношеской, военно-художественной литературе Союза писателей РСФСР «Ленин. Революция. Партия в книгах писателей Поволжья». А также о предстоящем участии в заседании А.Гарипова и А.Никонова] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 10 мая. - С.2.

Новоселова Е. Встреча с молодым автором: [О встрече А.Филимоновой, автором повести «Черный Ангел», а также собственных песен с учениками 10-го класса вечерней школы] /Фото М.Мясникова //Димитровград-диалог. - 1994. - 28 окт. - С.2.

Новоселова Е. «Заблудившийся трамвай» Николая Гумилева: [К 110-летию со дня рождения поэта] /Портр. //Димитровград-панорама. - 1996. - 11 апр. - С.7.

Новоселова Е. Творец Средиземья: К 103-летию со дня рождения Дж.Р.Р.Толкина //Димитровград-панорама. - 1995. - 5 янв. - С.6.

Новоселова Е., Сорри Е. Меч и грифон: (Хроники «Гепарда» в трех эпизодах). [Клуб «Гепард» с точки зрения толкинистов] /Фото В.Зиновьева //Димитровград-панорама. - 1996. - 29 авг. - С.5.

Овалин П., Рогачев Я. Первая чувашская поэтесса: Сто лет со дня рождения А.В.Княгининой (Вася Анисси) //Димитровград-панорама. - 1993. - 7 янв. - С.3.

Первушин В. «Все не так, ребята»: Светлой памяти Владимира Семеновича Высоцкого /Фото //Димитровград-панорама. - 1996. - 25 янв. - С.7.

Пономарева Т. Чтобы наш народ выжила: [О политике творческого объединения «Русский Центр» в республиках. В том числе упоминается письмо В.Гордеева в адрес Центра] //Московский литератор. - 1990. - 14 сент. - С.1.

Рогачев Я. Автор - наш земляк: [О книге В.Гордеева «Маршалльский жезл»] //Ульян. правда. - 1982. - 17 авг. - С.4.

Рогачев Я. Артем Веселый в Мелекесе /Рис. А.Васина //Ульян. комсомолец. - 1986. - 3 мая. - С.9.

Рогачев Я. В окрестностях Кондурни: [О книгах чувашского писателя Валентина Григорьевича Бурнаевского, в том числе о сборнике повестей и рассказов «Крылатый эскадрон» (Чебоксары)] //Знамя коммунизма. - 1979. - 4 сент. - С.3.

Рогачев Я. В память о чувашской поэтессе: [О Вассе Анисси и открытии в Димитровграде мемориальной доски, посвященной поэтессе] /Фото М.Мясникова //Знамя коммунизма. - 1982. - 15 мая. - С.2.

- Рогачев Я. Две книжки В.Гордеева: [О поэтических книгах В.Гордеева «Маршальский жезл» и «Доверие»] //Знамя коммунизма. - 1982. - 31 июля. - С.3.
- Рогачев Я. Делал и утверждал революцию кровью: К 80-летию со дня рождения Артема Веселого /Фото //Знамя коммунизма. - 1979. - 29 сент. - С.2.
- Рогачев Я. Мир, открытый настежь: [О стихах Александры Беловой] //Знамя коммунизма. - 1984. - 25 авг. - С.4.
- Рогачев Я. Завстное слово: О первом сборнике стихов В.Гордеева [«Маршальский жезл»] //Знамя труда. - 1981. - 18 июля. - С.4.
- Рогачев Я. Первая ласточка чувашской поэзии: [О Вассе Анисси] //Ульян. комсомолец. - 1987. - 23 мая. - С.10.
- Рогачев Я. Поэт Волги Николай Благов: [Лауреат Государственной премии РСФСР 1983 года] /Фото //Знамя коммунизма. - 1984. - 3 янв. - С.3.
- Рогачев Я. Слово о дружбе и братстве: [О новой книге В.Гордеева «Родство» (Нукус, 1985)] //Знамя труда. - 1985. - 1 окт. - С.4.
- Рогачев Я. Солдатские будни: Рецензия [на книгу стихов В.Гордеева «Маршальский жезл»] //Ленинская правда (г.Похвистнево, Куйбышевской обл.). - 1981. - 16 июля. - С.3.
- Рогачев Я. Стихи о солдатских буднях: [О сборнике стихов В.Гордеева «Маршальский жезл»] //Автостроитель (ДААЗ). - 1981. - 11 сент. - С.4.
- Рогачев Я. «Строка - надежный мой работник...»: [О принятии Е.Ларина в члены Союза писателей СССР] //Знамя коммунизма. - 1984. - 16 июня. - С.3.
- Рогачев Я. Счастье, озаренное радугой: [О новой книге Н.Яценко «Озаренные радугой» (Ульяновск, 1993)] //Димитровград-панорама. - 1993. - 9 сент. - С.3.
- Рогачев Я. «Упорно работать над песнями...»: История одного автографа [поэта Евгения Долматовского] и снимка /Фото //Димитровград-панорама. - 1993. - 8 апр. - С.2.
- Рогачев Я. «Чтоб ощущение было полета!...»: Две книжки поэта-земляка Валерия Гордеева //Звезда (Н.Малыкла). - 1982. - 18 нояб. - С.2.
- Рыбак С. Верить Александру Фадееву: [К 85-летию писателя. Рыбак - критик, литературовед, публицист, живет (в 1986 г.) в совхозе имени Н.К.Крупской, Мелекесского района] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 20 дек. - С.5.
- «Серебряный век по душе...»: [Интервью с поэтом А.Гротусом] /Беседовал С.Слюняев //Димитровград-панорама. - 1994. - 13 авг. - С.6.
- [Слюняев С.] В добрый путь, Лена!: [О поступлении в Литературный институт имени М.Горького Елены Новоселовой] /Фото В.Зиновьева //Димитровград-панорама. - 1996. - 13 авг. - С.2.
- Слюняев С. «Еще напишешь лучшие стихи...»: [О юбилее А.Беловой] //Димитровград-панорама. - 1994. - 28 июля. - С.2.
- Слюняев С. Знакомьтесь! Михаил Петров: [О тольяттинском писателе, авторе детективных и фантастических произведений] /Фото //Димитровград-панорама. - 1996. - 17 авг. - С.1.
- Слюняев С. Начало есть: [О начале занятий в клубе толкинистов] //Димитровград-панорама. - 1995. - 21 фев. - С.6.

- [Слюняев С.] «...Но не хочет сердце отдохнуть»: [Предисл. к подборке стихов женщин-поэтесс] //Димитровград-диалог. - 1993. - 5 марта. - С.4.
- Слюняев С. При отсутствии наличия средств: [О собрании по случаю открытия отделения Союза писателей России в Димитровграде] /Фото В.Зиновьева // Димитровград-панорама. - 1995. - 21 окт. - С.1.
- Слюняев С. Что, где, когда: [Библиогр. ликбез] /Рис. //Димитровград-панорама. - 1996. - 27 июля. - С.5.
- Слюняев С. «Я божий раб, молитвенник за Русь»: [Творческий вечер А.Гротуса в театре-студии «Подium»] /Фото А.Шевченко //Димитровград-панорама. - 1994. - 5 февр. - С.6.
- Соболев А. Литературные места Ульяновска /Фото //Знамя коммунизма. - 1966. - 10 июня. - С.4.
- Соболев А. Новое о романе «Чапаев» //Знамя труда. - 1982. - 9 февр. - С.3.
- Соболев А. Предания и были: [О книге В.Муравьева «Московские литературные предания и были» (М.). В том числе об Артеме Веселом] //Знамя труда. - 1981. - 18 июля. - С.4.
- Соложенкина С. На дрожжах штампа: Расцветает стихотворческая серость. [В том числе о стихотворении «Эхо» из сборника В.Гордеева «Доверие» (Нукус, 1982)] //Комс. правда. - 1982. - 11 авг. - С.4.
- Сорри Е. Детектив и ирония, или В чем разница между Ниро Вульфом и Шерлоком Холмсом: [Книжная лавка] //Димитровград-панорама. - 1996. - 21 сент. - С.7.
- Сорри Е. Ну почему?: [Фантастика на книжных прилавках] /Обл. // Димитровград-панорама. - 1996. - 9 июля. - С.7.
- Сорри Е. О том, что радует: [Книжная лавка] //Димитровград-панорама. - 1996. - 25 апр. - С.7.
- Сорри Е. Порадуемся снова?: [О книгах в книжных магазинах и на лотках старого города] //Димитровград-панорама. - 1996. - 4 июня. - С.5.
- Сорри Е. Праздник одиночества: [Заметки о жизни и творчестве Э.Хемингуэя] /Фото //Димитровград-панорама. - 1996. - 20 июля. - С.6.
- Степанова Л. Клуб жил! Клуб жив! Клуб будет жить?!: [О мини-фестивале самодеятельной песни. О казспэшниках] /Фото и миниатюры С.Лебедевой // Димитровград-панорама. - 1996. - 19 сент. - С.5.
- Степанова Л. Музыка чувств: [О заседании клуба любителей поэзии «Эхо», посвященном А.Апухтину] //Димитровград-панорама. - 1995. - 7 дек. - С.7.
- Точеный О. Великий историограф России: [Об Н.М.Карамзине] /Портр. // Знамя коммунизма. - 1966. - 11 дек. - С.4.
- Точеный О. Музей в Абрамцево: [О музее С.Т.Аксакова] /Фото //Знамя коммунизма. - 1966. - 16 окт. - С.4.
- Точеный О. Новая экспозиция в литературном музее: [О Московском государственном литературном музее, а также о материалах этого музея, связанных с писателями - нашими земляками А.Неверовым и А.Веселым] //Знамя коммунизма. - 1966. - 11 сент. - С.4.

Точеный О. «Творческий росток от корней народа»: 24 декабря - 80 лет со дня рождения А.С.Неверова, нашего земляка /Фото //Знамя коммунизма. - 1966. - 23 дек. - С.4.

Филимонова А., Новоселова Е. ...Ушел, но ты с нами всегда...: [Памяти В.Цоя] /Рис. Е.Новоселовой //Димитровград-диалог. - 1994. - 12 окт. - С.2.

Фонтанщик. Открой фонтан!: [Вступление к первоапрельской полосе] /Рис. Меринова //Димитровград-панорама. - 1996. - 2 апр. - С.7.

Хмарский И. Великий писатель-фантаст: К 100-летию со дня рождения Г.Уэллса /Портр. //Знамя коммунизма. - 1966. - 21 сент. - С.2.

Хмарский И. Писатель-гуманист: Завтра - 100 лет со дня рождения Романа Роллана /Фото //Знамя коммунизма. - 1966. - 28 янв. - С.3,4.

Царев А. Представляем нового автора: [Об А.Беловой] /Фото //Ульян. правда. - 1981. - 7 янв.

Числов М. Ясность цели, богатство решений...: Заметки о поэзии молодых [В том числе о книге В.Гордеева «Маршалский жезл» (Нукус, 1980), с.280-281] /Мол. гвардия. - 1982. - N 4. - С.274-288.

Шамигулов А. А начиналось все в Боровке: Памяти писателя и ученого, филолога, критика татарской классической литературы, нашего земляка - Ибрагима Нуруллина /Фото //Димитровград-панорама. - 1996. - 29 июня. - С.10.

Шамигулов А. Поэт и художник... без рук: [О Гакиле Сагирове] /Фото //Димитровград-панорама. - 1996. - 4 апр. - С.4.

Шамигулов А. Струна, на которой играет...: [О поэтическом творчестве Гакиля Сагирова] //Димитровград-панорама. - 1996. - 30 апр. - С.7.

Шамигулов А. Тукаю признательны. Его поклонникам тоже: [О концерте в «Восходе», посвященном 110-летию Г.Тукая] //Димитровград-панорама. - 1996. - 18 мая. - С.4.

Штукерт Т. О стихах [Александры Беловой] отзывается читатель //Знамя коммунизма. - 1979. - 18 окт. - С.3.

Юсупов И. Гул ва ёвшан киссаси: [О творчестве писателей Каракалпакии. В том числе среди молодых назван В.Гордеев] //Узбекистон маданияти (Культура Узбекистана) (Ташкент). - 1980. - 5 сент. - С.1. - На узб. яз.

Яббарова Ф. Хайдар Салимов - поэт из нашего села: [О мордово-озерском поэте начала века] /Фото Н.Семина //Знамя труда. - 1996. - 9 апр. - С.4.

Яшин Р. «Дороже золота»: [О новой книге стихотворных сказок Е.Ларина] /Димитровград-панорама. - 1993. - 21 янв. - С.3.

Яшин Р. «Жар-слово»: [О кн. избранных произведений Николая Благова «Жар-слово», а также о других его сборниках] //Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.4.

Яшин Р. Обсуждались новые стихи: [Об очередном занятии литобъединения «Черемшан», посвященном 50-летию Первого съезда советских писателей] //Знамя коммунизма. - 1984. - 30 авг. - С.4.

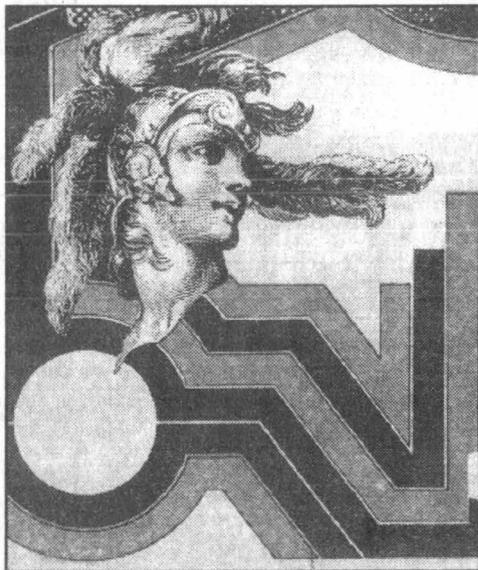
Яшин Р. Первая книжка поэта: [О книге В.Гордеева «Маршалский жезл»] /Звезда. - 1981. - 17 сент. - С.4.

Яшин Р. Юбилей поэтессы: [О праздновании в области юбилея Васси Анисси] //Димитровград-панорама. - 1993. - 28 янв. - С.3.

Памяти А.В.Княгининой: [Некролог] //Знамя коммунизма.- 1975. - 20 дек. - С.4.

Памяти А.Г.Лебедеико: [Некролог]. //Знамя коммунизма. - 1975. - 18 дек. - С.4.

Памяти товарища: [Некролог С.Кузьмина] //Знамя коммунизма. - 1982. - 11 мая. - с.4.

МЫ У ГОСПОДА БОГА ПОБЛАЖКИ НЕ ПРОСИМ

*История русского
офицера из посада
Мелекесс*

И Мы как-то, благодаря умелой большевистской пропаганде, свыклись с «непреложным» фактом того, что к 1920 году трудовой народ России и его родившаяся в боях доблестная и окрепшая идейно Красная армия, победоносно закончили гражданскую войну, наголову разбив антинародные, буржуазные соединения армии Белой, скинув штыками в Крыму и Приморье остатки «белобанд и интервентов» в волны Черного моря и Тихого океана... Мы долго так и пели: «И от тайги до Британских морей - Красная армия всех сильнее!». Хотя в истории-то все складывалось не так однозначно. Да, Белая армия понесла большие потери. Да, она покинула территорию России. Да, с поражением во второй мировой войне Германии борьба российского зарубежья с большевистским режи-

.....
**Валерий
ГОРДЕЕВ**

Из четвертого поколения коренных мелекесцев. Член Союза писателей России. Поэт. Автор многих книг. Его произведения публиковались в Поволжье, Москве, Узбекистане, Туркмении, Казахстане, Татарии, Башкирии, Дагестане...

Закончил Казанский университет. Работал в СМИ Поволжья, Средней Азии. С 1991 года постоянно живет и работает на родине. Редактор журнала «Черемшан». Председатель Димитровградского писательского отделения. Член ревизионной комиссии Ульяновской областной писательской организации.

Многочисленные поездки по Советскому Союзу, общение со многими народами, большая переводческая деятельность позволили В.Гордееву работать над книгами исторического жанра. История «Мы у Господа Бога поблажки не просим» - одно из подтверждений тому.

мом казалась бесперспективной, началась ассимиляция русской эмиграции...

Но. В то же самое время нельзя отрицать организованный отход Белой армии в зарубежье. Сохранение ее управленческих структур и госинститутов на еще почти четверть века. При всех потерях, разгромах, репрессиях и «уничтожении», войска русских патриотов вывели из России в полном составе корпуса генералов Кутепова и Краснова, сотни атаманов Семенова, Анненкова, Мамонтова, полки дроздовцев, капеллецев, корниловцев, слащевцев, марковцев... Только из Крыма кильватерным строем ушло 126 боевых кораблей Черноморского флота, перевезших 133 тысячи русских солдат. Разместившиеся в Болгарии, Турции, Сербии, Иране войска Юга России насчитывали после «разгрома»: Донской корпус - 30 тысяч штыков, Кубанский - 10, Добровольческий - 20. Бригада генерала Фрицхегаурова - 3 тысячи человек, дивизия генерала Калининна - 5 тысяч, бригада генерала Гусельщикова - 3 тысячи, войска атамана Богаевского - 2 тысячи... Причем, во главе штаба армии Юга России, кроме уже упомянутых, все еще стояли опытные военачальники: Врангель, Туркул, Науменко, Барбович, Покровский, Климович, Глобачев, Рязанов, Тарасевич, Кашкин, Тизенгаузен, Шоколашвили, Деникин, Булак-Балахович, Манштейн, Крайнов...

Причем, вместе с войсками ушли семьи многих воинов, члены правительства, деловые люди, интеллигенция. Там же, за рубежом, находились императрица Мария Федоровна, Великие князья Николай Николаевич, Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович, Николай Константинович. Представители аристократических фамилий России, таких, как Долгорукие. Кроме всего прочего, за Уралом на территорию Маньчжурии и Японии ушли войска генерала Каппеля, атамана Семенова, генерала Улагая, экипажи с кораблей Тихоокеанского флота, Амурской флотилии. В той же стороне находился митрополит Антоний с паствой. Новую российскую экономику разворачивали вдали от родины магнаты Рябушинские, Третьяковы, Лианозов, Нобиль, Манташов, Чермоев...

На Балтийском направлении из России ушли сторонники генерала Миллера, комдива Яковлева, старших офицеров Генштаба Коверды и Свежевского. На Среднеазиатском театре военных действий отступили в Китай, Иран, Афганистан казаки части генерала Толстого, полковника Зайцева, атамана Анненкова. И там было немало известных имен: граф Дюрер, Федор Керенский, Зимин, Арифов... Кроме того, большая группа русских офицеров и солдат, воевавших в частях русских экспедиционных корпусов французской армии, пожелала служить и далее в Иностранном легионе и была передислоцирована в Африку. Все это подкреплялось не только финансами стран Антанты или пожертвованиями русских меценатов. За рубеж было вывезено многое из золотого запаса Российской империи. Только в казне Врангеля находилось около 2000 ящиков с драгоценностями, серебром. На эти деньги строились военные городки, платилось жалованье, содержались школы, институты, кадетские корпуса и юнкерские училища. А в Болгарии, например, русские войска были приняты на королевскую службу и составили боеспособное ядро Пограничной стражи...

Гражданская война, как топографической сеткой накрыла территорию бывшего Советского Союза, поделив ее на регионы боевых действий различных армий под командованием различных главковерхов. Наша местность - Поволжье - стало своеобразным «пограничьем» гражданской войны. Города и села, целые губернии переходили из рук в руки, от одной власти к другой. В большинстве эти территории входили в зону боевых действий Сибирской Директории Верховного правителя А.В.Колчака (его еще называли «русский Вашингтон») и армии большевистского правительства РСФСР. Здесь же пролегли интересы и военные

маршруты казачьих частей атамана Дутова, мятежного чехословацкого корпуса военнопленных 1-й мировой войны, формирований Комитета Учредительного собрания, уральских пролетарских партизанских отрядов, авантюриста-«главоверха» Муравьева, крестьянской армии «чапанов» Долинина...

Хорошо о такой вот ситуации, когда за сутки поселок мог трижды переходить от одной враждующей стороны ко второй и третьей, а люди, жившие здесь, пред- ставить даже не могли за чьи интересы и идеи им, возможно, придется умереть, - написал поэт Виктор Кочетков:

Нас именем России
В атаки поднимали,
Но если б нас спросили:
Что прочнее мы знали?
Две-три ее деревни,
Да городок поглуше,
Да сказку о царевне...

II

В таком вот местечке, как «городок поглуше» в Мелекесской волости, в одноименном посаде и родился Николай Богутинский. В семье всегда был достаток. Отец владел несколькими магазинами, небольшим, но прибыльным пивоваренным заводиком, на котором производили также «зельтерскую воду» с фруктовыми наполнителями и шипуче-газированную, очень любимую второй посада. В дела отца Николай не вникал. Мальчишкой рос боевым, смекалистым и, после окончания курса местной гимназии, был отправлен отцом на учебу в Александровское юнкерское училище. Выйдя из училища в 1914-м в чине подпоручика Богутинский был направлен в один из лучших московских полков - Симбирский егерский. Вместе с полуротой охотников (разведка) в подчинение Николай получил и новый символ воинского отличия полка: нагрудный знак с двуглавым орлом, короной наверху и буквами «А» и «Н» - инициалами учредителя полка и правящего императора. Богутинский хорошо знал историю своего полка, ведь незадолго до его появления здесь праздновалось 100-летие формирования их боевой единицы. Не только рукописные и фотоальбомы в сафьяновых переплетках хранили эту историю в шкафах помещения офицерского собрания, была еще и книга подполковника А. Александрова, бывшего командира полка «История 24-го пехотного Симбирского полка», изданная в Кременчуге (бывшее место дислокации) в 1911 году. В ней, в частности, отмечалось, что по повелению Александра I полк был сформирован в составе 27-й пехотной дивизии из разных частей в предвидении близкой войны с Францией. Участвовал в кампаниях 1812-15 годов. Проявил себя в подавлении мятежа в Польше (1831г.) и восстания в Венгрии (1849г.). Был в боях с турками (1828-1829 и 1853-56 гг.). С 1833 года именуется Симбирским...

Все это очень лестно молодому офицеру. И, когда грянула война с германцами, Богутинский с особым воодушевлением воспринял известие об отправке на фронт. Домой, в посад, на улицу Большую, полетело письмо, полное патристического пафоса... Боевые действия для подпоручика складывались удачно. Через год - поручик, на груди которого сиял орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Он возглавлял полковую разведку, был легко ранен в одной из вылазок с охотниками по германским тылам. Лечился в дивизионном лазарете, скоро вновь встал в строй. К 1916-му уже в чине штабс-капитана вновь был ранен

в бедро. Заживление шло плохо (осколок попался от шимозной гранаты). Был переведен в московский госпиталь им. архангела Гавриила, по выписке из которого получил краткосрочный отпуск и был переведен во «второй эшелон» - на должность адъютанта старшего командира Запасного Симбирского полка, размещавшегося рядом с родным посадом.

В Мелекесе местные барышни-мещаночки были в восторге от боевого галантного кавалера «Николя», в ладно подогнанной форме, с двумя орденами (второй был - Святого Георгия 4-й степени, весьма высоко ценимый фронтовиками, отмечавший настоящий ратный подвиг командиров), курившего душистые папиросы, загадочно улыбавшегося в усы, слегка припадавшего на левую ногу (что, однако, не мешало ему вальсировать на праздничных вечерах в народном доме). Скорые и страстные победы над посадскими барышнями-гимназистками не ранили сердце фронтовика так глубоко, чтобы это можно было назвать любовью, потому отбывал он к местуновой службы с легким чувством сожаления.

В девичьих «салонах» Мелекеса долго еще перешептывались потенциальные, но оставленные невесты, со вздохом вспоминая блестящего офицера, умевшего, впрочем, и лихо исполнять модные романсы, терзая крепкой рукой гитарные струны, а взглядом - души девиц, заставляя терзаться в сомнениях их мамаш. И только здесь, в старинном дворянском Симбирске Николай впервые горячо полюбил - Лизоньку Семенову - дочку инженера-путейца Ивана Петровича Семенова. Год назад Лиза окончила второклассную Араповскую учительскую школу, получив свидетельство с отличием и звание учительницы школы грамоты. Теперь она сама преподавала в родной школе «начальные практические сведения по гигиене» под руководством заведующего - священника Леонида Арапинского - и по привычке любила прибегать на вечеринки к своей бывшей классной даме, а теперь подруге - учительнице чистописания Маше Кольевой. Там и состоялась ее встреча с Николаем, пришедшим «на огонек» к сестре своего сослуживца - артиллерийского поручика Кольева...

Но военное время - не самое располагающее к чувственности и любви. Вскоре запасной Симбирский был послан в летние лагеря под Оренбург, где в учении ему надлежало отработать взаимодействие войск и боевое управление ими. Было понятно, что 24-й Симбирский основательно потрепан в боях на фронте, ему срочно требовалось пополнение из резерва, сбором которого и обучением занимался сейчас на родине и Николай.

Еще в сентябре степное кыргизское солнце безжалостно к солдату. Полевая форма выбелена его лучами и солеными потами. От частой стрельбы вскипают пулеметные кожуха, до бела же раскаляются стволы. А на маршах падают в обморок не только тощие юнцы, но и заскорузлые от крестьянской работы дядьки, ставшие солдатами собранного по Волге резерва русской армии... Но зато в прохладе вечерней, возвращаясь к палаточному городку и чуждым походных кухонь, предвкушая вареное и отдых, как ладно да прочувственно пели симбирцы лучшие песни русских воинов! Вот над степными землями оренбургского казачьего войска сотня пластунов вытягивает:

«Мы смело в бой пойдем
За Русь святую
И как один прольем
Кровь молодую!
... Слышали деды,
Война началась...»

А их перебивает задорная боевая дроздовцев, которую так любит бывший дроздoveц командир батальона Матвеев:

«Из Румынии далекой
Шел Дроздовский славный полк...»

Это еще через три года большевистские композиторы-плагиаторы и безграмотные поэты, используя и эксплуатируя славные традиции Русской Армии, переиначат эти песни:

«Мы смело в бой пойдем
За власть Советов...»

или
«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...»

А тогда, осенью 16-го, у песен, как и у России, были еще свои хозяева, свой, особый, патриотизм, родина, особый национальный дух.

III

Историю можно изгадить, изнасиловать, приспособить к собственным устремлениям. Но переписать заново свершившееся - ни да! Особенно, если не истребить в архивах записки и высказывания деятелей данной эпохи. Вот примеры. Уж сколько было писано-переписано уже и в наше время о том, что В. Ленин действовал в интересах врагов России - Германии и Австро-Венгрии... И все об этом - только с отрицанием данности исторической, даже факты находились отвещающие обвинения. Но - черного кобеля... Слово самому Ленину-Ульяну:

«Меня часто обвиняют в том, что я нашу революцию произвел на немецкие деньги; я этого не оспариваю, но зато на русские деньги я сделаю такую же революцию в Германии...».

В. Ленин. Из выступления председателя СНК на заседании ВЦИК, октябрь 1918г.»

Интересно и высказывание начальника кайзеровского генерального штаба Германии генерала Людендорфа:

«Наше правительство, пославшее Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывается с военной точки зрения - нужно было, чтоб Россия пала...».

Подумайте сами: ну как к подобному могли относиться настоящие патриоты России? Честные воины - генералы, офицеры, солдаты, окропившие пол-Европы своей кровью, бьющиеся с германским врагом у границ родной земли? Естественно, только как к предательству. Подлому удару в спину истекающей кровью армии. С предателями разговор мог быть только один...

Совершенно естественно, что в нетерпении к предателям и наймитам создавалось, росло и вооружалось истинно русское патриотическое сопротивление. К 1919 году только во фронтовых войсках Белой армии было 300 тысяч человек. Более 100 тысяч человек насчитывали казачьи формирования, вставшие на защиту своих земель в Оренбуржье, на Дону, Тереке, Кубани, в Астрахани, по Уралу, Зауралью, на Амуре и Уссури. Около 8 миллионов насчитывали отряды крестьянских повстанцев по всей России (Поволжье, Ярославщина, Тамбовщина, Архангелогородчина, Сибирь, Башкирия, Зауралье). Каково же было всем этим радетелям родной земли русской услышать, например, из уст прибывшего в Россию из США Лейбы Троцкого:

«Мы опрокинули власть Керенского, мы повалили ее навзничь и, наступив ногой на грудь, крикнули всероссийскому рабочему и крестьянину: придите и возьмите ту власть, которая единственно принадлежит народу... Ныне власть вам, русским, дается не от бога, а от нас - избранного племени. Радуйтесь: пришло вам, православным христианам, истинное спасение!»

Из выступления на съезде Советов в октябре 1917г.

Какое лицемерие! Ведь, обещав из Смольного всем российским неимущим гражданам свобод, мира, хлеба, земли, дворцов, - будущий наркомвоенмор уже к марту 1919 года в принудительном порядке, террором, выставил на фронт 800-тысячную «пролетарскую» армию и 250 тысяч в интернациональных полках (хорваты, евреи, китайцы, венгры, немцы, поляки, турки, персы и даже американские негры)... Сам же Лейба Давидович в то время разрабатывал теорию казарменного коммунизма, собираясь согнать в управляемые лагеря и армейские части и весь остальной народ, т.н. трудармию для строительства светлого будущего. Что, кстати, и было проделано с успехом в последствии И.Сталиным.

Обещая на словах благоденствие, большевики на деле ввели настоящий геноцид против народов России. Уже до 1919 года под видом конфискации было разграблено или сожжено 111 тысяч дворянских имений и усадеб. В одночасье сгинуло 8 млн. гектаров прекрасных сельхозугодий, недобор только сельхозпродукции составлял 2 млрд. рублей. В городах разорялись и уродовались особняки прекрасной архитектуры, дворцы, фабрики и заводы, магазины. Соответствующее отношение было и к народу. По залпу-сигналу с «Авроры» дикая орда кинулась на штурм Зимнего дворца, который защищали мальчишки-юнкера и «ударники» из женского батальона. Первых кололи штыками, а женщин перед расстрелом насиловали поротно...

К 1922 году в России было 2 млн. беспризорных детей. Причем, как писал журнал «Крестьянская Россия», девочки до 16 лет, прошедшие через спецраспределители Ф.Дзержинского и направленные в колонии и приюты, на 86% оказались обесщеченными. Во многих городах (в том числе и в нашем посаде в октябре 18-го) были образованы комиссариаты свободной любви, где краскомам перед отправкой на фронт выдавались мандаты на право социализации женщин. Слава богу, что в Мелекесе в то время оказался редактором газеты Артем Веселый, человек честный и совестливый. Он выступил против подобных методов работы посадской ЧК. А став председателем укома партии и членом президиума уездной ЧК, добился «чистки» в этой организации: меньше повезло социализированным женщинам в Екатеринодаре, где после освобождения города матросы и красные конники Кобзырева превратили гостиницу «Бристоль» в бордель. Женщин отлавливали по всему городу... То же было в Одессе, в станции Курганской, в Самаре... После насилия женщин душили, стреляли, топили.

Кто же были эти несчастные «освобожденные от предрассудков царской России»? Учительницы, гимназистки, жены офицеров, дочери купцов и промышленников, сестры милосердия, казачки, крестьянки, мещанки: Могло ли быть спокойным, не наполненным гневом мести сердце русского патриота?

Содержание подневольных войск, управленческого аппарата, комиссаров из интернационалистов дорого обходилось власти. Потому начался передел собственности, накопленной веками русским народом. У 673 монастырей большевики изъяли 828 тыс. десятин земли, 4,3 млрд. рублей, отняли 704 гостиницы и приюта, 277 больниц. 1200 монастырей было разграблено дотла, взорвано.

Из 70 тысяч церквей изъято ценностей на 7 млрд. рублей. А пример тому подавал сам Ленин. Перед октябрём 17-го его партия получила 20 млн. долларов кредита от финансовых групп США Куна, Лейба, Шиффа и Варбурга. Долги Ильич платил исправно (не свое же добро!) - к 1929 году ленинцы вернули финансовым группам 600 млн. золотых рублей, а по бартеру за океан отправлялись сырьё, меха, золото, серебро, бриллианты, произведения искусства, изъятые у русских людей. Только банк Шиффа получил из России золота на 102 млн. долларов!

Потому русский генерал лавр Корнилов говорил своим соратникам ещё в 1917-м:

«Пора с этим кончать. Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а совет рабочих и солдатских депутатов разогнать так, чтобы он никогда и нигде не собрался... Конный корпус я передвигаю, главным образом, для того, чтобы к концу августа подтянуть к Петрограду, и, если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями Родины, как следует...».

Блестящий военачальник, имевший академическое образование, бывший разведчик, военный атташе, владевший даже китайским языком, - был родом из простой сибирской казачьей семьи (как и Деникин - из крестьян, Алексеев - из семьи штабс-капитана, Кутепов - из семьи лесничего). Генерал бесхитростно и прямо врёл правду-матку, чутьем осознавая, что Россия идет к гибели... А вот интеллигент, великий мастер слова, мыслитель и писатель Иван Бунин писал образнее, оценивая Ленина и его деяния:

«...Выродок, нравственный идиот от рождения... Он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек - и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорит, благодетель он человечества или нет?»

IV

Рождество Николай Богутинский встречал дома. Отец показался ему более обычного озабоченным. Дела заводские шли неважно, рабочие часто стали предъявлять необоснованные экономические требования. И на все увещевания, что, мол, во время войны надо бы патриотизмом озаботиться и им, отвечали - «нехай императоры свои обиды сами на кулачках выясняют, а кровушку людскую зря не льют. Нам с немцами и австрияками простыми делить неча, надо замиряться...».

В посаде появилась самостоятельная группа смутьянов из большевиков, человек сорок, не более, но очень ярко пропагандировавших народ против хозяев. Попали они и в совдеп, завелись в гимназии... Уж как только и чем не увещевали посадские радители переплетчика Николая Абзова, чтоб унял своих сынов. Даже припугнули донести, что Женька их дезертировал из войск и скрывается возле поместья Тресвятских в семье сестры-кухарки, но все было напрасно. Брожение умов всколыхнуло посадский люд. Многие крепкие хозяева стали переводить свои капиталы в бельгийские, швейцарские и английские банки, хотя, в связи с войной, делать это было все сложнее...

Вот отец и хотел было посоветоваться с Николаем - не следует ли семье выехать куда-то, продав дело в Мелекессе. Но младший Богутинский нимало не озадачен был делами отца, он стремился побыстрее выехать в Симбирск, в полк, понимая, что скоро отправка на фронт. Более всего же он боялся, что не успеет

власть пообщаться с Лизой, о которой в семье объявил, как о своей невесте.

Короткие, захлебывающиеся в любви друг к другу людей, тревожные, передовые встречи Богутинского с Семеновой оставляли чувство неудовлетворенности. Лиза пошла на курсы сестер милосердия, дежурила в госпитале, очень хотела попасть во фронтовую медбригаду, чтобы быть на войне подле любимого. Николай, хлебнувший и фронта и госпитального «счастья» в полевых условиях, не мог согласиться с невестой. А время шло. Морозной вьюжной ночью Запасной полк подняли по тревоге, вывели в Киндяковку на погрузку в эшелоны.

С марта по май 1917-го симбиряне были влиты в боевые порядки стоявшего в обороне 24-го полка, шло переформирование рот, «сшивки» личного состава, освоение окопной жизни, изучение предполья. Здесь, в Малороссии, в составе 8-й армии Юго-Западного фронта Николай встретил многих однокашников по училищу, сослуживцев по 16-му году. Встречи эти плавно переходили в офицерские попойки ввечеру, горячие споры о положении в армии. Многие были недовольны либеральным командованием войсками главноверха Брусилова. Ни его возраст, ни осторожность в принятии решений, ни бесконечные уговоры войсковых комитетов, ни дискуссии вместо приказов - не могли импонировать профессиональным военным, привыкшим к непрерываемому единоначалию, боевым операциям. «По армии расплзается гангрена демократии!» - уверяли друзья Богутинского. Да и сам штабс-капитан, по ранению более не допущенный к разведке и служивший заместителем начальника штаба полка, видел эту заразу, деморализующую в первую очередь штабы.

В мае, сломав австрийские укрепления плотным артогнем, войска 8-й армии перешли в наступление. И, несмотря на то, что главноверх Брусилос всячески «укорачивал» пыл генерала Лавра Корнилова, ссылаясь на то, что соседние правоблажные дивизии не только не двинулись вперед, но и выказали желание по решению армейских комитетов отойти в тыл на отдых, - командарм безоглядно вел своих воинов вперед. Вскоре австрийцев сменили германские части, наступление увязло во встречных боях, на правом фланге противник совершил прорыв, угрожая армии Корнилова окружением. Пришлось вновь строить оборону...

В июле Богутинский вместе со всеми боевыми офицерами обсуждал и поддерживал решение военного министра и председателя правительства. А Керенского о смещении Брусилова с поста главноверха и назначении на этот пост Л. Корнилова. А уже через неделю Николай вновь был ранен, правда, легко, когда штаб попал под обстрел германских аэропланов. Осколок рубанул по левой руке, которой штабс-капитан придерживал фуражку на бегу, торопясь укрыться в траншее на окраине села. Зазубренная железка сорвала кожу с мясом от локтя до кисти руки, но в голову не попала...

Забитованная рука, легкая хромота офицера, видимо, стали причиной того, что Николая и еще пятерых его сослуживцев, подлечившихся в лазарете, отправили в штаб армии для получения особого поручения. Таких, легко увеченных, в штабе набралось около полусотни. Их провели в зальцу местечкового коммерческого училища, где фронтовики с восторгом приветствовали самого генерала Корнилова. Главноверх был краток. Обрисовав общую ситуацию в стране и на фронте, он перешел к постановке задачи отобранным офицерам: «Массы простого люда недовольны сегодняшним положением в стране. Просят защиты. Порядка. Анархия, дезорганизация измучили всех, кроме небольшой группы негодяев. Люди говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, уве-

ренности в завтрашнем дне. Правительство и сам Керенский именуют себя временными. У нас нет такого времени. Расточительно вести бесконечные либеральные переговоры и митинги в то время, как враг на фронте и в тылу ведет наступление на нашу Родину. Россия у нас одна - другой нет и не будет. Я убежден, только армия, только ее боевые офицеры еще в состоянии выправить положение.

Все вы, господа, по моему приказу направляетесь к местам своего проживания с полномочиями формирования в российских тылах боевых частей из добровольцев-патриотов. Спасать Родину нашу придется повсеместно, ибо болтуны-либералы, просто пораженцы и предатели русских интересов, проникли во все края наши и губернии. Оттого все вы считаете будете исполняющими боевое задание на фронтах, хотя бы и внутренних. Будьте деятельны и непрклонны в действиях сих. Кто со мною не согласен, либо задание считает противным его внутреннему убеждению, - принуждаться к нему не будет, возвратиться в свою часть должен без последствий каких-либо. Все детали, соответствующие полномочия и проездные документы получите в штабе армии.

С богом, господа офицеры! Во имя народа нашего и державы российской!»

Две недели добирался Николай до Мелекесса. С Лизой в Симбирске повидаться не удалось, она работала уже в Самаре при госпитальном хозяйстве. Дома семья была в «чемоданном настроении». Отец закрыл завод, сдал магазины в аренду купцу Кичигину. Капиталы перевел в лондонский Сити-банк. Выезжать собирались на Восток, где пока, по слухам, было спокойнее. В Хабаре у Богутинских были склады, приютить на время мог и компаньон отца, дальний родственник - Игнатьев. У него был свой особняк в городе, дача на Амуре, две фактории в тайге, заимки охотничьей артели. Ждали, что скажет сын-фронтвик. В семье считали, что Николай свое от войны получил сполна. Долг война выполнил. Чести мундира не измарал. Раны и награды за храбрость давали ему возможность «выйти в гражданские чины»... Сам же штабс-капитан так не думал. Во-первых, у него был четкий приказ главковерха и настоящая армейская работа в губернии. Во-вторых, он не мог уехать без Лизы или хотя бы не повидавшись с ней. А в-третьих, как честный человек, не мог Николай смириться с той анархией, которую учинили политики-демократы над его армией, его страной. Не мог простить им позора отступления перед уже поверженным германцем, митингового хаоса, разграбления казны государственной и изъятия капиталов частных...

В посаде работала мощная организация «Союз офицеров-фронтвиков». Со знакомства с ее членами Богутинский и начал дело. На зданиях появились воззвания ко всем добровольцам, офицерам, младшим и низшим чинам русской армии с требованием пройти регистрацию в Союзе. Было взято на учет личное оружие фронтвиков. Выставлены караулы к чугунопитейному заводу, где до сей поры производили гранаты и бомбы... В этом посланникам генерала от инфантерии Корнилова деятельно помогали бывшие члены низложенной городской управы Александр Степанович Нечаев и Иосиф Алексеевич Вишневский. В самом же здании управы на Большой улице неподалеку от Симбирско-Уфимского тракта, уже заседал т.н. Комитет народной власти, представлявший временное правительство, но члены его, за малым исключением, представляли эсдеков, эсеров, меньшевиков и даже большевистскую организацию посада. Именно с этой «временной», как считали офицеры, властью им приходилось вступать в конфликты в первую очередь. Комитет не запрещал акции Союза, но и не препятствовал жесткому противостоянию большевиков и офицерской организации. Более того, после большого молебна, красочно и широко произведенного офицерами и священни-

ками у посадских храмов, на митинг, куда сошлось много земляков послушать корниловцев, явились члены большевистского комитета, затеяли свою агитацию, свару. Особо драчливого - рабочего Юсова, фронтовики отвалтузили и скрутили, бросив в погребок у дома Богутинских, чтоб «охолонул». Но через

два часа появились его сотоварищи,

привели представителей посадской милиции, освободили Юсова. Николай вызвали в Комитет на-

родной власти, где предупредили об ответственности за

самоуправство, Женька Аблов же уверил, что в ответ на действия фронтовиков-контриков они поднимут весь рабочий люд с фабрик и заводов. Скрипя зубами, Богутинский был принужден заверить большевичков в своей лояльности знакам новой власти, дабы преждевременно не довести дело до кровопролития.

Вечерами, перебирая гитарные струны за дружеским и таким милым, привычным, довоенным, вроде бы, застольем, Николай пел о том, что терзало его душу, давило на сознание:

На Руси родиться - распроститься
С радостью и дедовским крестом.

На Руси родиться, как явиться
Атаманом или же Христом.

Если снова ангелы и черти
Нагло оседлали бунтаря,
На Руси недалеко до смерти,
До расстрелов проще говоря.

На Русимятеж не больше лета,
Он к зиме кончается тоской.

На Руси благодарят поэта
Гробовою черною доской.

На Руси никто не отвечает
За себя, и целые века

На Руси нерусских привлекает
Русская державная рука..

Сколько сгасло по тропинкам узким,
Сколько слез умыкала верста;

Потому и быть на свете русским -
Выше атамана и Христа.

V

А обстановка тем временем продолжала накаляться. 28 августа Лавр Георгиевич Корнилов открыто выступил против Временного правительства и большевистских советов Петрограда. Все русские газеты опубликовали его воззвание:

«Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри... Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни».

И, словно бы подтверждая, что ему «лично ничего не надо», преданный и окружением Керенского, и переметнувшимися на сторону Временного правительства генералами и депутатами Госдумы, перед опасностью боев на территории Петрограда и Москвы с красногвардейскими отрядами, - Корнилов сдался в руки правосудия и был заключен в тюрьму города Быхова. А если учитывать, что с ним были арестованы: начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал А.С.Лукомский, генерал-квартирмейстер И.П.Романовский, пом. Министра путей сообщения генерал В.Н.Кисляков, зав. типографией штаба Главкома капитан А.П.Брагин, штаб-офицер управления Главкома подполковник В.М.Пронин, полковые командиры Г.М.Араkelов, И.Г.Соотс, И.И.Гринцевич, И.А.Родионов, С.Н.Ряснянский, В.В.Роженко, Н.Х.Андерсен, С.Ф.Никитин, А.В.Иванов, члены штаба Юго-Западного фронта: генералы А.И.Деникин, С.Л.Марков, М.И.Орлов, Е.Ф.Эльсенер, офицеры В.В.Клецанда и Б.А.Будилович, - то одним махом была обезглавлена вся фронтовая верхушка армии. Чем не замедлили воспользоваться германцы, начав масштабное наступление...

Казалось, всего-то несколько дней назад Петроград восторженно встречал Корнилова. К перрону Александровского вокзала подошел поезд Главкомандующего. На перроне с распущенными знаменами стояли юнкера военных училищ, хор песенников, делегации союза офицеров армии и флота, георгиевские кавалеры и женская команда. «Вся площадь перед вокзалом была заставлена войсками. Выделялась черная форма женского батальона смерти. Едва Корнилов спустил ногу на перрон, хор грянул гимн. Корнилову подали автомобиль, украшенный цветами. Он недовольно поморщился. Его монгольское лицо с опущенными к низу усами нервно передернулось.

- Я не кокотка, - с раздражением сказал он.

Атаман Донского войска Каледин, встречавший его, что-то шепнул Зайончковскому. На автомобиле укрепили Георгиевский флаг. Цветы убрали. Их с восторгом расхватили дамы в светлых платьях, стоявшие плотной шеренгой около вокзала... Впрочем, автомобиль не потребовался. Генералу подвели белого текинского жеребца...». Так вспоминает Арк. Васильев в своей работе «Есть такая партия!»

Непосредственный участник этих событий генерал Михаил Гордеевич Дроздовский, совершивший со своим полком беспримерный по героизму марш через боевые порядки Красной армии по Бессарабии, Южной России на Дон, запишет в своем дневнике:

«В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом - с волками жить...

Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за «буржуизм и контрреволюционность». Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кому чужие души от-

равлял ядом преступления? Мы живем в странные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, и закаляйся воля, ибо этими дикими, разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон: «око за око», а я скажу: «два ока за око, все зубы за зуб». «Поднявший меч...»

И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно - жребий брошен и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги... Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлomu лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист...».

Это, наверное, наша судьба... Из 557 лет, прошедших с времени Куликовской битвы до Брест-Литовска, Россия провела в войнах 334 года. Из них против мусульманско-азиатского мира - 46 войн за 276 лет, со Швецией - 8 войн за 81 год, Польшей - 10 за 64 года и т.д. А вот в войнах внутренних, самых беспощадных, кровавых, братоубийственных мы находимся и по сей день... И здесь нет фронтов, нет флангов, нет границ боевых действий, ибо борьба эта проходит через сердца людские, через ожесточение, смуту душевную...

VI

К августу 1917-го посад Мелекесс был уже довольно зажиточным, чистым, зеленым городком со своеобразной архитектурой. 1670 домов, заслуживающих внимания, было внесено в посадский реестр строений. Среди 16000 жителей было только 67 евреев, еще меньше немцев. Так что о каком-то иноземном или иноверческом влиянии здесь говорить не приходится. Среди тех, кого корниловцы именовали «красной сволочью», а именно в рядах большевистской организации посада и совдепе были русские, чувашки, татары, мордва - в подавляющем большинстве своем коренные жители Причеремшанья. Так что бои «посадского масштаба» шли поистине братоубийственные, социальные, идеологические. Власть из вялых рук комитета народной власти прибирал себе совет рабочих и солдатских депутатов - опора сторонников Ленина-Троцкого. Стычки с союзом офицеров становились все ожесточеннее. Фронтовиков не пускали на митинги. А когда они во главе с Богутинским прорвались на балкон Народного дома, агитируя за создание Добровольческих войсковых частей, вернувшийся из Петрограда Яков Пискалов вступил с ними в резкую матерную полемику. То, что его не выкинули с высоты на мостовую, лишь случайность... Хотя драки с подоспевшими через улицу из здания Совдепа красными дружинниками Шмидта и Баранова, офицерам избежать не удалось. Большой резонанс в посаде получил и случай избияния трех фабричных девочек. Миусова, Каштанова и Гунерлах, обрядившись монашенками, пытались проникнуть на собрание союза офицеров, но были раскрыты. Прямо посреди улицы бабенкам задрапи сутаны и отходили воинскими широкими ремнями по заголенным местам...

Нужно сказать, что работа фронтовиков заключалась не только в агитации населения или мордобое с большевиками. В районе Новой Майны был отстроен военно-полевой учебный центр, где размещалась рота посадских добровольцев, был создан арсенал вооружения. Нужно сказать, что в то время в посаде мешане уже привыкли к тому, что и рабочая дружина, и бойцы-анархисты, и офицеры фронтовики, и уважающие себя купцы и лавочники с челядью, быв-

шие полицейские и новые милиционеры - все были вооружены. И только Господь миловал наш городок от того, что драки идеологических противников не перерастали в вооруженное противостояние. После того, как однажды ночью на возвращавшегося домой Николая напали трое неизвестных, и ему пришлось сделать предупредительные выстрелы из парабеллума, один он уже не ходил. Бывший гимназист, а ныне вольноопределяющийся боец посадской роты Кичигин - стал его бессменным адъютантом и связным.

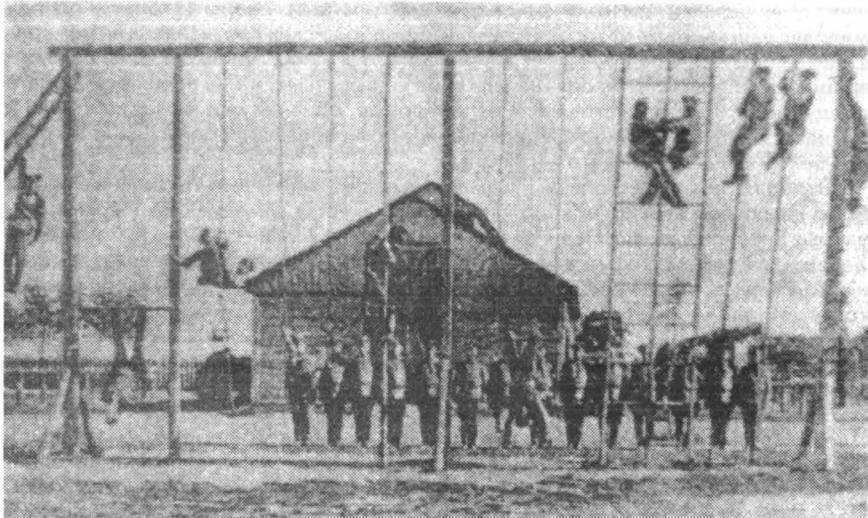
Ветер перемен из столицы и Самары навевал той осенью тревожные вести. Большевики все больше прибирали власть на местах. Вместе с отцовским был закрыт клеевой заводик Нудина, выехал из посада хозяин гостиничных номеров Хайдаров, закрывались магазины Петра Коробова, Николая Климушина, Березина, колбасные, кондитерские, хлебные лавки Лангера и Кичигина. На прилавках товаров стало меньше. Да и какой товар можно было доставить сюда, если колониальный - чай, кофе, сахар, шелк, фрукты - шел из-за границы. А передвигаться по российским дорогам, где орудовали банды дезертиров, становилось опасным для жизни.

Уже обходились местными заготовками: овощами с посадских огородов, мясом, молоком, яйцами - из ближайших сел, скобяными изделиями механических мастерских, хлебом - из закромов Таратина, Марковых, Алеевых... Процветали только марковские погребки, где не выводилось вино, водка, пиво, раки. Погребки эти особенно любили посещать рабочие, среди которых было много сочувствующих большевикам. Офицерам и интеллигентам оставались рестораник Хайдарова на Торговой площади, вечеринки в хлебосольных пока особняках местных меценатов, балы в женской гимназии...

В конце октября Николай вернулся из Самары, где он встречался с Лизой, и сообщил ей, что родители хотят на Рождество провести их помолвку и приглашают из Симбирска Семеновых к себе. Он был полон радостных впечатлений и воспоминаний. Тарантас уже вынес штабс-капитана на Кузнечную, когда Николай услышал отрывистую пальбу из револьверов. Резко повернув коня влево, погнал к Черемшану, где в районе «железки» стоял дом его соратника - прапорщика Кузнецова. Тот был собран по-походному, увязывал вещмешок. Обрадовался Богутинскому, рассказал, что на телеграф пришло сообщение, что в Петрограде большевики совершили вооруженное нападение на Зимний дворец, Временное правительство арестовано. Власть перешла в руки Съезда советов, состоящего из большевиков. В посаде рабочая дружина открыто вышла на улицы, идут аресты офицеров, членов монархических партий, комитета народной власти...

Ночь провели на островке почти в центре города. Там, где между Верхним и Средним прудом протока делилась на два рукава, была меж ними рожица с зарослями. Здесь офицеры и переждали первую «варфоломеевскую» ночь для посада. К утру морозец достал до костей, шинели не согрелись. На рассвете друзья перебрались в район Торговых бань, где их укрыли Кичигины. Отогрелись, переоделись в гражданскую одежду, форму сложили в баулы. Саша, адъютант Богутинского перегнал от Кузнецовых лошадей с тарантасом к своему дому. Сообщил, что был у Богутинских, там вчера следопыцы делали обыск. Искали Николая, оружие, документы союза офицеров, списки. Отец велел Николаю укрыться в Никольском-на-Черемшане, где у Богутинских был добрый знакомый мукомол. Сразу же втроем и отбыли в дорогу...

То, что позднее пришлось пережить и увидеть штабс-капитану, можно оценивать с нравственной точки зрения, только самому ощутив весь разгул анархии не-

Занятия в полевом лагере под Новой Майной. Мелекесское формирование Русской белой армии.

управляемой и грубой толпы пьяных и свирепых мужиков, наделенных новой властью незаконными полномочиями. В Никольском Николай всегда восхищал величественный «Екатерининский дворец» графа Дурасова, возведенный на высоком берегу. Семья Марковых, промышлявшая в этих краях, перекупила у родных графа этот дворец. Бывая в нем, Богутинский неизменно восхищался редким по красоте ландшафтным парком, окружавшим здание. Здесь были не только действующий фонтан и мраморная беседка, на кудрявых клумбах высились копии античных скульптур... Внутри Сологубы (родня Дурасова) устроили два зала, отделанных цветным стеклом, узорчатой лепниной, полами, покрытыми изразцовой плиткой. Был также и фантастический по подбору саженцев зимний сад, в котором порхали экзотические птички. Главное же богатство дворца находилось в его библиотеке. Редкие свитки, творения человеческого разума, взятые в кожаные и медные оклады обложек, книги времен давних... Собрать начал ее еще отец Дурасова, многое привезли из Москвы Сологубы, Григорович, гостившие здесь Аксаковы, Тургеневы, Толстые. Все это купили, сохраняли и пополняли Марковы...

По приезде Николай ахнул... Над дворцом в Никольском курился едкий дымок. Клумбы были вытоптаны. Скульптуры, которые не удалось утянуть с собой, варварски разбиты. Внутри все было засыпано битым цветным стеклом. Леденящий ветер гулял по совершенно пустым голым комнатам. На заплыванном полу то тут, то там валялись дохлые птички со смятым оперением. Со стен содрали не только гобелены, но и матерчатую обивку - на портянки шелковые. Мебель, книги, тропические растения в кадках были растащены по дворам местным людом. У купидонов, вылепленных при входе в будуары, были разбиты пики, отбиты крылышки, половые органы...

Николай долго не мог без содрогания вспомнить, как никольские мужики вертели опромные сигарки из страниц, вырванных из Платона, Овидия, Хераскова... Народ, ставший в одночасье хозяином эдакого добра, запасливо складиро-

вал в хлебах и на чердаках имущество Марковых, радуясь, что теперь в трельяже рядом с коровьей мордой, отраженной в трех зеркалах, можно лицезреть себя с домочадцами во время дойки. Что из пуфов и ящиков секретера получаются очень удобные куриные гнезда. Что книг хватит теперь очень надолго, на очень много цигарок себе да и детям тож.

Приятель, у которого укрылись посадские беглецы, рассказал, что в Никольском власть перешла к самым отъявленным горлопанам из волостного комитета бедноты. Они и дали команду зорить барское добро. И посоветовал Богутинскому:

- Вам, Николай, нужно бы, пока заморозков на реке нет, на лодке сплавляться к Белояру, там - на пароходик и в Самару. В губернском городе скорее укрыться можно. Да и недолго эта анархия вытворяться будет. Обождете... А там - за все спросится!

Богутинский и сам понимал, что нужно уходить в Самару, к друзьям, к штабам, к Лизе, позаботиться о ней в это дрянное время. Так и поступил. Оставил только дома Кичигина, договорившись о связи, поручив ему собрать членов союза, объявить о временной конспирации.

VII

Самара полоскалась ветрами, распушив по улицам и зданиям кумачовые потнища. Здесь беглецы могли ходить уверенно - их не знали в лицо, да и в губернской толпе можно было легко затеряться. И здесь перемены, которыми отмечился в истории новый, Советский Мир, были разительны. На Алексеевской площади, например, Богутинский не увидел привычного памятника императору Александру II. Еще в 1889 году академик Шервуд создал уникальное творение. Как в яви Николай видел могущественную бронзовую фигуру в общегенеральском сюжете и фуражке, в накинута на плечи шинели, левой рукой опирающуюся на саблю... Над волжской крутизной высился пьедестал из красного финского гранита, по углам его были укреплены бронзовые же венки с царскими вензелями, соединенные между собой бронзовыми гирляндами. На лицевой стороне под императорской короной был укреплен щит с надписью: «Александру II, Царю-освободителю 1889». А на противоположной стороне - щит с гербом Самары. На боковых сторонах пьедестала были изваяны щиты с перечислением важнейших реформ и событий времен царствования Александра II.

Штабс-капитан хорошо помнил, как восторженно рассказывал отец о своей поездке в составе мелекесской делегации на открытие памятника в столицу губернии. Городской голова П. Алабин выступил с проникновенным словом. Спало покрытие с памятника, и огромная толпа из управляющих, чиновников, военных, купцов, промышленников, интеллигенции, мещан, крестьян и духовенства, представляющих как все слои общества, так и все уезды и волости губернии, жертвовавшая свои рубли на создание этого памятника, - обмерла открывшемуся величию и лепоте, затем - разразилась рукоплесканием. Старшего Богутинского особо поразило, что ниже щитов на пьедестале застыли четыре сидящих фигуры. Среди них выделялся русский крестьянин, осеняющий себя крестным знамением. Левой рукой он держал хартию с надписью: «19-го декабря 1861г.» Хороша была и фигура восточной женщины с тонким станом, одной рукой сбрасывающей надрю, а другой подносящей корону к ногам царя. Она олицетворяла этим жестом покорное присоединение народов Средней Азии к Российской империи.

О покорении Кавказа свидетельствовала фигура черкеса, переламывающего свою шашку о колено... Фигура молодой женщины, разрывающей цепи и поднимающей знамя с полумесяцем, - символизировала освобождение братской Болгарии от османского ига...

Ничего этого Богутинский-младший, обожавший символы еще с расказов отца, уже не увидел. Как не было в гранитном постаменте, в нишах, водяных струй, сбегавших водопадами в резервуары-часы и по трубам стекавших с косогора в Волгу. Сиротливо стояли обезглавленные столбы, на которых крепились четыре изящных канделябра из чугуна с пятью фонарями в каждом...

Недалеко от Троицкой площади в доме Курлиной мелекесцы застали некоторых членов самарского союза офицеров во главе с полковником Генштаба Галкиным. На удивленные вопросы приехавших самарские офицеры рассказали, что толпа, ведомая местными большевиками, повредила и башню с городскими курантами, сделанными в мастерской известных российских часовщиков братьев Буденовых. По ходу был разграблен и дом купца Шибаева рядом с городским базаром. А вся атрибутика с памятника императора (особенно бронза) была варварски отшиблена молотками вместе с кусками гранита и растащена по домам Безьямянской слободы и Трубного завода. «То ли еще будет, господа, - сетовали собеседники, - мы ждем много худших событий и поступков этой власти...»

Самарцы словно в воду глядели. Скоро остатки памятника красные плотники заколотили досками. Пришедшие в Самару в 1918-м комучевцы освободили заколоченного царя-освободителя, но не надолго. Уже осенью того же года красные, отбив город, увидев памятник-красавец, готовый к восстановлению, вновь разграбили его, расколов фигуру Александра II и, спустив останки с волжского косогора на свалку. На самом же царском пьедестале, на поруганном месте, установили позже фигуру своего бесноватого царя - В. Ленина, который так же символично прятал свои бронзовые руки, обгаренные монаршей кровью, в карманах брюк, дабы не являть их памятивому народу...

Еще большее потрясение ждало Николая на Саратовской, где он отыскал лазарет, в котором служила Лизонька. Озираясь по сторонам, пожилой санитар из запасников поведal «его благородию», что красногвардейские дружинники, учинившие чистку лазарета, вытаскивали во дворы не успевших скрыться или недвижимых раненых офицеров, где их стреляли без суда. А нескольких сестер милосердия, «барышень», как называл их санитар, ставших на защиту раненых, растянули по палатам и «ссировали». «А уж как они кричали, несчастные, - здесь санитар истово крестился, - и заступы никакой не возможно было сделать перед извергами... Ваша барышня, Лизавета Ивановна, вырвалась, в крови вся, и голышом кинулась по коридору, - тут ее, сердешную, на штыки антихристы с красными бантами и подняли...». Утиравший засаленным рукавом гимнастерки слезы дядька-санитар, сказал, что ночью всех «убиенных» он с истопником «утянули в мертвецкую», где их наскорю отпел госпитальный священник. Утром тела покидали на телеги вновь пришедшие изверги, увезли, видимо, поскидав в общую могилу, а где - то неведомо. Да и обещали всем свидетелям этой расправы «смерть лютую», ежели когда языки развяжут... Николай, чувствующий, что под ним земля стала покачиваться, а мир вокруг заслоняет туманная пелена, быстро сунул в руку санитару золотой червонец: «Спасибо тебе, братец, что правды не скрыл» - заторопился по улицам, пытаясь как можно дальше уйти от страшного места этого, от горькой смертельной вести.

VIII

Поземка свирепо обметала холмы под Бугурусланом. В балке, прикрытой снежным гребнем, накапливались силы сводного батальона под командованием штабс-капитана Богутинского. Создатели какой армии были они, - наверное, не представлял себе даже сам командир. Казачья рота, которую поручил ему сам атаман Оренбургского войска - генерал Дутов, ушла в глу-

бокий разведывательный рейд по заволжским степям. И, хотя боевых стычек с красными у них почти не было, по всем станицам и селам, которыми проходила «армия» Богутинского, она оставляла за собой виселицы со вздетыми на них сождеповцами, пополнялась местным людом из казаков, фронтовиков шедших в войско со своими конями, оружием, припасами. Рейдовый поход заглублялся все ближе к Самаре. Видимо, Богутинского неосознанно влекло к этому городу, разум и голос сердца заглушались ненавистью, мщением. На привалах, у стола со снедью и мужицким напитком - самогоном, под гудение печи и пьяные всхлипы, Николай брал гитару, вздрагивали струны:

...И смеялось когда-то, и сладко
Было жить, ни о чем не моля,
И шептала мне сказки украдкой
Наша старая няня - земля.
И любил я, и верил, и снами
Несказанными жил наяву,
И прозрачными плакал стихами -
В золотую от солнца траву...
Пьяный хам нескончаемой трезной
Затемнивший души моей сень,
Будь ты проклят и ныне, и присно,
И во веки веков, аминь!

Уже в марте батальон, а скорее партизанский уже отряд Богутинского стал основой для формирования армии образованного ме Комитета членов Учредительного собрания, посчитавших себя законным правительственным формированием многоострадной России. Эсеры, меньшевики, эсдеки, партии, отвергнувшие союз с большевиками, пытались придать хоть какую-то легитимность осуществляемым социальным реформам. Николаю было все равно, какие программы разрабатывались этим правительством. Получив заверения в том, что

главное - это свержение большевистского и хамского режима, он всецело вручил себя и свое формирование в руки союзников-попутчиков, заметив: «Я, господа, офицер, воин. Тем вам и полезен буду. Располагайте моей жизнью, моим положением, моими людьми и умением». Дивизионное формирование возглавил полковник Галкин, возложив оперативно-разведывательную деятельность на равшегося в бой штабс-капитана и его лихую команду, набравшуюся свирепости и опыта в хождении по тылам красных отрядов. Богутинский в штабах теперь не засиживался, на ветру и раннем солнце лицо его огрубело, загорело, руки заскорузли от простой солдатской работы, форма обтрепалась в походах и о конские седла. Израненная душа, словно встряхиваясь от загрубелых чувств и жестокости, всколыхивалась странными воспоминаниями. Особенно на привалах, после не охмеляющих его пьянок, бессонными страшными ночами. То вдруг наплывали воспоминания детства, золотистые лужайки у их дома, голубые залесные дали черемшанские. То вдруг он переносился в Симбирск 15-го, где на краю горы одурял запахом сирени Владимирский сад. Наплывала музыка из купеческого клуба, флиорирование по аллеям щеголей-офицеров с местными мешаночками. Высокие столбы на Соборной площади с вызолоченными верхушками, иллюминация, театральные подмостки и ясный сквозь видения, радостный смех Лизы, откликающийся на репризы заезжей оперетки... Все это накручивалось в памяти Николая, как один веселый ярмарочно-светлый день, где балаганы и карусели, огромные, красочные палатки с разными спастями, мануфактурно разноцветные ряды, барабанный бой и пьяный мужик, изображающий «Барыню», то - бег розвальней по сугробам, почти верхушек занесенных снегами деревьев, жаркие поцелуи под медвежьей полостью, дворники в больших расписных валенках, скребущие тротуары Симбирска, ухмыляющиеся, заведя санки с офицером и душкой «студенточкой», отдающие честь...

Уполномоченный Комуча по Оренбургской губернии - генерал Дутов требовал возврата своей рейдовой роты под свои знамена, и Галкину пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать нужность команды Богутинского под Самарой, где намечалось главное сражение. А штабс-капитан всем сердцем рвался к югу - туда, куда увел его боевых соратников, вставших в боевые порядки Добровольческой армии, обожаемый фронтовиками генерал Корнилов. Но... красные заслоны у Саратова, Ростова-на-Дону, Екатеринослава, Царицына, как сквозь сито просеивали движущуюся к югу, на Кубань, армаду беженцев, безошибочно определяя переодетых офицеров, юнкеров. Которых, в лучшем случае, ставили под ружье в красных отрядах, в худшем... Потому, сдерживая свой порыв, Богутинский утешался тем, что чем скорее они вышибут большевиков из Самары, Саратова, Казани, родного Мелекесса, - тем быстрее произойдет долгожданное объединение их войск со спешащим к ним Корниловым. А когда и до них донеслась весть о гибели генерала от осколка стального снаряда и о том, что взявшие Екатеринодар красные, якобы выкопали тело героя-военачальника, возили покойного по улицам в одних кальсонах, на привязанной к его ногам веревке, и заставляли плавать и испражняться на тело Корнилова горожан, а в конце - повесили труп вверх ногами на дереве и по ночам бродячие собаки обглядывали его лицо и руки, - Николай поклялся под образами, что никогда он не познает теперь пощады к этим кровавым варварам...

Плакали, не скрывая чувств, ожесточенные судьбой и беспощадной битвой его друзья-офицеры, сурово и молча смолчали табак окружавшие их солдаты, когда хрипло и безысходно, выталкивая слова из пересохшей глотки, спазматически и пророчески пел штабс-капитан:

В зареве казней и смут,
Видите - руки Корнилова
Русскую землю несут.
Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все,
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.
Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас.
Есть умиранье в теперешнем,
В прошлом бессмертие есть,
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть.
Мы и живые безжизненны,
Он и безжизненный жив,
Слышу его укоризненный,
Смертью венчаный призыв.
Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ,
Слышите, сердце Корнилова
В колокол огненный бьет!..

Ах, как хороши и точны были слова сослуживца Николая - поручика уланского эскадрона 3-го сводного кавалерийского полка корниловцев - Ивана Савина (Саволайнена). Как созвучны тому, что переживали сейчас все, кто служил под началом бесстрашного генерала и безраздельного патриота Руси - Корнилова...

А боевые друзья уже требовали - просили: «Господин капитан... Николая, просим - «Пулю-дуру»... Силь ву пле!» И он, осторожно, чтобы не сорваться в угаре, трогал струны, поправлял бант из георгиевской ленты, венчающий гриф, зачем-то низко-низко приклонялся к гитаре, словно вслушиваясь в эхо из ее дуплистого нутра, начинал тихо, глубоко и со всхлипом:

У эпохи - не глаза, а дула!
Взгляд наполнен холодом и злом.
По Руси гуляет пуля-дура
Блудной девкой за любым углом...
Для чего ты, дура, прилетела?
Жили мы, не помня о тебе,
А сегодня нет уже предела
Этой окровавленной гульбе...
Пуля-дура, нет тебе запрета!
Лупит шквал свинцового дождя.
Не щадя солдата и поэта,
И саму Россию не щадя...
...Сыто усмеваются с прищуром
«Нового порядка» господа.
Пуля-дура, ты и вправду - дура!
Попадаешь, дура, не туда...

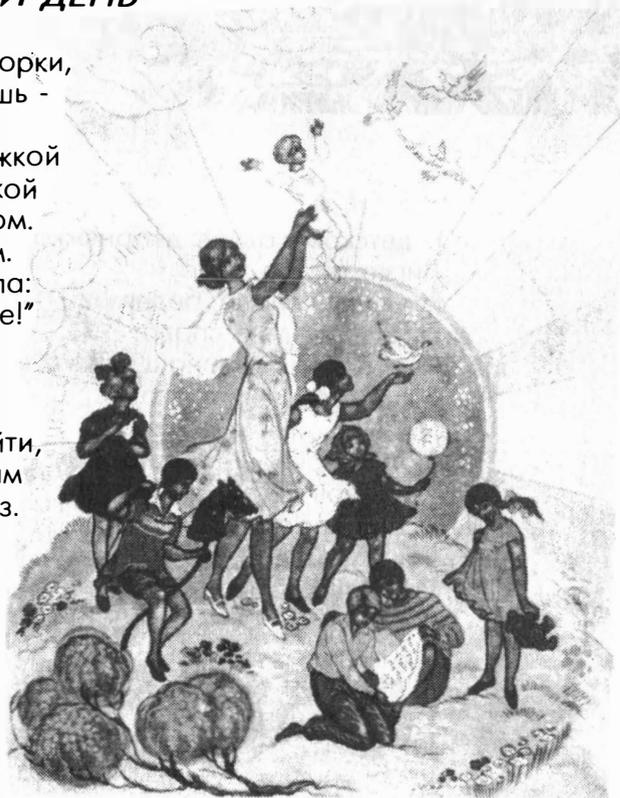
Продолжение следует.

Александра БЕЛОВА

КАЖДАЯ СНЕЖИНКА, КАК ЗВЕЗДА!

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Скоро весна!
Оголились пригорки,
Нас не удержишь -
Опять убежим
С другом Серезжкой
И братом Егоркой
В рощу за соком.
Тогда поспешим.
Скажет нам папа:
"Берез не губите!"
Это мы знаем,
Когда наберем
Соку, и прежде
Чем из лесу выйти,
Жвачкой заклеим
Все ранки берез.

СНЕЖИНКИ

Я поймала
Снег на рукавичку.
Посмотри,
Какая красота!
Каждая снежинка -
Необычна
Каждая снежинка,
Как звезда!

ЛИСКА

В детском садике дворняжка -
Лиска рыжая жила,
На сырой земле, бедняжка,
Под верандою спала.
Хорошо, что дом наш близко.
В воскресенье поутру
Мы устроили для Лиски
Под верандой конуру.
И теперь не забываем,
Все приносим ей поесть,
Так вот Лиску выручаем,
И у нас собака есть.
Привыкает понемножку,
Не ко всякому идет,
А подходит к ней Сережка,
Сразу лапу подает.

КУЛИНАР

Маме на кухне
Андрей помогает:
Чистит картошку
И тесто взбивает,
Мясо прокрутит
На мясорубке,
Мелко покрошит
Орешки, взяв ступку.
Делать пельмени
И стряпать печенье -
Сколько же надо
Труда и терпенья!
Любит не только
Готовить Андрюша.
Очень он любит
Еще и покушать.

САНКИ

Грустно девочке Оксанке:
На дворе зима уже,
Покататься бы на санках,
Только санки в гараже.
У окна стоит девчонка,
Размышляет не спеша,
Говорит своей сестренке:
"Не было бы гаража -
Наши санки дома были,
Мы встречали бы зиму.
Ни к чему автомобили,
Гаражи нам ни к чему!"

СЧИТАЛКА

Раз - снежок попал в котенка.
Два - снежок летит в окно.
Три - снежок попал в девчонку -
Это мне не все равно.
Раз - выходит брат девчонки.
Два - он уши мне дерет -
За нее и за котенка.
Три - в окне грозит сосед.

НОВЫЙ ГОД

Как долго ждал я
Праздник Новый год.
Я знал, что Дед Мороз
Опять придет.
А он меня услышал
И пришел,
И девочку -
Снегурочку привел.
Снегурочка вошла,
На елке все
Фонарики зажгла.
А Дед Мороз
Подарки раздает.
Какой чудесный
Праздник Новый год!

ДЕД МОРОЗ

Я по улице бежала
И кого-то повстречала.
Он был с палкой, с бородой,
За спиной мешок большой,
Рукавицы, красный нос.
Кто же это? Дед Мороз!

ВЫХОДНОЙ

Дети с нашего двора
Вместе с самого утра.
Вон с горы летит Наташка,
Под горой стоит Егор,
Надевает лыжи Сашка...
Побегу и я во двор.
Нагуляюсь я, устану,
Прибегу поесть домой.
И тогда скажу я маме:
"Счастье - это выходной!"

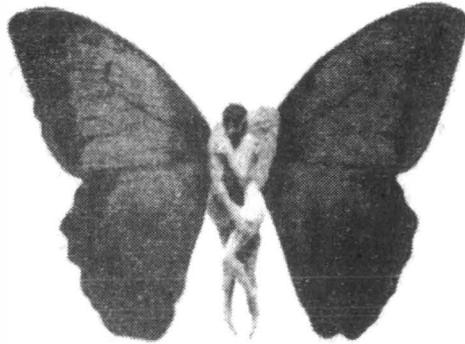
НА РЫБАЛКЕ

Тихо, Андрюша,
Веслом не маши.
Плещется! слушай!
Ушла в камыши.
Встали. Наживку
Скорей на крючок,
Леску забросили,
Тут уж молчок!
Чешется нос
У Андрюши. Чихнул!
Рыба не клюнет,
Конечно, спугнул!

МАСЛЕНИЦА

"Приходите на блины,-
Бабушка сказала,-
Будут вкусные они."
Но она не знала,
Что сначала мы пойдем
И проводим зиму,
Там гостинцев наберем
Целую корзину.
Принесем гостинцев ей
Много-много разных.
Пусть у бабушки моей
Тоже будет праздник.

ШАРОМЫ

**Лидия
СТЕПАНОВА**

«ЭХ, ПОЗЛЮ НАРОДУ!»

ПРО ТУЧКИ И КУЧКИ

Осенний день, как кружка пива...

...Увы, пока, забывшись, я мечтаю,
Пока душою в небесах парю,
На желтенькую кучку наступаю
(Теперь я не о листьях говорю)...

А. П.

О, уважаемый А. П!
Мне вас ужасно жалко!
Ходите лучше по тропе,
Чем все бродить по свалкам.
Пора «завязывать» мечтать
Да все смотреть на тучки,
Чтоб впредь уже не наступать
На желтенькие кучки.
А то вот в неурочный час
По свалкам вы бродили,
Вступили в кучку в самый раз,
От стресса все забыли.
Вас этот случай так потряс,
Как вас зовут - забыли враз.
Сидите дома вы теперь на канале
И называете себя - А. П.
И цветом в осень пиво пьете
И никуда уже не идете.

*ЖЕЛАНЬЯМ, МОЖЕТ,
СТОИТ ДАТЬ СВОБОДУ?*

Скандалов всяких лучше избегать,
И не желать несчастья соседу,
И не врываться в умную беседу,
И нос везде и всюду не совать,
Не раздражать, не взбалтывать, не злить,
Ходить всегда, не поднимая глаз,
Жить в норке, не высовывая носа.
Быть и не быть. В отсутствии вопроса
Ответ вопросом кажется подчас.
Ведь чтобы не испортилась порода,
Желаньям, может, стоит дать свободу?

Е. Сорри. Сонет №7.

Давно подспудно чувствовала я,
Что голубых кровей моя порода,
Поэтому желаньям дать свободу
Я возжелала, милые друзья.
Желания меня обуревали,
Но я всечасно сдерживала их.
Границы прочь! Они заслон прорвали,
И - на свободу! - так гласит мой стих.
Вот захочу, к примеру, я скандала,
Устрою я вокруг такой разнос!
И всюду суну нос. - Я так сказала,
Сим разрешив бытующий вопрос.
Эх, все взболтаю! Эх, позлЮ народу!
Несчастья всем я пожелаю враз.
Улучшится тогда моя порода,
Я буду сверху вниз смотреть на вас.

ПРОСНИСЬ И ПОЙ

Жизнь так прекрасна, этого ради -
Снова проснись и пой.
Это не правда, что каждый - предатель.
Нет, только - каждый второй...

Нонна Алиева.

В детстве мне твердила мама:
«Все предатели вокруг!»
Возражала я упрямо:
«Нет! Не все! Есть враг, есть друг».
Жизнь догадку подтвердила,
От предательства устаю.
Все равно все в жизни мило! -
Оттого, проснусь - пою!
Вот и вам я предлагаю:
«По утрам проснись и пой!»
Хоть доподлинно я знаю,
Что предаст нас тот, второй!

МОЛЧАНИЕ

И вновь апрель, и мир дурманом дышит,
И сердце ритмы путает в ночи,
Ты что-то говоришь, меня не слыша,
И лишь Господь все слышит и молчит...

Нонна Алиева

Весь мир дурманом задышал в апреле.
Меня не слыша, говоришь в ночи.
А я все ритмы спутала в постели.
Прошу тебя: «Немного помолчи!»

МЫСЛЕЙ ПУД

Святки. Полночь. Замерзший пруд.
Снова лик луны безутешен...

Я почти ничего не вешу,
Только мыслей тяжелый пуд...

Одиночество. Полпути.
Лед скрипит, словно створка двери...
Дай же Господи, мне по вере,
Чтобы могла до себя дойти...

Нонна Алиева.

Я почти ничего не вешу,
И вот-вот я в воздух взлечу.
Лик луны, как и я, безутешен,
Я к нему улечу.
Из всех сил я взлететь стараюсь.
Что-то держит. Да, мыслей пуд!
Не дает Бог по вере. Маюсь.
Не пойти ль на замерзший пруд?
Но на полдороге я встала. -
Мыслей пуд не дает шагать.
Как от тяжести этой устала! -
Ни взлететь. Ни ходить. Ни поспать.

ЭПИЦЕНТР

Если я все же умру, то не
Будет причиной скромность.
Есть лишь одна дорога: ко мне.
Все остальное - пропасть...

Нонна Алиева.

Что в Рим ведут дороги непременно,
Не верьте! Все ведут они ко мне!
И знайте! Нонна - эпицентр Вселенной! -
Вам заявляю здраво, не во сне.
Все знайте, что при переходе в вечность
От скромности не стану помирять
Ко мне, о люди! Вам открою Нечто,
Чтоб в пропасть не попали вы опять.

А СУДЬИ КТО?

А судьи кто!?

Свое у каждого из нас дитя:
Ошибки, мудрость, опыт, вдохновенье...
Вот у меня - сие стихотворенье,
Которое лишь часть теперешней меня.
А судьи где?!

Кристина Бондарева.

А судьи где?! А судьи кто?!
Ищу и жажду их суда!
Тут родилось такое! - что...
Что без суда, ну, никуда!
Сие великое стихотворенье
Рожала в муках, от греха.
А вам бы все: Хи-хи! Ха-ха!
Ну, нет! Не вам судить творенье!

ПОЛУБЕЛЫЙ СТИХ

Я так устала...
Я хочу быть «пьяной»!
Безумною и незажатой дамой.
Не дамой даже - стервою -
Упрямой и шальной,
Но умной, хоть и чокнутой,
Чтоб не сидеть голодною,
И не орать под окнами:
«Шерше ля фам МЕНЯ!»
Вот перестану хмуриться,
Все остальное - сбудется,
И брошусь в ритме башенном
И... обожгусь игрой.
Та боль вернется пылкою
Вслед за улыбкою,
Святой, невинной,
Как мое второе «Я».

Кристина Бондарева.

Я так устала! - хоть и молода,
Как будто всё вагоны разгружала.
Мне надоело быть святой всегда,
И быть невинной тоже я устала.

Хоть эти качества - мое второе «Я»,
Но сознаю, что есть еще и первое.
Как на духу призналась вам, друзья, -
Что первое - быть постоянно стервою.
Хочу быть пьяною, но нет вина -
Киоск закрыт и денег нынче нет.
Быть стервою хочу, дойти до дна,
Чтобы не думать: «Что же на обед?!»
Но не хочу под окнами орать:
«Шерше ля фам!» - пусть это все другим.
Я в ритме бешеном начну скакать,
С меня нашедшим кем-нибудь одним.
Нет! Не позволю я «шерше ля фам меня!»
Я - не для всех. И я - не из таких.
Хоть стервою из стерв и стану я,
Но лишь для избранных.
О том - мой полубелый стих.

И ЗАВЫЛ, ЗАВЫЛ, ЗАВЫЛ!

**Темень, темень. Я с тоскою
Головой прильнула к окну.
Вою, вою, вою, вою
И тону, тону, тону...**

Павел Слюняев

Головой прильнул к окну -
Вижу желтую луну.
И завыл, завыл, завыл! -
Отарваться нету сил.
И собака в ночь ко сну
Тоже воет на луну.
Воем мы дуэтом с ней,
Вместе как-то веселей.
Вой наш слышите? - То-н-ну-у-у-у!
А-а-а! и У-у-у!

ИНДИВИД

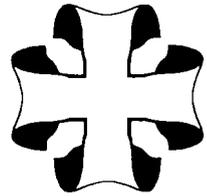
Я вновь недожитую жизнь
принимаю за сон
Утро. Ванна. Чей-то в зеркале взгляд.
Вновь вместо смерти -
будильника «Славича» звон.
Снова я жива, но как-то по-мертвому рад.
Мне хочется крикнуть,
но паста зубная не даст.
Стараюсь придать
под глазами мешкам свежий вид.
Я рад, что среди всех народов,
сословий и каст
затерян и мой, почти что живой, индивид.

Павел Слюняев

Хотелось мне крикнуть с утра:
«Эй, народы, сословья и касты!

Я рад, что я жив!
Я почти что: живой индивид!»
Но рот мне! забила
одна заграничная паста.
Зубная.
О ней вся реклама
сегодня кричит.
Спустил машинально
полтюбика пасты на зубы, -
слепила она все во рту -
ни закрыть, ни открыть!
Противная паста!
Сегодня мне было так любо,
что снова я жив!
Собирался и дальше пожить,
вид свежий придать
всем мешкам под глазами старался.
И в ванну залез:
как-никак, а почти что живой!
Будильника «Славича»
звон из-под ванны раздался.
Я вздрогнул -
из зеркала взгляд был.
Но чей-то! ЧУЖОЙ!
Из ванны скорее от ужаса
выпрыгнул голый.
Бегу. Расступаются.
Всюду хохочет народ.
А мой индивид,
среди словесий и каст невеселый,
Пытается крикнуть,
но паста кричать не дает!

ФЕВРАЛЬ
1999 **2**

литературно-художественный
и краеведческий журнал